

ИЮЛЬ

В
ОЙРОТИИ

Л. ОВАЛОВ И
А. ШАПОВАЛОВА

**Библиотека
Экспедиций и
Путешествий**

**Л. Овалов
А. Шаповалова**

Июль в Ойротии

Огиз. Молодая гвардия • 1933

Оглавление

	Стр.
О поездке	3
Пароход ушел вниз	12
Как у мужика лошадь завелась	13
Дорога	15
Лес	20
Из дневника Гути Терребесевой	24
Ремонт	26
Огород сражения	29
Борьба с медведями	33
Совет	35
Пять убитых коров	39
Артыбашская хроника	41
Письмо в Москву	42
Тени на озере	—
На воде	47
Гибель долины	50
Кырсай	52
Серебряное седло	55
Райские яблоки	58
Теплынь	70
Заметки о Кумуртуне	74
Нападение смертью	78
Охота на ястребов	87
Улаган	94
Хабаровка	102
Рассказы товарища Никитина	104
В траве	111
Онгудай	112
Жадность	117
Ойрот-тура	119
Пейзаж	128
Конец	134

О поездке

Шестеро молодых товарищей с карандашами, блокнотами и фотоаппаратами проехали по Ойротии свыше тысячи километров.

Мы хотели видеть страну, о которой читали и слышали самые экзотические рассказы, без романтических покровов, и лишний раз убедились, что экзотики в природе не существует, что экзотическое описание есть отбор красочных особенностей в ущерб объективному отображению действительности.

Ойротская автономная область образована в 1922 году. До революции эта страна числилась частью Алтайской губернии.

Издавна среди местного населения существовала легенда об Ойрот-хане, во времена которого алтайцам жилось легко и привольно и который рассердился и покинул свой народ, но настанет время, он вернется и освободит алтайцев от гнета чужеземцев.

Алтайцев раскрепостила Октябрьская революция. Но так как Ойрот-хан является символом освобождения алтайских народов, страну называли его именем—Ойротией.

В первые годы советской власти к товарищу Алагызову, председателю областного исполкома, часто приезжали знакомые алтайцы и упрекали:

— Зачем объявил себя Ойрот-ханом? Ведь мы тебя давно знаем.

Однако, легенда об Ойрот-хане скоро развеялась, когда алтайцы убедились, что в их власти выбрать в исполком и Алагызова, и кого им еще угодно, и что не ханы, зайсаны и богачи управляют Ойротией, но сами трудящиеся стали ее хозяевами.

Сама поездка, веселая и здоровая, заслуживала описания,

но все проявили такой горячий интерес к ойротской действительности, что решительно ни у кого нехватало времени обращать внимание на самих себя.

Возвращаясь, гадали, шутили:

— Как назвать путевой очерк?

— По числу пройденных миль. «Тысяча километров».

— Позвольте, вместе с проводниками мы ехали на девяти лошадях... «Девять лошадиных сил»!

Лошадей приходилось менять после каждого перегона в восемьдесят-сто километров. На более далекое расстояние хозяева не соглашались давать лошадей. Возможно, им просто не хотелось далеко отъезжать от дома, но причину они находили в следующем:

— Моей лошади трудно идти в горы. Задохнется.

Или наоборот:

— Не привыкла лошадь к долинам.

Дело в том, что климат Ойротии не только резко-континентальный, свойственный средней полосе Азии, но и обладает всеми особенностями горной местности. В долинах июльский зной загоняет стада в реки, и в это же время на высоких плоскогорьях выпадает снег. В узких ущельях воздух, согретый накаленными солнцем камнями, не остывает даже ночью, а наверху, в горах, воздух разрежен и холоден и дуют резкие ветры.

Ойротия входит в состав Западносибирского края, расположена в его южной части, занимает большую часть горного Алтая и граничит на юго-западе с Казакстаном, на юго-востоке с Монголией и на востоке с Танну-Тувой.

По правде сказать, намеченный маршрут мы скомкали — не учли дорожных трудностей. Но даже в своем осуществленном виде, Бийск—Ажинск—Турочак—Артабыш—Телецкое озеро—Кумуртук—Улаган—Чибит—Онгудай—Ойрот-тура—Бийск, он глубоко интересен и поучителен.

От Бийска мы поднялись на пароходе до Ажинска. Дальше пароход не шел: слишком быстрое течение, много порогов.

От Ажинска до Турочака ехали в плетеных коробках.

Фотографы твердо заявили, что снимать они будут только Ойротию.

— Ни одной пластинки зря.

Их дипломатично уговаривали:

— Ах, ах! Какой ландшафт... Особенно небо... Ах, как это фотогенично...

Фотографы не поддавались на провокации и пятьдесят

километров проехали по Ойротии, ни разу не щелкнув затвором объектива.

Внезапно они узнали, что рубикон перейден возле озера Куреевского.

Как они взволновались!

— Вы подумайте, потеряно пятьдесят пейзажей! Километров то есть. Сто, двести, триста пейзажей!

Предгорья Алтая по растительности и климату не отличаются от сибирской тайги.

Проселочные дороги неисправны—глубокие колеи, грязь, поломанные мосты, но для езды на телегах кое-как пригодны.

От Турочака пробираться можно только верхами.

Один из спутников, крепко стиснув зубами трубку, деловито похвастался:

— Мне приходилось наблюдать, как скачут в пустынях арабы.

Такие торжественные слова он говорил часто, затем взбирался на лошадь, безжалостно ударял ее прутом и скрывался из виду.

Но за поворотом его неизменно находили спешенным. Через несколько дней все уже заранее знали, что он обязательно встретит товарищей возгласом:

— Опять ослабла подпруга!

В конце поездки мы случайно сделались свидетелями не только его лихих эскапад, но и не менее лихих сальтомортале: беззастенчиво и непринужденно всадник перелетал через голову лошади и, описав параболу, плашмя распластывался на земле. Правда, он и тут восклицал:

— Эта проклятая подпруга!

Мы же, глядя, как он потирает ушибленные колени и неразборчиво брюзжит на лошадь, дружно выражали сочувствие и тонко льстили:

— Да... Привычка к арабским скакунам... Ты напрасно горячишься и пытаешься опередить эту робкую лошадку...

Этому товарищу в поездке не везло. У одной из переправ через Катунь он вздумал приобрести доху. На первый взгляд доха казалась великолепною. Меха горных коз выглядел соблазнительно. Закутавшись на ночь в доху, утром он проснулся похожим на лысеющего козла. Меха вылез и пристал к одежде. Соблазнительная доха оказалась негодной выделки.

В начале поездки мы были подавлены неутомимым плодородием природы.

Разбив за Кебезенью палатку, спустились к Бие. У крохот-

ного заливчика расположился восьмилетний мальчонок и удил рыбу. Самый взрослый и самый рослый товарищ быстро смастерил удочку из тут же сломанной ветки, бечевки и крючка и вступил в соревнование с мальчонком.

Через час вся компания ужинала ухой. Но, повидимому, хитрая рыбешка, проведав о наших аппетитах, стала избегать встреч с нами и в таком невероятном изобилии больше уже не попадалась.

Рвали цветочки, цветочки увядали, их бросали, рвали новые.

Постепенно привыкли к горам, к лесам, к цветочкам и начали внимательнее присматриваться к людям.

Свыше ста двадцати тысяч ойротов и русских населяют область.

Ойроты ведут происхождение от тюркских и монгольских народностей. До революции ойротам, вытесняемым русскими переселенцами из пригодных для жизни долин в суровые горные местности, грозило вымирание. Смертность превышала рождаемость. При советской власти ойроты получили равноправие. За последние три года число ойротов увеличилось на шестнадцать тысяч.

По административному устройству Ойротия состоит из десяти аймаков, или районов.

Лебедской аймак был первым, в который мы попали. В нем большинство населения—русские. Занимаются они лесозаготовками, охотой на пушного зверя и земледелием.

Весь аймак изрезан речками и речушками. Путникам, едущим из Турочака—аймачного центра—до Талонского сельсовета, приходится пересечь сорок бродов!

Ближе к Телецкому озеру местность становится все более и более гористой. Высятся бомы—узкие выступы отвесных скал, по которым проходят тропы.

Телецкое озеро расположено очень высоко над уровнем моря и достигает трехсот девятнадцати метров глубины. В длину оно достигает девяноста и в ширину двадцати километров. Вода в нем холодна до ломоты в руках.

Озеро мы пересекли на карбасе, на котором перевозят товары для улаганского кооператива.

Поездка наша по озеру длилась три дня, и в продолжение одного из этих дней не переставая лил дождь.

Сверху дождь, снизу туман.

«Простудимся обязательно», думали.

И не только не расхворались, но никто даже насморка не

получил. Чистый горный воздух предохраняет от заболеваний.

До Кырсая добрались глубокой ночью. Не видно ни зги. А электрические фонарики в нужную минуту обязательно портятся. Где-то лают собаки, пахнет скотиной. Очевидно, близко жилище. Под ногами хлюпает болото. Взобрались на какой-то пригорок, ощупью расстелили кошмы, улеглись и прикрылись палатками. О том, чтобы расставить палатки, нечего было и думать. Палатки надо привязывать к деревьям, а мы друг друга не видим!

Проспали часа два. Закапал дождь. Палатки начали промокать. Дождь перешел в ливень. Вода потекла не только сверху, но и откуда-то снизу.

Начало светать, и мы увидели, что лежим на склоне горы и бурные ручьи стремительно подмывают наш бивак.

Завиднелись айлы. Показались ойроты. Мы перебрались в юрты, к очагам.

Это были первые увиденные нами алтайские айлы. Жители говорили только на ойротском языке.

От Кырсая начиналась долина реки Чулышмана—житница всего улаганского аймака. Вода в Чулышмане зелена, как темное бутылочное стекло. Весною Чулышман разливается стремительным потоком, затопляет долины и делает землю плодородной.

Кроме земледелия, население аймака занимается скотоводством. Из молока летом делают масло, гонят арачку (водку), из творога готовят арчи—безвкусный вяленый и копченый сыр. Сыр, содержащий много витаминов,—питание на всю зиму.

Слух о приезде всегда опережал нас, и в лошадях и проводниках недостатка не ощущалось.

Кроме того, еще в Бийске мы наняли постоянного проводника. Вернее, он сам атаковал нас и нанялся. Во время завтрака в дверях гостиничного номера внезапно появилась фигура в длинном сюртуке.

— Кузьма Павлиныч Никулин,—отрекомендовалась она.

Никулин кратко поведал о красотах Алтая, предложил свои услуги, засуетился, зашумел, и мы не заметили, как он уже перетаскивал наши вещи на пароход.

В пути выяснилось, что проводник—его постепенно стали звать Кузей—в Ойротии не бывал, работает в Бийске столяром, имеет шестьдесят лет отроду, но страстно любит путешествовать и...

Кузя скоро со всеми освоился и взял на себя обязанности расторопной домашней хозяйки: мыл кастрюли, разжигал костры, доставал молоко и сплетничал нам друг о друге.

Самый трудный переезд был от Улагана до Чибита. Крутые подъемы и спуски. Топкие болота. Лошади спотыкались на каменистых уступах, проваливались по брюхо в грязь. Горные болота, по которым приходилось проезжать, расположены на твердом каменном грунте и образуются именно от того, что снеговая вода не просачивается в глубь почвы.

Вот наконец последний трудный перевал. Минуем Длинное озеро и выезжаем на Чуйский тракт, к Чибиту. Давно невиданное укатанное шоссе.

В Ойротии основные пути сообщения—колесные дороги и выючные тропы. Трактов только три: Чуйский, в сорок пять километров, известный еще в глубокой древности торговый путь в Монголию, Уймонский, в сто восемьдесят три, и от Ойрот-тура на Телецкое озеро, в сто двадцать три километра.

Хотелось задержаться в Чибите. Население готовилось к скачкам. В состязании участвовали шесть лошадей. Наездники ставили на кон по пяти рублей, и обогнавший получал весь кон.

Смотреть скачки съезжается все окрестное население, многие бьются об заклад.

Но мы уже сэкономили время и не могли задерживаться.

По Чуйскому тракту снова поехали в тележках. Останавливались лишь в Хабаровке и Онгудае.

В Хабаровку приехали в воскресенье. Чтобы сняться, рабочие маслозавода специально собрались и работали.

Ойроты везде снимались охотно, но обязательно пытались позировать.

В Кырсае хозяйка одного из айлов почти не выпускала изо рта трубки, но с трубкой так и не снялась.

В Ак-Куруме девочки с полуслова понимали фотографа и работали на съемке, как опытные киноактеры.

Нельзя не сознаться, что спутники второпях ссорились. Проливной дождь или чересчур раннее пробуждение способствовали появлению разногласий.

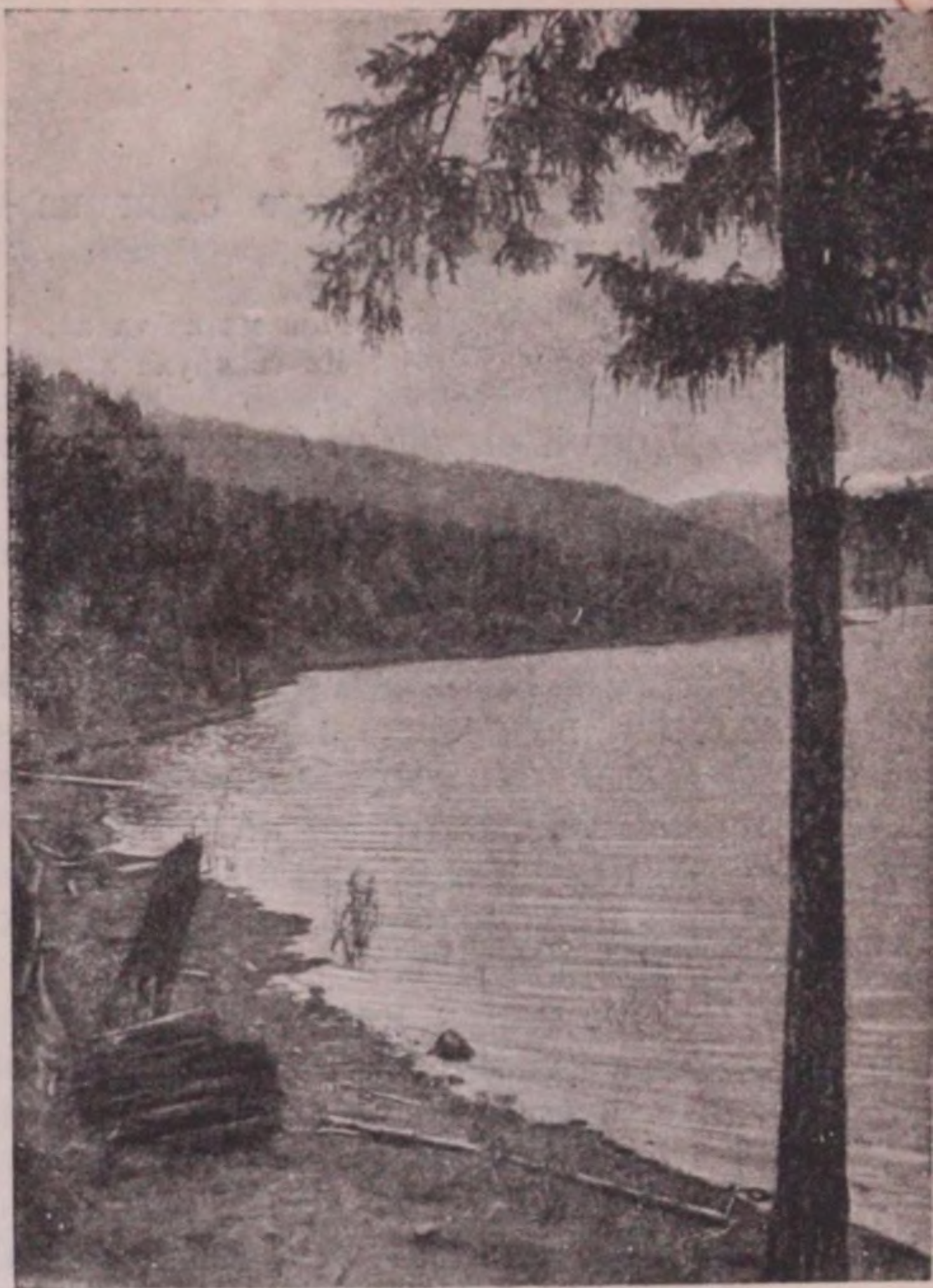
— Бессмысленно вставать спозаранок... Четыре утра!

— А если я тороплюсь в Москву?

Ссоры выражались в более или менее длительном воздержании от разговоров, иногда даже до четверти часа. По про-

Талецное озеро.

Из творога
изготавливают
арчи —
вяленый и
копченый
сыр.

шествии пяти минут один из спорщиков, чувствуя себя одиноким, запевал:

Моя матка такая,
Як свекруха лыхая...

Другой спорщик безразлично отворачивался и продолжал:

День и ночь она не спит,
Только знает, що ворчит...

Пением инцидент исчерпывался. Несколько минут спустя певцы начинали упрекать друг друга в незнании украинского языка, но ссоры уже не получалось.

А как ели! Однажды всемером в один день съели вполне зрелого барана.

А как спали!

На первом же биваке установили ночные дежурства.

— А вдруг бандиты!?

— А вдруг медведь!?

Дежурные добросовестно вылезали из палатки и в течение двух часов спали просто на траве.

Романтика была повержена в прах.

С блокнотами не расставались. Каждый хотел похвастаться наблюдательностью, хотя часто записи разнились только обилием или отсутствием глаголов.

Один кратко записывал: «Белка. Цветы. Горы».

Другой, искоса поглядывая на товарища и гордясь прилежанием, писал подробнее: «Прыгает белка. Растут цветы. Высятся горы... Едем».

Третий выдирал из блокнота листки и мастерил игрушки. Ребятишки приходили в восторг от бумажных петушков и лодочек. Умение сгибать бумагу открывало доступ к родительским сердцам и способствовало заполнению блокнотов.

В Чамале находится туристская база.

Воспитанники чамальского интерната собирают ягоды и продают туристам. Заработанные деньги отдают учительнице. Накопленные суммы тратятся по общему согласию на приобретение каких-либо развлечений—радиоприемника, игр, книжек.

Однажды в Чамал прилетел самолет. Чамальцы подарили летчикам медвежонка. Летчики решили взять его с собой.

— Медведь—дух тайги, его нельзя поднимать, нельзя соединять земных духов с небесными,—предупреждали старики.

Однако, летчики поднялись с медвежонком. Точно назло, произошла авария. Пришлось снизиться. Исправили мотор и поднялись снова.

— Ведь полетели же?—сказали старикам.

— Теперь можно,—ответили они.—Принесли богу жертву—много денег на починку потратили.

Последним пунктом нашей поездки была Ойрот-тура—столица области. Во время нашего пребывания Ойрот-тура походила на небольшой поселок, и слово «столица» воспринималось особенно остро. Но Ойрот-тура срочно планируется, обстраивается и в самом недалеком будущем превратится в большой советский город.

Поездка от Бийска до Бийска заняла месяц.

Мы побывали в семи аймаках—Лебедском, Улаганском, Кош-Агачском, Онгудайском, Шебалинском, Чамальском и Улалинском. Непродолжительность поездки не дала возможности глубоко изучить страну. Территория Ойротии свыше девяноста тысяч квадратных километров!

Но даже путевые впечатления говорят об Ойротии как о стране богатейших возможностей. Долины плодородны. Посевная площадь с семнадцати тысяч гектаров в 1923 году увеличилась до шестидесяти тысяч в 1931-м. Пастбища обширны. Стада и табуны страны выросли с двухсот шестидесяти восьми тысяч голов скота в 1923 году до пятисот восьмидесяти восьми тысяч голов в 1930-м. Леса непроходимы. На пяти с половиной миллионах гектаров растут пихта, лиственница, кедр—ценнейшие породы деревьев. В 1928 году было заготовлено всего десять тысяч, а в 1931-м уже четыреста тысяч кубометров леса.

Количество белого угля неисчерпаемо. В будущем Ойротия—одно из электрических сердец нашей страны.

Даже быстро проезжая по алтайским горным тропам невозможно не заметить рыжую охру, краснобурую окись железа, мраморы и графит. Все данные говорят, что в недрах Алтая таятся исключительные богатства.

На геологической карте Ойротия—белое пятно. По почину товарища Куйбышева десятки тысяч советской молодежи принимают участие в работах по исследованию рудных и нерудных ископаемых Советского союза. Значительное внимание должно быть уделено замечательной и неизученной Ойротской области.

Пароход ушел вниз

Девушки никогда не видали парохода. Они толпятся на палубе и рассматривают диковинное оборудование. Любопытных девушек возвращают на берег. «Петр Шлеев» уходит вниз по Бие. Дальше река несудоходна. Хриплый вой выносится из трубы. Слабосильные колеса подминают неукротимую воду. Пароход назван именем своего бывшего капитана.

В восемнадцатом году алтайские партизаны боролись с белыми бандами атамана Кайгородова. Партизаны стояли лагерем в верховьях Бии. Дорогу вверх преграждали шайки прибрежных кулаков.

Шлеев военизировал старый штатский пароходишко и под пулями кулаков доставлял партизанам боевые припасы и провиант. В одну из отчаянных поездок Шлеева убили. Рассказ короткий и неточен.

— Который Шлеев? Бывший капитан?

— Помню, помню... Парень был! Молодой, русский, кудрявый.

— Совсем напротив: чернявый, хромой, с лысиной.

Коротка человеческая память. Не помнят Шлеева? Помнят. Спрошенные старожилы согласны в основном:

— Смелый, честный, истинный большевик.

Время стирает подробности. Неважно, лысым или кудрявым был капитан. Время обобщает. В Шлееве помнят героя.

До революции пароход назывался «Святой Георгий»... Или «Цесаревич»?.. Старое название позабыто.

Сизый дымок тает в облаках, как последнее воспоминание.

От села Ажинска растут горы. Неровная дорога уходит в тайгу. Тайга начинается от берегов Бии. Река вытекает из Телецкого озера. В озеро впадают горные реки, берущие начало в вечных снегах Чуйских альп.

Речная вода холодна и прозрачна. Прибрежные березы изогнулись замысловатыми дугами. Зимами тяжелые снега придавливают деревья, коверкают их форму.

Дорога несется всегда вперед. Гора желта—бесконечные запасы охры. Гора сера—тысячи тонн графита. Подножья гор поросли белыми, голубыми, желтыми цветами. Течение реки быстро. Вода передвигает камни, шумит,—кажется, падает сильный, безостановочный, вечный ливень.

По всей реке ввинчиваются в воду круговороты. Неисчислимые стаи бабочек сыплются на воду, точно снег. Бабочки

похожи на простых черноземных капустниц. В глубоких колеях испаряются остатки майских дождей. Бабочки белыми бугорками осыпали дорогу. Колеса проезжих тележек давят бабочек безжалостно.

Дорога падает в реку. Каменистые броды грозят путникам неожиданными ямами и случайными обвалами. Непрístupными крепостными стенами высятся бомы. На Алтае бомами называют и отвесные скалы, падающие прямо в воду, и просто крутые скалы, и каменные оползни.

На плоских обрывах скал мрачнеют коричневые иконостасы—с поверхности голых каменных стен выступают абрисы странных идолов. Никто еще не объяснил происхождения загадочных фигур—остатки ли это неведомой древней цивилизации или просто следы ветров, дождей, горных непогод.

Местные старики рассказывают сказы о страшных схимниках и жестоких разбойниках. Сказы ревниво оберегаются от сторонних ушей, и никогда, никогда не услышит их ни во что не верящий проезжий скептик.

Как у мужика лошадь завелась

А то еще жил да был генерал, фамилии не упомяну. Генерал, как следовать быть, с медальонами, с усами, с ножнами, вдовый. За это самое, за заслуги, был он царем каторжан блюсти поставлен. А заслуги его, вестимо, не маленькие. Сорок войн воевал и нивесть скоко народа порешил. Ето раз. А еще два. Грех царский покрыл, взял себе в жены цареву любовницу. А ейная брюхатой на седьмом месяце ходила. Ето тебе два.

Известное дело, зряшно ейные люди греха боялись. Какой от царя приплод? Царь в своей воле живет, пьет вино невозбранно, скоко способно. Я бы сам пил, да не на что, вот и обрядил девять штук поколения. Родимшийся младенец мертвенький оказался. Вот они какие, заслуги.

Генерал народа перегубил страсть неведомо. И было ему видение, а какое—ты ко мне не приставай, я в генералах не жил. Известно, конечно страшное, раз тот человек от доходов откажись и пойдй в схимники.

Сел на гору душегубство тое замаливать. Вырубил по камню иконостас, молиться зачал угодникам преподобным. Молил,

молил—шута вымолил. С нечистой совестью бога за полу не хватай. Генерал-то оказался запасливый. На случай, не поладит с богом, мешок золота взял: плюю, в случае чего, на тебя, господи, я сам с капиталом. Который монах дурак, тот действительно в монастырь доход жертвует. Чего ж ему остается, акромья как поклоны со зла бить?

Прослышал про схимника разбойник, Связкин такой был, каторжник беглый, работал в городе булочником, три семьи зарезал, попался. Пришел он к генералу и давай они браниться. «Генерал, генерал, отдай золото». — «Подавишься». — «Отдай, — говорю, — даром сгниет». — «Просил кобель хлеба, да съел по горбу палкой». — «Отдай, — говорю, — шут божий!» — «А ето видал?...» — Генерал прямо не в себя вошел, похлопал себя по срамному месту да еще дразнится. — «На-ка, выкуси!» И почали они драться.

Связкин генералу ус выдрал, а генерал Связкина в нос укусил. Три дни между ими сражения была. А я, мужик бедный, мимо шел. Слышу, матерятся и караул кричат. Вошел на гору, вижу, понимаю, не станут люди зря мордоваться. Гляжу дале. Мешок! Гляжу в мешок. Золото!

Я тоже, тое, человек бывалый, не от сладкой жисти из Рассеи на Алтай убег. Смекалку мою не овца слизала, мне нужда вторую лошадь купить. Кричу им, мочи нет: «Налетай, налетай, сыпь ему, генерал, в морду! Ты его, Связкин, ногою, ногою!... В живот садани!...» А сам мешок в руки да вниз. Купил лошадь. Вот и живу. Не веришь? А мне начхать на тебя. Знаю, что знаю. Не скалься на ночь.

— А генерал с разбойником?

— Известное дело, спрашивает еще. Порешили друг друга. Разве такой бой кто вытерпит.

— А иконстас все-таки стороной обходишь?

— Очинно даже просто. Ты ночью на его погляди. Ночью там завсегда огонек светится. Мигнет, мигнет и погаснет. Светляки, думаешь? Душенька генералова в камнях ходит, золото ищет. Ну его к шуту. Мне лошадь нужнее.

Дорога теряется между тяжелыми деревьями. В траве увядают не приметные фиалки. и незабудки. Воспеваемые в городе цветы здесь безразличны всем проезжим. Берега сближает паром. Перевозчик, рыжебородый старик, степенно переправляет людей, коней и повозки с берега на берег. Ради лишнего заработка он не предупреждает о поломке следующего парома, иначе народ поедет верхней горной дорогой.

Дорога красива и однообразна. Дорога мечется с берега на берег.

Переправа Камболинская. Сгрудились десятки подвод. Лопнул канат и течение снесло паром вниз. Некоторые ямщики в ожидании переправы живут на берегу третьи сутки. Скопление подвод увеличивается ежечасно. Отсутствие переправы грозит тридцатикилометровым объездом по опасному бездорожью. Паромщики пытаются натянуть новый канат. Вода крутит лодку. Канат тонет в воде, натянутый, вдруг взлетает в воздух,—под солнцем мгновенно блистают мокрый металл и снопы радужных брызг. После долгих усилий канат достигает противоположного берега.

Ямщики бранятся и пытаются закрепить канат. Несколько переселенцев—раскулаченные из Сибири—с демонстративной беспечностью лежат около повозок и не помогают креплению каната.

Наконец канат натянут и паром начинает совершать обычные рейсы. Ямщики торопятся в путь. Вода покачивает паром. Солнце припекает землю.

Дорога

~~До империалистической войны дороги между селами Сайды и Турочак не было.~~

В четырнадцатом году на Алтае появились военнопленные. С целью лишить пленных возможности бегства на родину их увозили подальше от границы, в глубь страны. В глухие таежные деревни ссылались австрийские солдаты. Зажиточные хозяева охотно пользовались дешевой рабочей силой.

Пленные были самыми бесправными батраками. Многие из них работали на лесозаготовках. По топким болотам, застеленным мостками из пляшущих бревен, они подвозили на низкорослых лошаденках, а часто подтаскивали и на собственных спинах лес к берегу, связывали душистые и толстые бревна в плоты и сплавляли их по реке.

У кулака Кутузова жил в батраках Франц Тайеман. Узколицый блондин, похожий на восторженного немецкого студента, он скромно подчинялся всем распоряжениям ворчливого хозяина и выполнял самую трудную и грязную работу в крестьянском дворе.

По вечерам, после утомительного дня, Тайеман спускался к реке с флейтой, бережно сохраненной в окопах и теплушках, несмотря на ужасы артиллерийских сражений и мытарства сурового плена. Он садился на прибрежный камень, опускал веки и наигрывал сладостные мелодии любимого Шуберта. Услышав жалобные сетования «австрияка», к камню собирались ребятишки.

Тайеман опускал флейту на колени, сентиментально вздыхал, сморкался, незаметно вытирал мокрые пальцы о синее сукно замызганного мундира и сиплым простуженным голосом напевал любимую песню старика Клаудиуса. Он пел о смерти и девушке; девушка не хотела умирать, но смерть властно и неумолимо звала ее.

Gieb deine Hand, du schön und zart Gebild!
Bin Freund, und komme nicht, zu strafen.
Sei gutes Muths! Ich bin nicht wild,
Sollst sanft in meinen Armen schlafen!

Ребятишки подходили ближе, жалели «австрияка» и заводили дружескую беседу:

— Дяденька, а дяденька, чего ты поешь?

— Мой любимый ~~германский~~ поэт. Когда нет родина, человек думает про свой смерть,—жаловался Тайеман.— Смерть говорит, дать ему рука прекрасной девушка... О, как нежен ее наружность! Смерть не пришел наказывать, он не дикий... Он не безжалостный... Сладко покоиться в объятьях сна...

Тайеман вспоминал о шумном Грабене, о тенистой роще на Пратере, ему становилось грустно-грустно, и он сморкался громко-громко.

Измученный грубыми окликаками Кутузова, Тайеман послал властям заявление, что он не в силах выносить подлый мужицкий режим и предпочитает жизнь с волками и медведями жизни со злыми людьми, и убежал в лес.

Он скрывался больше недели, питался душистой неспелой земляникой и совсем зеленой смородиной, не выдержал лесных скитаний, вышел на просеку к партии работавших земляков и сдался в плен вторично.

Ему стало еще хуже. Выбиваясь из последних сил, Тайеман с трудом волочил грузные бревна, а наблюдавший за пленными стражник кричал на него резче и злее, чем на остальных. Труднее всего было преодолевать бездорожье, и ~~не~~ утомленный Тайеман послал властям второе заявление, что он

имеет звание дорожного инженера от Высшей технической школы в Вене и просит разрешения начать работы по прокладке дороги между близлежащими населенными пунктами.

Власть проявила гуманное отношение к просьбе военнопленного инженера и приказала пленным австрийским саперам приступить к работам под руководством означенного Тайемана.

Дорога между селами Сайдыб и Турочак была проложена.

Волна революционных перемен докатилась до Алтая. ~~с~~ большим опозданием. Население размежевывалось на грунты. Бедняки осмелели и заводили дружбу с пленными, Куззов, стражники и родственники их хмурились и пророчили всяческие несчастья.

В девятнадцатом году пленных отправили на родину. Тайеман сидел в дверях теплушки, везшей его в родную Австрию, и, свесив ноги, весело распевал:

Vorüber! Ach, Vorüber!
Geh' wilder Knochenman!
Ich bin noch jung, geh' Lieber!
Und rühre mich nicht an,
Und rühre mich nicht an!

Вена встретила бывшего студента Высшей технической школы, ныне действительного дорожного инженера господина Франца Тайемана, не приветливо. Защитник отечества очутился без работы, без хлеба, без крова. Господин Тайеман не имел родных и в одиночестве бился о жесткие двери негостеприимных учреждений, как рыба об лед. Он уже не мечтал о работе по специальности. Он попеременно служил кондуктором трамвая, каменщиком, уборщиком гаража и наконец оказался просто безработным.

С каждым годом жить становилось хуже. Дорожный инженер Тайеман шопотом проклинал ~~социал-фашистов~~ — он не отличался особой храбростью и побаивался полиции, — и снова начал напевать позабытую было песню старика Клаудиуса:

Sollst sanft in meinen Armen schlafen..

И Тайеман вспомнил Бию, прибрежные камни, бешено несущиеся плоты, нежные березы, вспомнил рассказ знакомого монтера, участника рабочей делегации, посетившей Советскую Россию, осмелел от голода и нужды, присоединился к демонстрации безработных, шедшей по Ластенштрассе, вместе со всеми демонстрантами дружно кричал перед

ратушей антиправительственные лозунги и послал новой русской власти письмо с предложением своих услуг.

«...Только в вашей стране ясен смысл труда. Прошу дать мне возможность работать в Советском союзе. Просторы вашей страны нуждаются в техническом освоении. Я проложил дорогу между селами Сайдыб и Турочак. Работа была не вполне закончена. Разрешите докончить дорогу...»

Дорожный инженер Тайеман получил желаемое разрешение. *Удостоверение в нем подписано,*

— Родина там, где можно делать настоящий дело, — сказал он в Москве любознательному журналисту. — О, как бы я не желал вам жить среди демократической Австрия! Там скверно, как во всей Европа, там концентрационный лагерь для всякий честный человек.

В вагоне Тайеман одобрительно рассматривал в окно случайные пейзажи и уже по-русски, коверкая непривычные слова трудного языка, задорно цел:

Иди, ах, мимо, мимо,
Безжалостный скелет!
Я молода, любима,
Меня не трогай, нет!
Меня не трогай, нет!

Старик Клаудиус в русском переводе звучал жизнерадостно.

Прибыв на Алтай, Тайеман получил назначение в незнакомый район. По приезде на место работы он поспешил посетить тропинку, которую должен был превратить в широкую и удобную дорогу, быстро побежал вперед, усмехнулся при виде знакомых густых деревьев, свернул в лес, остановился перед кустом смородины, отщипнул крупную ягоду, пожевал ее и слегка удивленно, но вполне глубокомысленно заметил:

— Смородина уже покраснела.

От перемены слагаемых сумма не меняется.

Дорогу между селами Сайдыб и Турочак действительно прокладывали австрийские военнопленные в 1915—1916 годах. Работами руководил пленный техник.

В селе Покровском бывшей Орловской губернии в годы империалистической войны жил в батраках пленный Франц Тайеман из Вены, призванный из запаса, по специальности архитектор. Он имел самодельную флейту и по вечерам, после работы, наигрывал сентиментальные мелодии Шумана

и Шуберта или напевал арии из популярных опер. В 1919 году он эвакуировался на родину.

Осеннее солнце разрывает завесу дождевых облаков над металлургическим заводом «Красный Профинтерн» в городе Бежице. Ветерок рябит грязные лужицы и распахивает полы пальто инженера Андерсона. Высокий и сильный, он, пожевываясь, застегивает тонкое летнее пальто и спешит к себе в контору. Андерсон—начальник отдела электросиловых установок.

— Работай лучше! Дэлло нуово!—ободряет он своих поощников.

Андерсон просматривает сводки, чертежи, наметки, поправляет цифры и между прочим, на ходу завтракает, конфузливо отщипывая крошки от куска хлеба.

Бороться за социализм Андерсон начал еще несколько лет назад в подполье. Член итальянской компартии, он по разрешению ЦК ИКП уехал работать в Советскую Россию.

В Бежице Андерсон—член райкома партии и председатель инженерно-технической секции.

Иногда Андерсон произносит монологи.

— Социалистическое планирование—залог успехов нашей промышленности. Я работал в Москве на заводе «Динамо», работал в Сталине на рыковской группе шахт, работаю в Бежице. Рабочий класс делает здесь замечательное дело, которое немного позднее придется делать во всей Европе. Я еще вернусь в Италию. А пока... Пока каждый революционный ученый, каждый честный инженер стремится работать в Советском союзе.

Монолог беспорядочен, но искренен.

Дорога продолжается. Берега живописны, как театральные декорации. Путь труден. Река непрерывно размывает дорожные укрепления. Вода пенится, накатывается на камни валами, зимою застывает несуразными глыбами. В лесу изобилие ягод. Земляника, черемуха, малина, шиповник, смородина красная и черная, клубника, рябина, крыжовник... Гигантский дикий ягодник.

Ипполитов расположился на привал. Распряг лошадь, стреножил, пустил в густую траву. Разжег костер, зачерпнул в чайник воды, топором вырубил таган, повесил чайник над огнем.

Одет он в ватную куртку, бородка у него белесая, мяси-

стую переносицу цепко оседлали очки в тусклой металлической оправе. Ипполитов похож на стандартный образ сельского учителя, на самом деле он рядовой колхозник. Едет в Ажинск за плугами, привезенными для колхоза на пароходе. Редким встречным собеседникам обязательно говорит:

— Приедете в Турочак, зайдите к дочери моей Зое, с подругами ее познакомьтесь... Умные нынче дети, много дальше родителей ушли.

На краю села Турочака в аккуратной избе с резными наличниками квартируют четыре комсомолки. Живут коммуной, дружно и весело, деньги и вещи у них общие. В комнатах исключительная чистота. На окнах нарядные занавески из белого ситчика, украшенные незамысловатыми узорами, вышитыми синими нитками самими девушками. В глиняных пузатых коричневых горшочках цветет герань. Постели покрыты свежими пикейными одеялами. На подушки кокетливо наброшены простроченные мережкой накидки.

Клава Макарова, Гутя Теребесева и Зоя Ипполитова невысоки, коренасты, круглолицы, загорелы, румяны, гладко причесаны. Живут они сейчас втроем. Четвертая их подруга, Гутя Онянова, вот уже несколько месяцев поселилась возле самого Телецкого озера, работает десятником на лесозаготовках. Должно быть, она похожа на своих подруг, разве только будет чуть грубее, рослее.

Лес

Ветер метался, как загнанный ошалелый заяц. Дерево качалось на гнилом корню. Молния резнула воздух, как острое лезвие. Дерево упало. Испуганно столкнулись и громыхнули тучи. Рыжая струйка огня поползла по стволу. Ветер раздул костер...

Леса нужно—старые сводить, рубить, пилить, сплавливать, растить новые.

Раньше подрядчики и купцы торговали лесом. Умели найти прямые мачтовые сосны, сманить мужиков в тайгу, на рубку, сволочь стволы к берегу, связать плоты и гнать их по рекам до железной дороги. Нынче лесу хозяева—большевики.

Старик Кутузов зорко следит за новыми порядками, не

Количество белого угля неисчерпаемо.

В нижнем течении поставлены гавани, загородки, преграждающие путь лесу. В гаванях лес плотят и гонят далее по спокойной реке плотами. Несколько раз напор тяжелых бревен срывал гавани, и тысячи кубометров леса пропали, уплыли неизвестно куда.

Подозревали вредительство. Впоследствии так оно и оказалось. Кутузов знал, что уровень воды еще слишком высок и гавань не может выдержать напора большого количества леса.

Гутя настаивала на сплаве деревьев плотами.

— Трудного дела захотела, барышня, — возражал Кутузов. — От озера до Турочака плот провести не шутка. Знаешь, какие после Кебезени воронки? Двенадцатиаршинные бревна под воду ныряют, точно камешки. Прошлый год приехали волжские плотовщики, да не справились с Бией. Здесь особая сноровка нужна.

Гутя настаивала на своем. Внимание и ловкость могли обеспечить успех сплава. Начали вязать плоты.

Первый плот вызвался вести сам Кутузов, как наиболее опытный сплавщик. Гутя собралась плыть вместе с ним. Она хотела научиться искусству хитрого старика.

Перед отплытием Кутузов перекрестился.

— Господи, благослови.

Плот торопливо скользнул и, медленно покачиваясь, поплыл по течению.

Миновали Кебезень.

Кутузов степенно предупредил плотовщиков:

— Помните, ребята, недалече «Юрок». Случалось, в эту воронку целые плоты затыгивало. Плот умеючи вести нужно. На случай сплосаем, будьте настороже. Замечу плохое, крикну: «прыгай» — тогда в воду и спеши к берегу.

Волны быстрее закачали плот. ~~Торопились~~ ^{вверх} мелкие зеленые островки. ~~Неслись в небо~~ темные пихты. Трепетные утки испуганно покидали островки и нервно крякали. ~~Краснокожие сосны вонзались в землю, как неистовые мечи.~~ Мельканье островков, птиц, деревьев учащалось. Плотовщики с шестами наготове тревожно следили за водой. Кутузов оглянулся и встретил любопытный взгляд Гуты. Никто на них не смотрел. Он тяжело и неслышно ударил Гутю по голове, столкнул с плота и крикнул:

— Прыгай!

Покинутый плот закружился, завертелся волчком в воронке, бревна исчезли в черной пропасти, только рама дро-

жала на воде да мелькнуло под прозрачной волной неясное лицо Гути.

Нет, нет! Гутя жива. Трагический конец рассказа предотвратила зоркость лесных рабочих. Гутя только что вернулась в Турочак провести отпуск вместе с подругами.

Нет, она не похожа на своих подруг. Стройная, бледнолицая Гутя откидывает на спину золотистую косу, мягко улыбается голубыми глазами—ей бы Офелию в театре играть—и нежно упрекает подруг:

— Как не стыдно! Как не стыдно: обещали писать и ни слова. Слышали новость? Кутузов арестован... Нарочно срывал гавани! Мы теперь плоты гоним, и сюда я на плоту...

Все четыре девушки—воспитанницы интернатов.

Разбросанность урочищ, трудные пути сообщения, неудовлетворительные бытовые условия вызвали необходимость создания в Ойротии закрытых учебных заведений. Их значение в деле подготовки новых кадров огромно. Уже на сегодняшний день большинство молодых партийных, комсомольских, советских работников области—воспитанники интернатов.

Из дневника Гути Теребесевой

«Наше интернатское хозяйство велико. Три лошади, шесть коров, штук пятьдесят свиней английской породы. Мы сами о животных заботимся, оттого они такие сытые и ладные. Прибежали вчера утром корма коровам давать. Стоит возле коров заведующая, на глазах у нее слезы. Перевели ее работать в Улалу. Заведующая тихая, добрая, жалко с ней расставаться.

...Сегодня приехал новый заведующий. Фамилия его Молодцов, на макушке кубанка еле держится, глаза пронзительные, как у хорька.

...Встали, как обычно, в семь утра. Сбегали на реку. Умылись холодной водой. Торопимся обратно завтракать. Не тут-то было. Стоит перед домом Молодцов и кричит:

— Стройся! Стройтесь, мошенники! Смирно!

Встали мы в ряды.

Вызывает заведующий дежурного.

— Каждое утро,—говорит,—докладывать мне о всех происшествиях. Виноватых буду наказывать.

Постоял, помолчал, подумал да как гаркнет:

— Марш в мастерские!

Мастерские в интернате хорошо оборудованы. У нас целых три мастерских: столярная, сапожная, швейная.

— А завтракать?

— Сыты будете!

...Разве такими порядками толку добьешься? Проснулись утром—не можем выйти из спальни. Снаружи заперто. Сначала думали—мальчишки балуются. Стучим, кричим. Отпирает Молодцов и нас же ругает.

— Пошумите еще! На ночь девчонок на замок запираю буду. За вашу нравственность я в ответе.

Мы шуметь, реветь, а он еще хуже ругается.

...Ни с кем из воспитанников не поговорит, никого не похвалит, шныряет всюду, точно шпион. Ребята злятся, обидными прозвищами его окрестили: Чемберлен, Кубанка и Эркэгин кёс, по-русски значит «Песий глаз».

...Иногда тяжело станет на сердце, сделается все противным, хочется домой убежать, с родными повидаться. Оглянешься, а товарищи вокруг смеются. Самой легче станет, сама засмеешься. Плохо жить всем порознь. Вместе живешь—больше радости видишь.

...Сегодня воспитанники молчком ходят. Велел Молодцов заготавливать прутья для плетенья корзин, стульев, кроватей. Дал задание каждому приготовить и очистить по сто прутьев. Один мальчик не послушался, убежал на деревню, забрался в чужую избу и украл ломоть хлеба. Пришли в интернат жаловаться.

Рассвирепел Молодцов.

— Отучу негодяя!

Зазвонил звонок в неурочное время. Собрались воспитанники в зал. Молодцов велел виновнику лечь на скамейку и всыпал ему двадцать пять ударов прутом.

После порки заведующий всем нам пообещал:

— И вам то же будет.

...Всю ночь в доме раздавались крики. Оказалось, Молодцов бил свою жену и к утру прогнал ее из дома. Из-за этого случая мы остались без завтрака. Пришли в столовую и нашли пустые столы. Побежали в кухню. Заведующий сидит на подоконнике и насвистывает.

— Не волнуйтесь, — объяснил он. — Я сегодня женился на нашей кухарке и перевожу ее в воспитательницы. Придется потерпеть, пока найду новую стряпуху.

Днем Молодцов ушел гулять. Во время отсутствия заведующего в его комнату пробралась выгнанная жена, унесла фотографический аппарат и бросила в реку.

Молодцов вернулся пьяный и вообразил, что аппарат украли воспитанники. Достал наган и начал за ними гоняться. Мы — кто куда. Спрятались в овраге. Ночью послали разведку узнать, спит ли Молодцов. Оказалось, спит. Тогда все поползли к дому и через окно пробрались в спальню.

...Проснулись рано, совещались о происшествии и не знали, как поступить. Подсказал сам Молодцов. Он тихо подошел и стал вежливо нас просить, чтобы мы не жаловались в облоно.

Разумеется, мы пожаловались.

Молодцова сняли. Он оказался бывшим колчаковским офицером.

...Целый день в интернате звенят песни. Даже птичьего щебета не слышно. С легким сердцем взяли мы литовки и пошли косить траву. Сколько сена будет! И лошадям и коровам вдоволь корма...»

Несмотря на острый недостаток педагогов, такие «воспитатели», как Молодцов, — единичное явление. Прямым доказательством тому является воспитанная в национальных школах ойротская молодежь. Она с увлечением и энтузиазмом перестраивает свою страну и несет приобретенные знания и культурные навыки в горные айлы и таежные села.

Ремонт!

Клавдии Макаровой исполнился двадцать один год от роду, и занимает она должность женорганизатора аймачного комитета партии.

Рыжий кособокий мужичишка характеризовал ее так:

— От горшка два вершка, давни ногтем — от девки следа не останется, махонькая, двенадцать годочков только было, а взялась отца переспорить. Надоела девке мужицкая хата — в крыше дыра, в стене щель, ветер свербит, дождь хлещет.

Родная сестренка на ее глазах от грязи и вони померла, как воробей в стужу. Звала девка папашку в коммуну,—поблизости от деревни партизаны сельскую коммуну образовали. Мужики в те поры упрямее были и белых еще пужались. Не послушал папашка дочку, ядри его в корень. Видать, Клавка больше разумела: одна убегла к партизанам. Те тоже идейные были, учиться в Улалу послали, вырастили девку коммунисткой. А в нашем селе нехватка работников случилась. Прислали Клавку сюда секретарем сельсовета. Она возьми да и зачеши себе здесь колхоз. Зачесала. Всех комсомолов в артель затащила. Много они тягот претерпели, да живут ноне лучше нас, одноличников. Уваженьица у народа для Клавы прибавилось, выбрали ее председателем совета. Вона!

Такое вертанула, чижику не приснится. Детство свое не забывала. Задумала она благоденствие для села устроить. А народ у нас глупый, того не понимают. Раньше Турочак Миссией назывался. Жили, значит, миссионеры и в свою веру народ обращали. В большевистское время поразъехались они в разные концы, один поп остался. Злее пса поп. По праздникам проповеди выражает, власть лаает, народу чертей мерещит. На селе один дом большой—и тот церковь.

Молодежь за Клавой хоть в огонь. Обратились к старикам с просьбой отдать церковь под школу. А церковь скособочилась, без ремонта ей года не выстоять. Не дали согласия старики. Так и так, говорит Клава, не хотите школу иметь, не надо, без вас выстроим, только ради религиозных нужд сельсовет церковь чинить не будет. Надо верующим самообложение провести и церковь поправить, еще рухнет, придавит кого. Такое удумала! Есть мужики—верят еще в бога, однако жадности в них много больше, чем веры. Прослышали про самообложение и разом постановили: в срочном порядке желаем иметь школу. Получила Клава помещение. Только народ переупрямить мудрено. Дали бабы зарок ни самим в школу не ходить, ни ребят не пускать. Тут страдная пора наступила. Привели комсомолы церковь в порядок, стены поправили, выбелили, наладили в церкви ясли. Бабам работать надо,—ребят без призора не кинешь... Понесли! Понесли ребят в церковь. А как пошли, так обратно их не отвадить... Клавина голова правильная.

Распалился наш поп, страсть. Надрызгался арачки и поехал знакомому каму жалиться. Русский бог не помог, дускай алтайский поможет... А какая помощь от кама? Они

сами бубны в музей продали. Уехал наш перед богом заступник. В Бийске поселился. Лошадьми барышничает. Способный купец, другому цыгану не уступит, облезлого мерина за жеребца продаст.

Мужичишка собрал реденькую бороденку в горсть и ядовито прищурился.

Над рекою тает утренний молочный туман. Воздух прозрачнеет перед появлением солнца. Цвибикает ранняя пичужка.

Клава Макарова отодвигает занавеску, распахивает оконные рамы. Мгновенно звянькают тонкие стекла. Она высовывается в окно и вслушивается в утреннюю тишину.

Издалека доносится стрекотанье пишущей машинки.

В исполкоме уже работает машинистка. Машинистка-алтайка! В далеких городах машинистки рекрутируются преимущественно из слоев мелкобуржуазной интеллигенции и часто так и остаются в плену беспросветной обывательщины. В национальной области машинистка из коренного населения—наиболее передовая, культурная женщина.

Клава прислушивается к стрекоту машинки и умно улыбается перед пичужкой, перед соснами, перед солнцем.

Огород сражения

Жара спадает томительно медленно, точно скупой источник по капле жертвует свежую воду измученному жаждой человеку. Зеленеют огородные грядки. Топорщатся пушистые листья молодой моркови. Гибкие усики гороха обвивают тонкие деревянные подпорки. Нежными лиловатыми цветами усыпаны картофельные кусты. Пионеры увлеклись полкой, елозят в канавках вдоль грядок и пронзительно перекликаются. Зоя Ипполитова двигается во главе звонкоголосой команды. У нее затекла спина, она выпрямляется и внимательно, по-хозяйски осматривает поле сражения, точнее огород сражения. Трудно победить устоявшийся быт. Победить необходимо. Огород—невиданное зрелище в горных урочищах. Стандартны возражения: «ничего не выйдет», «куда уж нам», «наша земля картошку не родит». Возражений есть тысячи. Пионеры спорят со взрослыми упрямыми, доказы-

Картошка лучше всяких разговоров агитирует за огород.

По утрам ребята идут умываться на реку.

вают, что возле гор, где невозможно хлебопашество, следует вести огородное хозяйство.

К плетню подходит секретарь райкома партии. Он недавно работает в Турочаке и, возможно поэтому, любопытен чрезвычайно.

— Зоя!—зовет он вожака пионеров.—Твоя очередь. Докладывай о ребятишках.

Зоя стряхивает с рук сырую землю, вытирает рукавом потный лоб, опирается на плетень и докладывает:

— Первый отряд организовался в двадцать первом году в Кебезени. Немало ребят тогда в пионеры записалось: человек сорок восемь, в большинстве алтайцы. В следующем году распался отряд. Кебезень захватили белобандиты. Камы тоже влияли на родителей,—родители заставляли детей покидать отряд. Трудно было в двадцать четвертом году заново работу налаживать. Руководителей не находилось. Первое время только играли да гуляли. Об учебе и не думали.

Зоя вспоминает:

— Камы агитировали против отрядов, распускали слухи, что вернутся белые и будут пионеров вешать за галстуки или закапывать по колено в землю. Родители били детей за вступление в пионеры, не пускали в школу, случалось, даже морили голодом. Пионерским работникам приходилось уделять больше времени работе по перевоспитанию родителей, чем занятиям с детьми. Добились перелома. Пионерское движение проникло в самые отдаленные урочища. И родители и ребятишки меняются. Раньше алтайские дети не умывались, зубы не чистили, в баню не ходили. Нынче малыши ходят по юртам и агитируют за новый быт. Сколько пионеров в комсомол перешло!.. Я тебе принесу список. Нам книжки нужны. Побольше книжек. Карандаши нужны. Тетради нужны. Барабаны нужны. Глобус нужен. Глобус обязательно нужен. Не верят ребята, что земля круглая.

Зоя торжественно указывает на копающихся в грядках ребятишек.

— И еще огород. Землю комсомольцы вспахали, а все остальное сами ребята делали.

— Куда думаете девать овощи?—интересуется секретарь.

— Часть в школу на горячие завтраки, часть яслям подарим, часть населению раздадим. Так ребята решили.

— Хитрецы,—хвалит пионеров секретарь, разгадав умный маневр детей.—Вареная картошка лучше всяких разговоров за огород агитировать будет.

Он пожимает запачканную землей Зоину руку.

— Приходи. Книжек дадим. Карандашей дадим. Глобус достанем.

Жара спала. Гутя Онянова пришла помочь подруге. Огороды полагается поливать перед восходом и на закате солнца. Гутя в сопровождении торопливых девочек спускается к реке за водой. Ведро за ведром приносит она из-под горы. Ребятишки наполняют жестяные лейки. Тонкие струйки воды шуршат по зеленым листьям.

Поливка окончена.

Гомон переносится через плетень. Ребятишки визжат, щебечут, свистят на лужайке перед огородом. Затевается игра.

Вечером подруги берут гитару и уходят к громадному камню на Бие. Возле камня происходят традиционные гулянки сельской молодежи. Дренькает гитара, смолкают похабные частушки, и комсомолки поют песни, списанные из «Красного песенника» и старательно выученные наизусть. Сначала сельская молодежь несмело, с напускным безразличием повторяет новые слова, постепенно пение увлекает, и многоголосый хор вторит грохоту несущейся вдаль воды.

Ночь разрастается. Вода стремительно несется, как черная молния. Тайнственно разговаривают дерзкие камни. Неясная сила реки овладевает молодыми чувствами. Вспоминается Катунь, самая знаменитая и любимая река на Алтае. Образ полыхающей Катунь возникает в сознании бодрствующих людей. Девушки поют славящую Катунь песню, несправедливо обижая прекрасную и могучую Бию.

Эй, красавица славная,
Хан-Алтая быстрая река,
Крутобережная, беловодная Катунь!

С высоты-крутизны,
С ледяной белоснежной горы
Ты бежишь между скал
Быстрее лучшего коня.

Знаем мы, Катунь,
Как старик Сартыкпай
Богатырской стрелой
Просекал себе путь
С Телтэкпэня на Чамал.

Через тебя, Катунь быстротечная,
Нет мостов-переправ —
Ээзи — водный дух —
Не велел строить мост.

По твоим берегам с давних пор
В дымных юртах алтайцы живут,
И тебе, мать Катунь,
С бубном молятся они.

В твоих бурных волнах,
За свободу девичью борясь,
Бросаясь вниз со скалы,
Утонула хана дочь.

А теперь, Катунь, далеко
Унеси ты наше горе с собой,
На волнах закачай
И в пучину опусти.

Борьба с медведями

Медовой благодатью пахнет земля. Под низкорослыми лиловыми ирисами прячутся зеленые козявки. Тяжелые пчелы раскачивают желтые ромашки. Желтые лилии застыли, как сахарные украшения. Жизнерадостная кровь земли просачивается наружу багряными каплями полевых гвоздик. Ласковая зеленая тишина.

Колхозные девушки ворошат сено. Грабли шуршат, как майские жуки. Девушки протяжно голосят песню. Переиначенный мотив потерял пошлую игривость и медлительно несется по лесу.

Сердце красавицы
Склонно к изменам
И переменам...

Деревня заброшенная, маленькая, всего восемь хозяйств. Зимой ветер наметает нелепые сугробы. Под тяжестью обледеневшего снега с треском ломаются еловые ветви. Медведи спускаются с гор, сосредоточенно бродят вразвалку по улице, шныряют вокруг изб, нюхают сочные запахи.

Ночью людей будит дикий коровий мык или истошный визг поросенка. Дети испуганно вскрикивают, жены цыкают на детей, теснее прижимаются к мужьям и высказывают несмелые догадки:

- Опять у Егора медведь поросенка дерет...
- Авдотьяна корова голосит...
- Управы на медведей нет.

Зимами медведи свирепы. Люди прячутся от голодного

зверя. Ветхие сараи слабы. Звери легко разворачивают крыши и режут покорный крестьянский скот.

Мирно спят Семеновы. Изба тверда, навек ставлена. Сараи железом крыты, на дверях замки в полпуда весом. Семенов-сам речист и сердоболен.

— Медвежья напасть какая. Сочувствую, мужики, душой сочувствую. Порох самому годится, да как можно нужде отказать? Не велит того сердце. Кому порошок вешать? Условия старые. Сейчас пороха фунт, а в осень три пуда ячменя или в хозяйстве у меня месяц отработать. Расчет мягкий.

Уж так повелось, что преобразователем деревни часто является демобилизованный красноармеец. Советских бытописателей упрекают в пристрастии к этому стандартному образу. Ничего не поделаешь! Таково воспитательное значение пролетарской армии, превращающей деревенского парня, полного скупым безразличием к окружающему, в бойца за новую жизнь.

По возвращении из армии Егор пошел в пустыне деревенской косности правильно, как по компасу.

— В плетушках скота не спасешь. Поедят медведи скотину, за людей примутся. Не страшны солдаты порознь. Энтузиазм бойцов и техника вооружения определяют исход боя. Колхоз крепче крепости. Будем вместе—нас никакой зверь не тронет.

Семенов-сам ответил Егору:—В моих сараях места хватит. Веди скотину ко мне. Стены плотные. Постой дешевый: полпуда ячменя с головы за зиму.

Люди колебались. Трудно рушить нищее, но исконное свое хозяйство. Егор убеждал, сказку сказывал об общем крепком хлеве, о сытой жизни, о медвежьей беде. Семенов-сам, несмотря на будни, созывал крестьян в гости, заводил дешевый граммофон, синяя труба сипела неистово:

Сердце красавицы
Склонно к изменам...

Гости слушали, ухмылялись, поддакивали хозяину, гонили с ответом Егору.

Егору артель виделась и на яву и во сне. Собрал он мужиков для нетерпеливого разговора.

— Довольно годить, мужики. Задом счастья не высидишь. Соседние села давно за ум взялись, а мы все затылки чешем...

— Позвольте интерес поиметь,—задал задачу Семенов-сам.—Неспособно в артели работать будет. Не справятся мужики. У меня долгов за ними на целое лето. Муку али порох, али скота спасенье должны мужики отработать? Должны. Выходит, с артелью повременить надо.

Разговор пошел долгий. Настойчиво обламывал Егор одно-деревенцев, и все охотнее теряли они нелепые возраженья.

Имел Егор лошадь. Хорошая кобылка была. Берег он кобылку, заботился о ней больше, чем о жене. Под утро Егора разбудило хриплое ржанье. Схватил он ружье, выбежал во двор и к сараю. Из ворот ему навстречу медведь. Пальнул Егор в зверя. Вкололись дробинки в шкуру, охнул медведь, побежал прочь. Кобылка в сарае на соломе в крови лежит, ногами дрыгает. Накрепко был сарай заперт, не под силу было зверю запор сломать. Утром Егор нашел во дворе сбитый замок.

«Семеново дело... Никто другой...»

Кинулся к Семенову-самому, а тот Егора же пристыдил:

— С чем в артель пойдешь? Последней скотины лишился, с того и агитируешь. Сам нищий, чужим добром хочешь попользоваться... На чужих конях далеко не уедешь.

— На чужих явственно, а на общественных куда как далеко... Глаза вылупишь, не увидишь, куда.

Не Егор так ответил—сосед Егора.

Не увидел Семенов-сам, куда мужики уехали. По требованию крестьян, за ростовщичество, эксплуатацию батраков и агитацию против колхоза Семенова-самого раскулачили и выслали за пределы области.

Колхозный скот стоит в новом теплом хлеве, и в приходной книге артели записано: «За одиннадцать медвежьих шкур от пушной конторы Госторга получено...»

Совет

Рассказ для детского журнала

Из айлов и займок съезжались алтайцы и русские налаживать коллективное хозяйство. В рыжих и зеленых долинах оставлены голодные дни.

Лабода прожил только четырнадцать лет, но был смелее отца и не стал здороваться с набожным и курносый стариком

Савелий.

Куломкиным. Лабода слушал пришедшего к отцу гостя и нетерпеливыми глазами смотрел прямо в стариковский гнилой рот.

— Неладное дело затеяли, — наставительно говорил Куломкин, ковыряя в ухе закорузлым желтым пальцем. — Вчера толковал с мужиками... Против советской власти итти надо... Погодим, погодим, да и соберемся в церковь, помолимся и пойдем крестным ходом колхозные поля топтать...

— Не пустим! — раньше отца крикнул Лабода и убежал из избы.

Одиннадцать пионеров маршировали по улице. Лабода был их вожатым.

Пионеры пришли к председателю колхоза и потребовали содействия. Куломкин ругал советскую власть, грозил собрать крестный ход, вытоптать колхозные поля. Пионеры решили ответить всем нехорошим и богатым старикам и постановили требовать закрытия церкви.

Председатель похвалил пионеров и спросил, для чего им нужна церковь. Пионеры ничего не могли придумать — в селе отсутствовали культурные работники, и клуба в церкви устроить было нельзя.

В сумерки к Лабоду пришел неторопливый Савелий. Он был важен, точно наряженный в белый шелковый халат монгольский князь. Широкоскулое и пухлое лицо его казалось искусанным пчелами, а медлительные движения не соответствовали буйному девятилетнему возрасту.

— Эзен, — приветствовал он Лабоду и, приглашая его садиться, указал на пыльную землю.

Покачивая головой, рассудительно заговорил Савелий тонким голосом:

— Я желаю стать пионером и пришел дать тебе совет. Вы хотите отобрать церковь, и люди вас хвалят, а моя бабушка ругает. Она жалеет русского бога и говорит, что алтайский бог живет с ним по соседству и вступится за своего брата. Но мне алтайский бог надоел, как тебе русский. Моя бабушка возит меня по камам и отдает им последних баранов. Мы сидим без мяса, а камы поют, пляшут и прыгают надо мной, звенят бубнами и желают мне быть сильным, богатым и толстым. Ты видишь, какой я толстый и как плохо я бегаю и не могу обогнать ни одного мальчишка. Но хотя в нашем аиле не осталось ни одного барана, мы стали еще беднее и, если бы не вступили в колхоз, умерли бы с голоду... Мой совет тебе — устроить в церкви ясли для

наших маленьких братьев и сестер, чтобы их не могли больше мучить и возить по камам.

Лабода пожал Савелию руку и принял его в отряд.

Вернувшись в пропахшую кислым молоком юрту, Савелий сказал бабушке:

— Я стал пионером, и, если надо мной будут камлать, меня повесят в порядке пионерской дисциплины.

Старуха испугалась и больше не возила внука по камам.

Трафаретный рассказ. Десятки подобных рассказов печатаются в детских журналах. Взрослые читатели скептически перелистывают раскрашенные страницы. Мы еще не научились хорошо и красиво рассказывать о хороших и красивых поступках.

Однако этот наивный рассказ полностью соответствует действительности. На подробной—пять километров в сантиметре—карте Ойротии деревня Тундошка обозначена. Там живет четырнадцатилетний комсомолец Николай Лабода, вожатый пионеров, и его лучший помощник—толстый и важный девятилетний Савелий, и они действительно сумели устроить в церкви ясли.

Савелий—лучший ученик в школе и дисциплинированнейший пионер. Он тяготится противоречиями своей жизни. Неграмотные родители религиозны, нелепые предрассудки определяют их поступки. Мальчик критически всматривается в жизнь и, еще не успев поддаться влиянию косных привычек, навсегда от них отказывается.

Группа зажиточных крестьян во главе со стариком Куломкиным пыталась развалить колхоз в Тундошке. Средством воздействия на население они избрали еще не остывшую религиозность, разжигая фанатизм среди наиболее отсталых жителей. Церковь превратилась в штаб-квартиру кулацкого наступления.

Пионеры сумели организовать родителей на борьбу за колхоз, сумели привлечь внимание аймачных организаций, получили поддержку коммунистов и комсомольцев из соседних деревень, и в церкви стрекочет толпа беспокойных карапузов.

Пять убитых коров

Ковыляя неуклюже, как перепуганный утенок, Савелий подбежал к Лабоду. Он запыхался. Капля пота напряженно дрожала на кончике его вздернутого носа.

— Тузикова!.. Коровы!..—бессвязно закричал он, изменяя своему обычному спокойному тону.

Подражая отцу, Лабода почесал за ухом и неопределенно ответил:

— Оно конечно, одна со скотом не управиться...

— Торопись!—еще громче закричал Савелий.—Тузикова коров колет!..

— Что ты!—испуганно воскликнул Лабода и кинулся бегом по улице.

— Ребята! Ребята! Беги к Тузиковым!—кричал он встречным товарищам, еще не вполне понимая размеры происшедшей беды.

Тузикова недавно овдовела. Не в силах управиться с большим зажиточным хозяйством,—а идти в батраки никто теперь не хотел,—она записалась в колхоз, рассчитывая воспользоваться даровой рабочей силой и полностью сохранить свое богатство. Решение правления колхоза передать часть коров яслям разрушило ее планы.

Пионеры ворвались к Тузиковой во двор и бросились в коровник.

Высокая и розовощекая дебелая Тузикова, похожая на красивых и однообразных кустодиевских купчих, металась в коровнике, и солнечные лучи, пролезшие сквозь щели в тесовой крыше, болезненно-ярко расцветили пятна крови на ее светлом растерзанном платье. Пять сытых оранжевых коров лежали на земле и покорно хрипели. Пять породистых коров, обещанных правлением колхоза детским яслям, умирали по прихоти злой и бешеной бабы. Тузикова взмахивала топором,—послушное лезвие кромсало неподвижных животных. Голос ее, пронзительный и пьяный, визжал, как ржавая валторна.

— Чужим молоком щенят не накормите!.. Сама в колхозе буду, а коров не отдам!..

Лабода замер в дверях. Горе было слишком неожиданно. Знаменитые тузиковские молочные коровы больше не существовали.

— Что же это ты наделала?—растерянно прошептал Ла-

Против Артыбаша на берегу озера баданный завод.

Алтайцы съезжались налаживать коллективное хозяйство.

бода, бросился стремглав к Тузиковой и закричал резким мальчишеским фальцетом:—Уйди-и-и-и!..

Лабода точно ударил Тузикову, и она будто опомнилась, внезапно заголосила и убежала из коровника прочь.

Тут же, возле зарубленных коров, пионеры приняли решение:

«...Как есть она враг трудящемуся классу и пошла даже против маленьких детей, лишила их молока и порезала коров, а коровы были заработаны нашими же отцами, которые жили у Тузиковых в батраках, требуем не жалеть, что она вдова, и выселить ее с нашей родины...»

Отцы согласились с сыновьями, и Лабода вместе с отцом отвез в аймачный исполком ходатайство о выселении Тузиковой.

Областной исполком удовлетворил просьбу пионеров деревни Тундошки.

Ранним утром женщина покинула родину.

Проводить ее собрался только пионерский отряд. Двенадцать ребят выстроились в одну линию. Савелий крепко держал барабан и с показным безразличием смотрел себе под ноги.

Из ворот выехала телега, нагруженная домашним скарбом. Тузикова великаншей сидела на вещах.

— Тряси, дьявол!—подогнала она лошадь, увидав пионеров.

Савелий взмахнул руками, и гневная барабанная дробь стала последним воспоминанием Тузиковой о родине.

— Шагом марш!—скомандовал Лабода.

Лошадь бежала мелкой рысцой. На телеге молча покачивалась Тузикова. Поодаль шли пионеры.

Внезапно Тузикова обернулась, поджала узкие губы, неуклюже швырнула в ребят нежданным камнем и торопливо хлестнула лошадь вожжами.

Камень глухо ударился о землю, невысоко за клубилась пыль. Савелий важно оттолкнул камень ногой и забарабанил еще спокойнее и четче.

Артыбашская хроника

Прямо против деревни Артыбаш из Телецкого озера вытекает холодная и кипящая Бия.

С берега быстроту течения наблюдают темные окна тесной школы. Учитель в отпуску. Дверь школы на замке. Тусклые стекла отражают блеск тонущих в воде рассветов и закатов.

Пыльные сумерки за стеклами рассеиваются. Наискось на бревенчатой стене, против черной школьной доски, висит выцветший лист бумаги, разужоренный поблекшими красками. Всмотрясь, легко узнать стенную газету. Всмотрясь еще пристальнее и обладая острым зрением, можно разобрать отдельные заметки, прочесть незамысловатую хронику неизвестной деревни.

«...большинство населения в Артыбаше—рыбаки... работать поодиночке невыгодно... образовалась рыбацкая артель... уплатить полностью паевой взнос и повесить улов тальменя... обеспечить качество засола и копчения приготавливаемого из тальменя балыка...»

«...бадан—одно из наиболее ценных растений, из корней которого делается превосходный дубильный экстракт. Раньше он ввозился из-за границы, а теперь мы сами его экспортируем... в нашем краю баданный промысел начал развиваться незадолго до революции, но серьезно за это дело взялись...»

«...против Артыбаша, на берегу озера, баданный завод... перестроить деревянные барки для сушки и очистки бадана... рабочие часто уходят рыбачить или на лесозаготовки...закрепить... нашем Лебедском аймаке двенадцать баданных заводов... заготовить сто тысяч килограммов... по плану... вовлечь в соревнование... сбор бадана...»

«...влиянием родителей часть ребят выписалась из отряда... не следует называть дезертирами... беседовать и воспитать... например, Гаврил Ижулин... влиянием бабушки ходит по камам... заботиться и послать в пионерские лагеря...»

«...привозят колбу... есть горный лук и везде употребляется в пищу... алтайцы ожидают целыми днями, пока продадут... кооперативу вести покупку...»

Сумерки за стеклами сгущаются. Газета белеет туманным неразборчивым пятном.

Письмо в Москву

«Дорогие наши товарищи, московские пионеры. Шлем мы вам письмо. Пионеры-ойроты только недавно стали понимать задачи пионеров, и советская власть стала для нас хорошей.

Работа артыбалпского отряда проходила вместе со школой. Ставили детские спектакли. Проводили читки в красных уголках. Выявляли в деревне сельскохозяйственный инвентарь. Выявляли семена. Делали записи, кто сколько будет сеять хлеба, овощей и других культур. Кроме того помогали колхозу по сортировке семян и по выгрузке семян из амбаров. Пионеротряд протравил все семена колхоза. Некоторые ребята делали скворечники и ставили их в огородах. Пионеры ходили в другие поселки помогать алтайцам по посадке огородов. Кроме того, пионеры ходили помогать колхозу по расчистке луга. Мы, пионеры, взяли облигацию займа на десять рублей и собрали на лагерь двадцать рублей. На деньги, заработанные сбором бадана и кедрового ореха, выпустили газету «Дружные ребята».

У нас есть вожатый Василий Чирцов. Он батрак, хочет работать по-советски и стремится поднять пионеров. Наш вожатый нас везде привечает, и нам он хорош.

Пишем вам о своих недостатках, как у нас нет одной трубы и нет барабана.

Просим вас приехать сюда и посмотреть нашу жизнь. А нам охота съездить к вам. Дорогие товарищи, хорошо вам устроить пионерский лагерь для нас в Москве, а мы все к вам охотно приедем. Помогите нам в наших недостатках и пишите ответ в Ойротскую область, в Лебедской аймак, в деревню Артыбаш, отряду».

Тени на озере

Солнце падает в глубокую воду. Озеро дрожит, льется золотая волна, тонет в ослепительно желтом водовороте, льется иная, новая—в медленном течении красная медь переплавляется в темную бронзу и холодным серебряным мерцанием

отмечает падение солнца на запад. Легкие тени бегут по волнам к берегу, пропадая в темнозеленой прозрачной прибрежной воде.

Чернеет в потухающем небе тяжелая гора, и незаметен внизу человек. Он смотрит на озеро и вспоминает забытые стихи. Сытый ужин погрузил человека в великую умиротворенность. Дети ели до изнеможения. Жена расточительно наделяла всех ухой. Вечер вознаграждал тяжесть утренней рыбной ловли и оправдал скучные дни, проведенные за починкой порванных сетей, приобретенных в обмен за пушистые беличьи шкурки.

Человек неделями учился ^{в пугливых и веселых} попадать в пугливых и веселых зверьков, ныряющих ~~в~~ ^в ~~высокой зеленой глубине~~ ^в ~~глубине~~. Его сын научился стрелять раньше отца, занятого невыносимо трудной постройкой неуклюжей, протекающей в дождливые дни избы.

Человек напил и нарубил лес^а, и худые, непривычные к физической работе, испещренные вздувшимися венами руки покрылись кровоточащими ссадинами.

Для поселения выбрал он дикую пустынную расщелину, незаметную среди поросших лесами гор. На ^{купленной в} ~~купленной в~~ ~~последнем селе~~ ~~лодке~~ привез он свой скарб, отказавшись от всякой помощи, предложенной в конторе строительства ^{электростанции} ~~электростанции~~, где за ~~тридцать рублей в месяц~~ он взялся вести метеорологические наблюдения на озере. Только забота о семье заставила его сохранить эту слабую связь с человечеством.

Глядя в ночь из окна ~~бежавшего под визгливое журчанье~~ ^{и прислушиваясь к визгливому журчанью} ~~волес~~ ^и тоскливого сибирского поезда, он готовился встать лицом против ветра, ^и ~~жестко~~ ^и прорубить среди таежного леса свой одинокий путь. Спавшие на нижних полках дети тяжело дышали и, ворочаясь во сне, сбрасывали с себя одеяла.

В сыром тумане остался город. Человек уезжал в бесповоротное будущее.

Его жена четырнадцать лет ^{но} ~~носила в себе~~ ^{за ним} ~~девическую~~ любовь к мужу и мужественно ~~следовала~~ ^{следовала} в неизвестность, скрывая слезы от знакомых, жалевших гостеприимную и спокойную Анну Николаевну.

Сын верил в отца, роздал товарищам романы Тургенева и Буссенара, в последний раз вырезал на школьной парте свое имя, и слово «Костя» осталось единственным следом его жизни в ~~умном и замечательном~~ ^{Большом и многолюдном} городе.

Плакала одна дочь, прощаясь с родным и смешным попу-
гаем, будившим девочку по утрам гортанным криком: «Ли-
зочка, с добрым утрррмом!»

Отец смеялся над дочерью и без сожаления бросил научную
работу, поразив ~~неоправданной~~ ^{своевольной} решительностью своих уче-
ных друзей. Он увозил семью в неизвестную жизнь, еще не
подвластную разумной человеческой воле, и, мечтая о мирном
одиночестве среди недоступной природы, рывком захлопнул
квартирную дверь, в последний раз взглянув на прикреплен-
ную к ней ржавыми металлическими кнопками визитную
карточку, такую же выцветшую и посеревшую, как и он
сам—Виктор Андреевич Клевенский.

2

Днем за много километров от берега, водяными пауками
шныряют по озеру лодки водомеров, ^{и зм} ~~проверяющих~~ ^{проверяющих} глубину.

Клевенский поглаживает спутанную русую бородку, не
хочет смотреть вперед и рывком натягивает лесу. Леса
рвется, и рыба вместе с крючком уходит в воду.

Днем на далеком противоположном берегу взлетают серые
динамитные дымки, горное эхо повторяет грохоты падающих
камней. Клевенский отворачивается, ^{он} не хочет слышать дви-
жения приближающихся людей. Вскинув ружье, бежит в
лес, нервно прицеливается в посвистывающую высоко в вет-
вях белку, спускает курок. Треск выстрела сливается с гро-
хотом далеких взрывов. Клевенскому кажется, что эхо по-
вторяет только его выстрел. Белка исчезает в зеленом ~~воздухе~~ ^{воздухе},
точно серый дымок.

Клевенский закрывает глаза, спотыкается на острых кам-
нях, затыкает уши и не слышит, как и жена, и сын, и дочь
пронизывают лесную разноголосицу заботливым призывом:
— Витя!.. Папа!.. Папа!.. Ууууу-жи-нать!

На озере тихо. В избе тесно. Грязно коптит керосиновая
лампа. Дети торопятся есть. Анна Николаевна заваривает
чай из сушеных листьев брусники. Тусклая луна ~~ходит во-
круг избы~~ ^{над ветвями крошечной} ~~покрытой~~

У двери громко щелкает деревянная ловушка. Родители
не обращают внимания на слабый ~~растаявший~~ ^{растаявший} писк. Только
Лиза спрыгивает со скамьи и радуется пойманной крысе.
Девочка любит сладкое и хочет пить чай с сахаром. В кон-
торе Госторга принимают шкурки полевых крыс в обмен
на продукты, и девочка сама зарабатывает для себя лаком-
ство. Она подходит к брату и ласково просит:

— Убей ее, Костя... Я боюсь убивать.

Костя убивает крысу.] Мать его спрашивает:

— Ты хочешь чаю?

Мальчик съеживается и, обращаясь к отцу, зло кричит:

— Я не хочу чаю! Я хочу учиться! Ты понимаешь? Хочу учиться! Хочу иметь товарищей!

Отец гладит сына по голове, успокаивает, мягко рассказывает о властвующей в мире неисчерпаемой человеческой злобе, прислушивается к тяжелым шагам бродящих вокруг избы медведей, продолжает пить чай и наслаждается медленным течением жизни.

3

Гора ^{молча} сталкивает вниз редкие лиственницы и кедры, громоздя многоцветными розовыми, белыми, серыми мраморами. Продольные полосы, вычерченные оползнями камней и тающими снегами, ^{путают} узкие горные тропы.

В тихом ущелье нашел Клевенский золотоносную жилу. Он перестал охотиться и рыбачить. Наломав киркой богатой породы, он в мешке стаскивал ее вниз и на лодке отвозил золото в контору приисков, расположенных на отдаленной реке Лебеди. Он сэкономил найденное богатство, боясь привлечь внимание людей и нарушить окружающее его безмолвие.

Возвращаясь утром с гор и задыхаясь под тяжестью насыпанного в мешок кварца, вблизи дома он нашел Лизу. В разорванном и пропитанном кровью платице лежала мертвая девочка. Клевенский уронил мешок и бросился к дочери. Он узнал тяжелую медвежью повадку, так же неумолимо и отчаянно обрушившуюся много ночей назад на жестокого сторожевого пса.

Клевенский поднял девочку на руки и, громко, по-бабьи плача, понес ее домой. Услышав крик мужа, Анна Николаевна сдержалась, и Клевенский перестал плакать и приказал съежившемуся, зло насупившему брови сыну:

— Возьми лопату. Колай сестре могилу.

Мальчик молча взял лопату, пошел под ржавую облезшую сосну и судорожно вонзил тупое лезвие в сухую землю.

Анна Николаевна стояла в избе, смотрела на дочь, и Клевенский не мог смотреть на жену.

В сумерках он пошел к сыну. В неглубокой яме валялась лопата. Мальчик отсутствовал. Клевенский спустился к воде. Лодки не было.

Тишина стала невыносимой. Клевенский возвращался в грохочущий и туманный город. Пешком шел он по берегу. Усталая и ~~старая~~ Анна Николаевна следовала за мужем.

Синее небо тонуло в синей ~~воде~~. Редкие белые бабочки, колеблемые ветром, падали в ~~тихое движение волн~~.

Солнце ~~надавало~~ на запад. Розовые облака прикрывали небо, точно крылья замечательных фламинго.

Анна Николаевна перебиралась с камня на камень, и простуженные ноги болели немилосердно. Желтые, и оранжевые, и красные лишайники покрывали береговые скалы. Жесткие и скользкие камни лежали на пути в город. Клевенский, не оглядываясь назад, сосредоточенно шел, шел, шел.

Неожиданно задрожал воздух, и ~~сила~~ динамита качнула упрямые скалы. Рабочие ~~жестко~~ и неумолимо побеждали природу. Взрыв заревел над озером раненым медведем.

Клевенский вздрогнул. Плечи его затряслись часто и резко. ~~И, смотря сзади, на мужа, Анна Николаевна разгадала трусость любимого человека, боявшегося сильных, переделывающих мир людей. Женское сердце наполнилось великим гневом к человеку, за которым она послушно шла в трудные и долгие годы и который бездумно опустошил ее нелегкую жизнь.~~

Никаких псевдонимов! В двадцати километрах от Артыбаша в горной логовине проживает Семен Николаевич Криволицкий. Никому нет дела до решения Криволицкого жить отшельником, но он насилует чужую волю и, пользуясь беспомощностью своей семьи...

Изволите ли видеть, Семен Николаевич «рассердился» на советскую власть!

Уехал на Алтай. Построил дряхлую хатенку. Питается трудами рук своих—выловленной рыбешкой, застреленным зверем.

Года три назад жил он в Ленинграде, вел научную метеорологическую работу. Жена его занималась хозяйством, читала книги, ходила в театры, воспитывала детей. Дети учились, катались на коньках...

Нынче усталая женщина безропотно мерзнет, голодает и болеет, но дети уже бунтуют, хотят учиться, иметь товарищей, нормально расти.

Дети его еще живы, но завтра им придется или одичать и умереть или бежать от отца. Старший, тринадцатилетний

мальчик ежедневно грозит отцу бегством, и не сегодня—завтра он несомненно осуществит угрозу.

Сам Криволуцкий нашел в горах золотоносную жилу и тщательно скрывает ее местонахождение. Благодаря находке он окончательно опустил, перестал рыбачить и охотиться,—отвезет золотоносный кварц в приисковую контору на реке Лебеди, продаст и возвращается домой пьяный и беспечный.

В тридцати километрах от избы Криволуцкого расположена заимка единственного его приятеля, бывшего офицера Садыкова.

Если поступок Криволуцкого показывает, как интеллигентские теории опростительства и одиночества ведут к омерзительному одичанию и отупению, то на примере Садыкова легко проследить тенденцию возникновения кулацкого хозяйства.

Лозунг Садыкова краток и ясен: все—только для себя.

Поселился он как можно дальше от людей. Завел кроликов и пчел. Хозяйство Садыкова крепнет месяц от месяца. В далеких аилах нанимает он батраков, привозит в заимку и по миновании надобности прогоняет их прочь. Продукты своего хозяйства сбывает далеко на сторону. Но плодовитость кроликов общеизвестна, и лишних зверьков Садыков просто-напросто уничтожает. Живет он всегда наготове: приближение большевиков встретить в штыки или бежать еще дальше.

Криволуцкий надеялся найти место, где нет политики, нет людей, нет жизни...

Соседи-рыбаки в Артыбаше объединились в артель. Пионеры собирают на берегах озера бадан. Техники Энергостроя ведут подготовительные работы для строительства Телецкой электростанции...

На воде

Скрипит руль, ритмично постукивают весла и всплескивают воду. Черная, точно лакированная, прохладная поверхность скользко мерцает. Карбас движется медленно, дует верховка, и четверо гребцов с трудом толкают неповоротливую лодку навстречу ветру. Карбас сплошь завален ящи-

ками и мешками с товарами для улаганского кооператива. Люди устали, лишь изредка однообразный всплеск воды нарушает гортанная речь теленгитов.

Обрывистые берега озера, неуклюжие громоздкие камни, редкие островки сплошь заросли темнозеленым широколистным баданом.

На озере хозяйничает ветер. Он может помочь людям подогнать карбас, может согнать в стадо тяжелые дождевые облака, взбудоражить волны и поднять бурю, может упрямо и без конца дуть в обратном направлении и не пускать лодочников плыть по намеченному пути.

Синее небо висит над водой низко-низко. Жестокий утомляющий зной перемежается с холодным знобливым ветром. Воздух неестественно прозрачен. От берега до берега, кажется, рукой подать—широкие шестнадцать километров представляются условностью.

Вслед ветру несется легкая лодка, груженная баданом. Белый парус колышется на ней треугольным крылом охотящейся чайки. Берег выпячивает причудливые утесы. Лодка скрывается за ними незаметно.

На горах собираются облака, сизые, серые, белые, дымчатые, скапливаются мохнатыми грудками и грузными полчищами ползут над озером. Вода дрожит непрерывной рябью. Подобно грому, колеблют воздух грохоты каменных обвалов. Над водой мечется и завивает воронки бестолковый бегунок, шалый ветер, шныряющий без всякого направления.

Гребцы направляют карбас к берегу.

— Будет буря. В прошлом месяце сидели на берегу две недели, пережидали дожди. Вредная непогода... Товар может попортиться.

Карбас тяжело врезается в песчаную отмель. Люди раздеваются и куртками и овчинными тулупами укрывают мешки и ящики, потом собираются под прикрытием выпяченного точно ладонь камня, разжигают костер, садятся в кружок, кипятят в медном закопченном чайнике толкан и наслаждаются теплым привычным напитком.

Сыплется частый мелкий дождик, точно в небе воду сквозь решето сеют, но ветер шумит снова, уже на пользу людям, распахивает облака во все стороны, подальше от озера, солнце летит навстречу карбасу, и можно продолжать путь.

Со скалистых берегов срываются в озеро многочисленные водопады. После дождя они рокочут неистово и тревожно,

и сломанные деревья тянутся к воде, обуреваемые стремительной жаждой.

На дне карбаса, под ногами гребцов, хлюпает вода. Вода сверху помогла воде снизу продолбить дно, и озеро настойчиво просачивается в узкую щель.

Течь!

Поспешно черпают воду и конопатят дыру грязными тряпками.

Старый Иван щурит узкие глаза и рассудительно замечает: — Мало знают теленгиты. Очень мало. Не умеют теленгиты варить смолу. Кругом лес... Пора научиться варить смолу... А то приходится отдавать смолить лодки русским. Русским не жалко теленгитов, а озеро глубоко... Плохая помощь от русских...

Николай несогласно качает головой. Он моложе Ивана, но лучше его знает жизнь и бывал даже в Бийске.

— Неверно, Иван. Русский русскому рознь. Рабочие и крестьяне везде одинаковы и всегда должны помогать друг другу. Разве не при помощи русских коммунистов мы стали хозяевами собственной страны?.. В России живет много различных народов. Раньше все они между собой враждовали, а благодаря этому наживались богачи. Теперь мы все делаем одно дело...

Волна покачивает серую, перевернутую ножками вверх, неосторожно утонувшую белку. Николай отгребает ее веслом.

Звериный трупик попадает в водоворот и бесследно в нем исчезает.

Перед карбасом вырастает пологий конус Алтын-ту—Золотой горы.

Близок дом.

На отдаленном светлозеленом берегу сереют знакомые айлы.

Гребцы чаще взмахивают веслами.

— Наше озеро, наше Алтын-кол золотое потому, что на дне его лежит слиток золота. Давно-давно, когда еще царствовал Ойрот-хан, случился в стране голод, и один мудрец пришел в богатые айлы, стоявшие на месте озера, и просил хлеба в обмен на золото. Но люди пожадничали и отказали ему, и он взошел на Алтын-ту, проклял злых людей, бросил вниз слиток, и вода затопила айлы. Потому-то озеро называется золотым.

Николай поправляет Ивана:

— Пустая сказка... Алтын-кол еще не совсем золотое.

Когда выстроят электростанцию и благодаря ей наш край зацветет красивой маральника и трудные карбасы уступят просторы сильным катерам, тогда озеро будет по праву зваться Алтын-кол.

Гибель долины

Тема для кинофильма

На запад от Чуйских альп и к югу от Телецкого озера расположена узкая Чулышманская долина, в которой разбросаны айлы теленгитов.

Приезжие из Артыбаша рассказывали об измерительных и подрывных работах, ведшихся на озере. Известия о сооружении на озере громадной электростанции, которая даст энергию обширному краю, становились все реальнее.

Разговоры изменялись и повторялись, но прекратиться им было не суждено.

— Слышали—коммунисты хотят победить озеро?

— Ученые люди сильнее дьявола. Простой человек не может бороться с ветром и водой.

— Сегодня привезли железные машины...

Население волновалось.

— Зачем большевики затеяли такое трудное дело?

Постройка плотины грозила Чулышманской долине затоплением.

— Большевики говорят, станция принесет нам много хлеба, света и тепла...

В горах бесполезно таятся железо, медь и золото, бессмысленно громоздятся мраморы, охра и графит, превращаются в труху кедры, пихты и сосны. Электричество преобразует край.

Местных жителей запугивали баи и кулаки: «советские инженеры затопят наши дома, семьи и нас самих», «плохая помощь от русских», «не давать строить плотину», «сопротивляться», «бежать в Монголию».

Энергострой приступил к работам. На берегах забелели многогранные просторные палатки. Заскрежетали замысловатые машины. Возле машин засуетились десятки людей. Над походными кухнями взвились лиловые дымки.

Строительство нуждалось в рабочих. Местные коммунисты

вербовали на работу братьев, зятьев, свояков... Постепенно создавались национальные рабочие кадры.

Рушились прибрежные деревья. На свежих площадках строились десятки подсобных предприятий.

Повседневная жизнь строительства немногим разнилась от жизни других крупных советских строителей. Случались в работе промахи, происходили отдельные ошибки, рвачи искали легкого заработка, на отдельных участках кулаки пытались сорвать работу. Но тысячи людей понимали важность скорейшего сооружения плотины, и гидроэлектростанция была сооружена.

Чулышманская долина должна погибнуть, чтобы дать возможность разрабатывать природные богатства края и сделать доступными для жизни десятки других горных долин.

Почти все четырехтысячное население обреченной на гибель долины было занято на диковинных работах. Рабочих поселили в душистых сосновых поселках.

Электрические провода пронизывают воздух во всех направлениях. Станция готова к пуску.

Назначен день. Остается только закрыть шлюзы... Играет оркестр, произносятся речи...

Далеко в долине собралась небольшая толпа последних рабов привычки. Под предводительством баев и шамана молятся старики злему духу Эрлыку о спасении долины и гибели станции.

Сигнал! Шлюзы закрыты. Вода выступила из берегов и заливает долину.

Толпа молящихся редет. Остается только крутящийся шаман... Вода прибывает... Над водой дрожит только бубен... Вода прибывает... Вверху загорается первая электрическая лампочка... Вода прибывает... Колышатся волны...

Колышатся волны Телецкого озера. Карбас медленно продвигается вперед. Василий Менкушев возвращается домой из московского втуза. Он сильно взмахивает веслами, глубоко загребает воду и рассказывает о предстоящей гибели Чулышманской долины.

Рассказ предельно схематичен. Описания больше чем поверхностны. Никак не показаны создатели Телецкой ГЭС... Но—строительство ГЭС впереди... Здесь кратко изложена основная тема завтрашнего дня озера.

Кырсай

Болото топкое-топкое, поверх глуби трава ржавая, валежник, лужины, глубоко вздыхает болото—вздуется на лужине пузырь, засопит трава, под валежником топь чавкнет и лопнет пузырь.

Вся озерная дрянь в болоте. Озеро в верховье на-нет сходит, дно вязким илом застелено, вода еле наползает на землю.

На вовсе незаметном валу под горой притулились две юрты, точно растопырились трухлявые подберезовики. Юрты служат транзитными складами для провозимых товаров. Запоров на дверях нет, в междудверные щели зайцу проскочить впору. В здешних местах воровство неизвестно. Случилось, правда, русским переселенцам украсть мешок сахара, но местные жители предпочли приписать пропажу хитрым и неизвестным богам.

Узкая земля завалилась в болото.

Подальше, за болотом, деревня Кырсай.

В болоте прорва ненужной дряни—гнилье, лягушки, малярия, склизь, комары.

Какое—комары!

За Серпуховым либо за Ефремовым роща. Просветы от дерева до дерева ауканьем мерить можно. В той роще девушки гуляют, песни поют, поодаль звенит зуду свою комарик-букашечка, и тот комарик впопыхах может спуститься к одной девушке, сесть на теплую щеку или на босую ногу, может даже кольнуть девушку тонким хоботком.

Щекотно станет девушке, прихлопнет она булашечку ладонью,—вот и конец смелой комариной жизни.

Запоют девушки песню, будто комара поминают, а комар тут вовсе и ни при чем, просто очередь этой песне пришла.

Я по бережку гуляла,
Комарика повстречала,
Комар меня становил,
Мене ножку отдал,
Все суставы перломил...

У бережка возле речки
Покусал комар мне плечки,
Еле до дому добегла,
Доставала топора,
Доставала топора —
Пойду казнить комара...

Ойротка.

Беспорядочно
разбросаны
аилы.

Так то в роще за Серпуховым либо за Ефремовым...

Здесь, в болоте, комаров силища, тьма-тьмущая, гибель. Здесь лягушечий голос перед комариным слабенеком. Ни крика, ни ветки, ни костра не боятся комары здесь. Тучей повисла комариная нечисть, и не разобрать, где туман, где комарье,—седо над болотом, беспросветно.

Облака привалились друг к дружке, как стадо овец в знойный полдень. Нет пространства, иногда голубого, иногда серого, именуемого небом. Нет земли, гор, хижин. Повсюду облака, только облака, одни облака.

Облака лежат неистребимой грудой ваты всех сортов и оттенков—гигроскопической, бумажной, шерстяной, белой, желтой, коричневой, серой, лохматой, пушистой, прессованной, сухой, мокрой.

И странное появляется облако—темное пятно с рваными краями—зеленое! Ветер сметает туман с лужайки—лоснятся мокрые бурые аилы.

Высоко в горах лежит деревня Кырсай. Беспорядочно разбросаны аилы. Аил тождествен понятию крестьянский двор,—так зовется и самая юрта и все служебные постройки одного хозяйства. Ойротская юрта—переходная форма между кошомной юртой кочевых народов и деревянной избой оседлых жителей—представляет собою примитивное, плохо сложенное, конусообразное или шестигранное с конусообразной крышей жилище из бревен, досок, жердей и коры.

Облака ползут, цепляются за островерхие юрты, накручиваются на них, как на веретено кудель, и тянутся вверх вместе с кудрявыми ранними дымками домашних очагов.

Утро начинается в крайней юрте. В жилище значительно чище, чем в избах подмосковных крестьян. Хозяйка разжигает сухой валежник в очаге на земляном полу посреди жилья. Длинные жерди поддерживают крышу. Острие конуса срезано дымоходом. В отверстие дымохода падает рассеянный свет. От дыма свет блекнет. С крыши шлепаются в огонь капли талого тумана. Крыша дырява, дожди проникают в юрту свободно. Хозяин болен, делами заниматься не в силах и только ревниво оберегает сон младшей дочери. Старшая дочь приготавливает толкан. Обеих дочерей зовут Катями. Запас насильно навязанных миссионерами православных имен у теленгитов невелик. Младшая Катя просыпается, возится на овчинах, постеленных на пол, и возле

овчин, повешенных на стены, погода встает, наливает в мисочку воды и умывается лапками, как кошка.

Обстановка юрты: сундуки—резной и с узором в клетку, ружье, иконы, ступка для толкана, деревянные мисочки для толкана и прочей еды, овчины, седло, бусы, очаг, сунутые за жерди сухие ветки берез, длинные трубки для куренья, на стене политическая карта Европы, выдранные из комсомольского журнала три страницы с фотографиями и черная бумажная обертка от иголок, закопченный чайник, низкие нары, ведра, чугуны, различная домашняя утварь, кошмы... Перед посторонним взглядом названные предметы предстанут случайным нагромождением. На самом деле все вещи осмысленно расположены согласно обычаям, привычкам и надобностям.

Да, так утро началось в крайней юрте... Хозяева закуривают трубки. В юрту заходят соседи,—мужчины в овчинных шубах, женщины в пестрых платьях, украшенных всевозможными и не к месту пришитыми пуговицами. Зайдя, соседи, не здороваясь, присаживаются на корточки, берут из хозяйских рук хозяйскую трубку, курят, передают трубку обратно, щелкают кедровые орешки, сплевывают в огонь, обмолвливаются словом-двумя и, не прощаясь, уходят.

Да, так утро началось...

Совершаются разные события...

Серебряное седло

Летний день обволакивал гостей жарою. Просторная комната обступала гостей свежесвеженными стенами. Медленно тянулся обед. Остывали жареные в сметане лини. Зелеными крапинками поблескивала линева икра, осыпанная луком. В кувшине прокисало молоко.

Легкий ветер подул в комнату, за раскрытым окном зашелестели березы, в зелени завиднелся тесовый крест. Гости переглянулись. Хозяин комнаты заметил вопросительные взгляды. Усмехнулся. Заговорил нарочито небрежно:

— Правильно: могила тут. А окно не закрыть—от духоты задохнемся... Не обращайтесь внимания, кушайте... Товарищ мой тут зарыт. Похоронен. Спешили конечно... Крест по привычке поставили.

Хозяин остановился. Гости любопытно молчали.

Хозяин вежливо и нехотя стал ронять отрывистые фразы.

— Да... Значит, о Токмакове. Лет ему двадцать восемь было. Толковым коммунистом считался. Осенью выбрали его председателем сельсовета. Зимой у нас баев начали раскулачивать. Тяжесть работы на Токмакова пала. Сам он раньше в партизанах ходил. Взятки не брал. Кулаков не жалел. Однако злобе предел знал. Даже поговорка у него была: «Одному сделай плохо так, чтобы другим десяти хорошо стало». Вот он и кулаков не забывал и колхоз сколачивал.

Не пришлось ему, конечно, в том колхозе поработать. Может, оно маленько и мы виноваты, только время, сами знаете, горячее было. Коллективизация. У нас на Алтае в те поры, как говорится, еще головы от успехов закружились. В оба смотреть следовало. В такие дни и получили мы заявление, что при передаче колхозу имущества раскулаченных присваивает Токмаков ценные вещи. Веры, конечно, заявлению не было. Токмакова хорошо знали все. Но тут и конкретный случай указывался. Отнял он для себя у баев, написано было, серебряное седло. На слово, знаете, никому верить не след. Случалось, самые хорошие ребята с толку сбивались.

Как сейчас помню день. Гор не видно. Облака почти что лежат в долине. Стоят разбросанные скользкие юрты. Синие дымки тают в белом тумане. Моросит дождик. Заходим к Токмакову. Он сидит в бумагах разбирается. Поздоровались. В прятки, конечно, играть с ним не стали. Прямо, по-коммунистически говорим: так и так, мол, на тебя заявление. Хотя все мы в тебе, товарищ Токмаков, уверены и знаем тебя как стойкого товарища, но... И так далее. Сами знаете, что в таких случаях говорится. Он сразу поднялся и заявляет, что хотя седла не видал, но даже просить будет об обыске, и, случись подобное с кем другим, он бы сам так же поступил. Говорит это, но обиды скрыть не может, трясется губа у него.

На Алтае, конечно, не успеешь в юрту зайти, как все соседи сбегутся. Ну, и тут народу набилось вдосталь. А в юрте где искать? Всех вещей—пара резных сундуков, ступка для толкана, ружье да закопченный чайник. Для очистки совести решили под нары заглянуть, подвинули в сторону пачку газет, а под газетами седло. Взглянули—оно самое. «Как же так,—спрашиваем Токмакова,—а говоришь, не видал?» Растерялся он. «Запамятовал», отвечает. Народ в юрте шепчется. И нам неудобно—из-за такой дряни коммунист

пропал. «Арестуем тебя, Токмаков», говорим. «Не виноват я, напрасно», отвечает он, а у самого губа дрожит, как сердце у пойманной ласточки, и вся слабость его перед нами, как подстреленная ласточка на ладони лежит.

Рассказчик задумался. С реки попрежнему дул ветер и раздвигал кусты.

Один из слушателей попытался предугадать развязку.

— Расстреляли?

Рассказчик покачал головой.

— Не успели... К вечеру, конечно, могли бы и расстрелять. Для острастки... Он еще днем попросился до ветру сходить. Подошел это, конечно, к березке, запрокинул голову, да и полоснул себя по горлу ножом. Алтайцы—народ самолюбивый, и позора перенести он не мог. А тут еще кулацкая банда надвигалась. Закопали его наскоро у березки и побежали от кулаков отбиваться.

Все тот же нетерпеливый слушатель снова прервал молчание:

— Правильно впереди заметили: вина есть и за вами. Небось, вниманья не обращали на воспитательную работу?

Рассказчик недоуменно поморщился.

— Оно, конечно... Только к чему бы это про воспитательную?... Однако, не договорил я. Токмаков, конечно, по-интеллигентски поступил.

Рассказчик с силой закрыл окно.

— Не виноват он был. Позже установили. Кулаки заявление написали. Оговорили его. Хозяин седла сам его жене Токмакова в подарок принес и припрятать от мужа велел.

Один из слушателей с упреком обратился к хозяину:

— Так вы бы крест хоть мрамором, что ли, заменили. Гора рядом.

Хозяин криво усмехнулся и движением бровей согнал со лба муху.

— Правильно замечаете. Только некогда нам, конечно. Живые, знаете, о живых думать должны. У нас колхоз. И, между прочим, имени его это... Ну, его это, понимаете сами.

Духота распирала свежесвеженные стены.

Река вплотную подступила к горам, изогнувшись дугой и образовала уединенный остров, огороженный горными кручами и окруженный водою.

Райские яблоки

Последняя глава старой повести

Достанные из улья, переполненные медом соты источают тяжелые золотые душистые капли. Медленно, и тяжело, и скупно, точно капля за каплей, шлепаются на землю медные удары колокола.

Иеромонах отец Петр Золотов лениво лежит под березой, ухом прильнул к земле, будто вслушивается в глубинное и тайное существование неразведанных недр. Колокольный звон медленно нарушает привычное оцепенение. Отец Петр наскоро крестится и поглаживает шершавую траву, податливую, точно шелковая кошачья спина. Земля рада человеческой ласке, представляется ему, недаром она льстиво выгнулась под его рукой ровным холмиком. Помедлив, он встает, сосредоточенно созерцает остаток пахучего сотового меда, положенный на широкий лист конского щавеля, еще помедлив, вздыхает и сапогом лениво вминает мед в землю.

— Господи, прости рабам земным...—деловито шепчет отец Петр и облизывает пухлый, измазанный медом палец.

Зелененькая церковка незаметна среди берез—только лес, лес, лес... Радостно становится отцу Петру—созерцательному смиренномудрию открыты бездонные просторы.

Чаще и чаще долдонит звонарь.

«Нехристь, самаритянин, фарисей—покоя благолепного разрушитель», мысленно обзывает его иеромонах.

Неслышными тенями проходят монахи в церковку мимо деревьев. Кажется, в листве внезапно образуются черные провалы.

Отец Петр прислоняется к покорному березовому стволу, перебирает по волоску желтую свою бороду, считает будто. Иеромонах воображает себя философом, стремится постигнуть жизнь, но ленится и постигнуть ее никак не успевает. Любимое его занятие—сочинять себе письма. Родственников и просто знакомых он не уважает. Зашевелится в нем раздумье, и в любое время и на любом месте оцепенеет отец Петр,—думает, себе самому, самому умному, вышептывает письмецо, пока птичья тень над головой или суетный говорливый монашек не нарушит покоя. Рассердится молчаливый иеромонах—нет письма!—лоскутками разлетелось, истаяли навсегда философические сентенции...

Привычно окунулся отец Петр в тишину и утонул в ней

и вот уже обратил к себе тайное, миру недоступное, мысленное письмо.

«Ведомо будет вам, любезный отец, святой благовест призывает вас исполнить христианский долг ваш, ибо за вами очередь служить сегодня вечерню...»

«До коих же пор продолжаться будет сия моя очередь?—не без иронии отвечает самому себе иеромонах.—Помнится, в обители три иеромонаха пребывают, а службу справляю я один... И проистекает такое трудом моим злоупотребление по причине единственной и несправедливой: другие иеромонахи—один коммерции советник, а другой, прости, господи, и помилуй, советник дьяволов... А и в самом деле, любезный отец, мыслимо ли иначе отозваться об отце настоятеле, коли игумен наш не отец, а подлец и козел и в монахи пошел только по причине отсутствия всяких прочих средств к существованию. Дворянское звание и немалые связи определили скоропалительное его возвышение, и быть бы господину Геннадию Григорьевичу Черткову столичным епископом, имей он хоть крупицу стыда... Такие коленца на глазах всей епархии откалывал—подумать стыдно. Пьяница, содомит, дебошир, монастырь в игорный дом обратил, в штатском платье в шантаны прихожан удивлять ездил... Не стерпело начальство неприличия, послали сего гусара в рясе куда нельзя дальше... Или казначей, отец Евиласий. Не иеромонах, а коммерсант сущий. Монастырскую мельницу в шинок превратил, почитай, все население окрест споил. Ротшильдом вскоре станет... Где же оные иеромонахи пребывают?... Оные иеромонахи заняты либо картежной игрой в шестьдесят шесть, либо квасом опохмеляются, либо каким другим подобным блудством... А вы, любезный отец, просвещайте паству...»

Опять птичья тень над головой спокойному рассуждению претит и бесом подосланный говорливый монашек сбоку—послушник Илья.

Илья—чуваш. Зашвырнула его нелепая жизнь на тутошние кулички, бежать ему на родину никак неспособно, оттого он и послушен и работает старательно, точно за деньги—воду возит, дрова рубит, кланяется низко. Монастырское начальство к нему благоволит. Живет Илья на мельнице с бабой, иеромонахи на бабу сквозь пальцы смотрят.

— Чего тебе?

— Во имя отца и сына... Собрались в храме... Молитву бы начинать...

Отцу Петру лень идти в темную церковку. Трепетолитвенная тишина отвлекает его мысли от скудных обязанностей.

«Любопытствую, любезный отец, причинами вашего в сем далеком краю пребывания. Нрава вы человек спокойного и к наживе не слишком привержены. Неужто поиски уединения завлекли вас в столь дикий и непонятный край?»

Отец Петр пытается осмыслить жизнь, пристально всматривается в себя и себе отвечает, и вне его внимания два десятка переступающих с ноги на ногу монашков, обязанных дожидаться иеромонаха.

«Сей нелепый край есть тишина, мир, уединение—конец неисчерпаемой человеческой злобе. Жизнь есть сон, провести каковой надлежит в зеленом сумраке природы...»

Покорные монахи рискуют иеромонаха поторопить—посылают звонаря Нифонта, пришлого танну-тувинца, недавно обращенного в христианство, вторично отблаговестить вечерню.

— Дындыкают, дындыкают...—сердится отец Петр, двигаясь в церковку.

С узкой тропинки он сворачивает в сторону, минует крепкие и длинные хозяйственные постройки, устремляется на пасеку.

Возле пасеки назад три года под его руководством посажена и ухожена терпеливыми послушниками китайская яблоня, и впервые предстоит собрать с нее урожай. Отец Петр—большой любитель сладостей и сам будет варить в меду золотистые и прозрачные, как янтарь, райские яблочки, всю зиму будет вкусно чаевничать и, если варенье задастся, даже угостит от щедрот ласкового сердца своего всегда насытых послушников.

Вот увидит иеромонах свою яблоню-растопырку. Пялит она во все стороны кривые ветви, и неописуемо красиво висят на ней матовые розовые и блестящие желтые самые крупные на земле жемчуга,—на ризах чудотворных икон жемчуга тусклее, холоднее, незаметнее.

Подошел отец Петр к дереву, шатнулся—птичья тень над головой метнулась, свет заслонила. Пусто вокруг стало—на ветвях ни яблочка.

Охнул отец и в церковку.

Монахи стихли, Нифонт кадило бросился раздувать—надо молиться спешить.

Остановился отец Петр возле свечного ящика, залупил

глаза до последней крайности, точно в своем нутре захотел все высмотреть, и ну голосить.

— Анафемы, ироды, туземцы!.. Дикари лютые! Как есть дикари. Алтайцы проклятые... Православный человек всем жертвует, учить остолопов едет, а вы, идолы, наставника духовного последней радости хотите лишить! Для чего вас, ослов, в православие обращали?.. Яблоки воровать?.. Нажрались яблок, думаете, теперь и помолиться можно?.. Мерзотина какая... Я вам покажу!.. Кукиш вам вместо господи!

Монахи сбились к левому клиросу, послушно молчат.

Отец Петр выхватил из рук Нифонта кадило и бросился на монашков.

— Я вам покажу, теленгиты несчастные!.. По примеру иисусову поступлю... Пошли вон, чортовы лучинки!..

Иеромонах крутанул кадило, — звякнули цепочки, посыпались горячие угольки.

Монахи взревели и, подгоняемые воплями духовного наставника, табуном ринулись наружу.

Угольки, разбросанные в церковке, разгорелись только восемь лет спустя, в 1923 году.

Монахи позвали к игумену отца Петра и казначея, пошли следом за ними сами, попрежнему почтительно встали в отдалении, вытолкнули вперед послушника Андрея, и Андрей сказал заранее приготовленную речь.

— Белые бандиты убежали в Монголию. Никогда не придется им перепрыгнуть Алтайские горы обратно. Гора не даст, ветер не даст, народ не даст. Советская власть пришла на вечную жизнь. Теленгиты боялись русских, теленгитам есть нечего было, теленгиты шли в монастырь. Теперь не боимся русских — есть разные русские. Будем иметь хлеб, не хотим работать в монастыре. Ушли из монастыря! Раньше заставляли теленгитов богу молиться, теперь не заставите... Отец Геннадий, отец Евиласий, отец Петр, пошли прочь отсюда!.. Над нами народ смеется. Мы тоже пошли прочь отсюда — дома работа ждет... Не будет народ держать здесь монастырь... Геннадий, Евиласий и Петр, спешите, пожалуйста...

Запуганные вчера послушники вывели своих наставников из монастыря, довели до Телецкого озера, посадили трех иеромонахов в лодку и сказали:

— Плывите куда хотите, господь с вами.

Напрягая размякшие от безделья руки, отец Петр неумело шлепал веслами по воде. Палило солнце, и обрюзгший ста-

рик почувствовал во рту терпкую горечь никогда не попробованных райских яблок.

Справка

Православная церковь немало способствовала превращению Ойротии в колонию русского империализма. Сотни миссионеров проникали в глубь страны и, как везде и всегда, «завоеывая души человеческие для бога», и политически и духовно порабощали покоренную страну.

Миссионеры обосновывались в плодородных и живописных долинах, строили для «вчерашних язычников» церкви и тут же создавали руками «вновь обращенных христиан» крупные товарные хозяйства. По прошествии самого незначительного времени оказывалось, что лучшая земля в окрестностях принадлежит монастырям, а обретшие «благодать» язычники работают на ней исполу, т. е. половину урожая обязаны отдавать в пользу монахов.

В Ойротии имелось несколько монастырей, и все они были типичными экономиями с даровой рабочей силой, которую составляли послушники, завербованные из коренного населения. При содействии царских чиновников русские переселенцы захватывали в Ойротии лучшие земли, загоняя ойротов высоко в горы, где едва-едва родится ячмень. Коренное население беднело, нищало, вымирало. Создавалось такое положение, что предпочтительнее было идти в послушники, то есть, согласно монастырскому уставу, почти в рабство, чем медленно умирать с голода.

Обращение инородцев в христианство не отличалось особой сложностью. Перед приездом духовного начальства или перед отправкой очередного отчета о привлечении в лоно православной церкви «заблудших овец», в ожидании награды за большое количество «обращенных душ», миссионеры целыми деревнями сгоняли ойротов к речкам и крестили их оптом, решительно и быстро.

Это «святое дело» осуществлялось миссионерами с потрясающей скоропалительностью и, очевидно, не всегда в трезвом состоянии. Ничем иным нельзя объяснить анекдотические воспоминания бывших «христиан».

Утром в урочище приехал урядник.

— Эй, татарва, сысь к ручью!

— Зачем?

— Недоимки скащивать!

Спустились к берегу.

Миссионеры у воды суетятся.

— Скорее, скорее... Епископа из области ждем...

Тут же урядник бегают, командует, монахам помогает.

— Раздевай-ся! В воду за-лазь!

Разделись теленгиты. Догадываются—крестить их сейчас будут. Говорить против боятся—все у монастыря в долгу, с урядником спорить не годится.

Полезли теленгиты в воду и пошли гуськом, друг за другом, к священнику.

Священник крестом размахивает, молитву бормочет, топится.

— Какое имя желаешь?

Как на грех первому подошедшему теленгиту известно было только одно русское имя—Мария.

— Марья,—робко сказал он.

— Нарекается... Марьей,—поспешно повторил священник, озабоченно думая о прибытии епископа.—Дунь... плюнь...

— Марья,—растерянно повторил следующий новообращенный.

И все семьдесят «завоеванных душ» повторяли второпях нечаянно оброненное имя,—все мужчины урочища отныне звались Марьями.

Следует оговориться, что среди местного духовенства попадались люди, которые оказывали покоренному народу кое-какую культурную помощь: лечили население, устраивали детские приюты, строили школы. Встречались даже люди глубоко образованные, вроде митрополита Вербицкого, который написал об Алтае несколько серьезных этнографических исследований, до сих пор не потерявших научного интереса. Само собою разумеется, что эти немногие культуртрегеры являлись носителями буржуазной культуры, служившей все той же цели покорения завоеванного народа. Говорить на родном языке запрещалось, дети в приютах и школах воспитывались в духе самодержавного шовинизма.

Но подавляющее большинство духовенства на Алтае являлось обычным отрядом полицейских в рясах. В Онгуде еще сохранилась роца, где ойротов пороли, обращая их таким способом в христианство.

По мере укрепления позиций русского православия на Алтае эти далекие монастыри постепенно превратились в место ссылки провинившихся монахов. Последствия подобной политики не замедлили сказаться, и монастыри, будучи форпостами православия и самодержавия, одновременно

превратились в рассадники пьянства, разврата и взяточничества.

При советской власти на месте монастырей созданы детские интернаты.

Один из таких интернатов организован в бывшем Чулышманском монастыре.

Интернат рассчитан на двести детей. Часть их живет постоянно, большинство приезжает учиться только на зиму.

Обучаются дети ойротскому и русскому языкам, политике, тюркской грамматике, арифметике и географии. Недостаток квалифицированных педагогов отражается на преподавании. В школе не преподаются такие предметы, как естествознание и основы животноводства, в то время как скотоводство—основное занятие местного населения.

С самого начала дети вовлекаются в общественную работу—жизнь интерната основана на принципах самоуправления и самообслуживания.

При интернате имеются столярная, слесарная, сапожная и пошивочная мастерские. Кроме общего образования, дети знакомятся с ремеслами, становятся квалифицированными мастерами, острую нужду в которых испытывает вся область. Интернат мог бы выпускать и квалифицированных инструкторов по кролиководству, но здесь опять сказывается отсутствие подготовительных руководителей. Крольчатник организован, но кроликовод оказался доморощенным любителем, еле-еле справляется с уходом за кроликами и боится подпускать к ним детей, не умея передать опыт своей работы.

Интернат имеет обширный огород и большой скотный двор—коров, лошадей, свиней и овец. Но значительное хозяйство находится в плохом состоянии по причине безответственности и обезлички, распространенных среди руководящего и технического персонала.

С наступлением весны занятия прерываются—ребята стремятся вернуться в родные айлы. Удержать ребят почти невозможно, тем более, что многих из них забирают родители на полевые работы. Дети, постоянно живущие в интернате, иногда совершают побеги, но кончаются они обычно тем, что ребята сами возвращаются обратно.

По окончании обучения в интернатской школе воспитанников устраивают на работу, а наиболее способных посылают в школы-девятилетки или на специальные курсы для продолжения своего образования.

Первая глава нозой повести

Приближается звонкий-звонкий смех—длинноухие кролики испуганно таращат влажные карие глаза и мгновенно прячутся в густую траву. Быстрые ребятишки выбегают на лужайку и, хохоча и перекликаясь, скрываются в игуменский особняк.

Полуденное солнце застряло в густых облаках, точно мяч в цепких ветвях высокой липы. Бесконечное лесное эхо повторяет гортанное кукуреканье хлопотливого петуха. За крепостной стеной частых деревьев сосредоточенно мычит корова. Позади монастырских сараев четко стучит топор. На ветхой деревянной паперти сидят два босоногих подростка и наперебой поют. Они кричат песню дурачась, пытаются перекричать друг друга, и кажется, две песни, веселые и сильные, борются неумолимо, но добродушно.

В монастырь ворвались дети.

Десятки здоровых, сильных и пытливых ребятишек нарушили нелепую ленивую тишину. Река запела бурную и быструю песню. Лес заговорил тысячами березовых и еловых голосов. Затенькало, зацвибикало, заклекотало, зачирикало, защелкало бесчисленное птичье множество. Повсюду разнесся нетерпеливый человеческий говор. Плененные звуки освободились и, сталкиваясь друг с другом и утопая один в другом, слились в последовательный утренний хор. Началась здоровая и смелая, очень трудная и замечательная жизнь.

В игуменском особняке распахнуты окна. В просторной темноватой комнате точно щеглы щебечут ребятишки. Выставленные на подоконник колодки характеризуют новое назначение бывшей игуменской спальни. Неопытные, но охочие мальчишеские руки—одни осторожно выкраивают длинные голенища, другие наващивают суровые нитки и готовят дратву, третьи быстрыми молотками вколачивают в подметки мелкие гвозди... Десятки ребятишек учатся хитрому сапожному искусству.

Круглолицый румяный Трифон отрывается от колодки, почесывает темя острым концом молотка и спрашивает соседа:

— Семен, после обеда пойдем охотиться на барана?

Спрошенный быстро и хитро оглядывает Трифона.

— Нет,—отказывается он,—я пойду ловить рыбу.

Во флигеле под зеленой крышей безостановочно жужжат швейные машинки. Девочки учатся шить. Но работа прекращается раньше положенного часа.

— Довольно, — говорит жена сапожника, обучающая девочек шитью. — Магдалине надо успеть собраться до обеда, и вы помогите ей.

Магдалина проводит рукой по широкому умному лбу, закидывает назад черную косу и встает. Ей уже шестнадцать лет, она учится в интернате последний год. На летние месяцы ее посылают на практику, работать няней в детских яслях, и сегодня она должна выехать в Ак-Курум.

Поодаль, в дощатом сарайчике, звенит послушный металл. В небольшом горне полыхает белое пламя. Перепачканные сажей подростки лудят, паяют и заклепывают посуду, привезенную для ремонта из соседних айлов.

Перед сарайчиком, скрестив ноги, сидит Эрке, вожатый пионерского отряда. Он внимательно склонил блестящую бритую голову над широкой доской и старательно катает дробь, не замечая ни капель пота, скользящих по раскосу лицу и щекочущих острый худой нос, ни одного запаха нашатыря, пролитого неосторожными учениками на траву.

Еще ранней весной со скотного двора убежал в горы породистый баран. Поймать его не удалось. Постепенно баран одичал, бродил в горах, часто спускался в интернатский лес, но живым в руки не давался. Барана решили отправить в обеденный котел, и заведующий интернатом разрешил воспитанникам организовать облаву.

Деловые шумы рабочего полдня нарушает неровное буханье колокола.

Колокол снят с колокольни и подвешен к толстому кривому суку старого дуба. Сторож Нифонт изо всех сил раскачивает колокольный язык. Много лет назад он, нищий и голодный танну-тувинец, забрел в монастырь, монахи окрестили его и назначили звонарем. Нифонт должен был искусно и на разные лады вызванивать обедни, вечерни, всенощные. Новая власть пожалела бездомного и тихого старика, и Нифонта оставили при интернате сторожем. Он позабыл ненужное и сложное искусство звонаря, — теперь простой колокольный звон должен оповещать о часах занятий, работы и отдыха. И Нифонт старается изо всех сил.

Пора обедать!.. |

Ребятишки выскакивают из мастерских и обгоняют старого Нифонта, торопливо шагающего в столовую. Среди толпы шумных мальчуганов, босых, одетых в расстегнутые рубашки и короткие штаны, щуплая фигурка сторожа в сером

Ей уже шестнадцать лет, она учится в интернате последний год.

выцветшем балахоне движется нерешительно, слабо подгоняемая ветром.

— Помолился богу?—мимоходом спрашивает Нифонта насмешливый Семен и убегает далеко вперед.

— Раньше заставляли молиться—молился, теперь не заставляют... Зачем теперь молиться?—недовольно ворчит старик, запахивает балахон и безуспешно пытается догнать мальчуганов.

В летнее время детям после обеда предоставляется полная свобода.

— Идем охотиться?—спрашивают Эрке товарищи.

— Нет,—отвечает он.—Стрелять захочет каждый, а у нас только два ружья. К завтраму обещали прислать еще пару ружей из Кырсая. Облаву устроим завтра.

Девочки идут по ягоды. По всему лесу, вплоть до самого подножья горы, растет крупная душистая частая земляника.

Мальчики уходят к реке.

Естественная граница интерната—река—вдоль и поперек исчерчена старой растрепанной лодкой. Гомонливые ребята пересекают зеленый Чулышман, и крики, споры и смех перелетают с берега на берег.

Семен забегает в церковь, превращенную в склад ненужных и поломанных вещей, вытаскивает из-под лестницы две свои припрятанные удочки и направляется ловить рыбу.

Семен устраивается под развесистым вязом.

Трифон издали следит за товарищем. Правда, удочку он мог бы легко сделать сам, но негде достать крючок. Правда, он мог бы попросить Эрке сделать в слесарной мастерской крючок из булавки, но негде достать булавку... Наконец он не выдерживает.

— Позволь мне половить рыбу?—обращается он к Семену.

— Ладно,—соглашается тот.—Но пойманную рыбу ты будешь отдавать мне.

Трифон согласно кивает головой: ничего не поделаешь, процесс ловли привлекает его сильнее, чем самая добыча.

— Но если к воскресенью ты наловишь мне полведра,—прибавляет Семен,—я отдам тебе удочку.

На берег выходит Магдалина. Ее провожают подруги. Они заботливо несут узелок с немногочисленными вещами девушки. Всегда спокойную, ласковую Магдалину любят все воспитанники. Мальчуганы окружают девушку и наперебой расспрашивают:

— Уезжаешь, Магдалина?

— Зачем так скоро?

— Куда?

— В Ак-Курум,—отвечает девушка, улыбаясь.—Работать в яслях няней. Буду хорошо работать, еще дальше поеду, в Улалу, учиться на учительницу.

— Погоди немного!—восклицают ребята и убегают к интернату.

— Много наловили?—спрашивает Магдалина, подходя к рыболовам.

— Отстаешь, Трифон,—говорит она, видя возле Семена трех рыбешек и ни одной около Трифона.

— Неверно,—обижается Трифон.—Я поймал две, но отдал их Семену.

— Почему?—удивляется Магдалина.

— Я дал ему свою удочку, и за это он отдает мне пойманную рыбу,—нехотя отвечает Семен.

— На что же тебе столько рыбы?

Мальчик отвечает еще неохотнее:

— Буду обменивать рыбу на разные вещи.

— Как тебе не стыдно!—упрекает его девушка.—Какой же ты пионер? В старое время так поступали кулаки... Эрке не похвалит тебя за такие вещи...

— Магдалина! Магдалина!—кричит толпа возвращающихся мальчуганов.—На!...

И они суют ей в руки еще незрелые зеленые райские яблочки.

— Бери, бери! Мы отрясли яблоню... Кушай, пожалуйста. Нет, мы обтрясли не все... Там еще много осталось. Но, хочешь, мы принесем тебе все?... Нам не жалко. Честное пионерское слово, не жалко.

Магдалина смеется и спускается к лодке.

Все мальчуганы задорно бросаются вниз—каждый хочет перевезти девушку на соседний берег.

— Тише, тише, ребята,—останавливает их Магдалина.—Лодка всех не вместит. Перевернемся еще посреди реки.

Лодку с трудом отталкивают от берега, она медленно скользит по прибрежному песку, и вдруг течение сразу относит ее вниз.

Мальчуганы с завистью смотрят на Магдалину. Летние запахи зовут детей в горы, на далекие пастбища, в неизвестные долины. Просыпается неутолимый инстинкт вчерашних кочевников—бродить из долины в долину, искать лучших мест, двигаться, двигаться, двигаться. Трудно удержать

ребят в интернате. Каждую весну, не успеют окончиться занятия, начинают ребята разбегаться в далекие аилы.

— Не забудьте,—кричит Магдалина с лодки,—убьете барана, оставьте мне кусок меха опустить шапку!

— Обязательно!—дружно отвечают ребята, и ветер с берега стремительно бросает в Магдалину пригоршню одинаковых слов.

Быстрая зеленая вода наискось несет лодку к соседнему берегу. Магдалина сидит на корме, ласково смотрит на мальчуганов и грызет незрелые и горьковатые еще яблоки, которые ей и мальчуганам кажутся самыми сладкими на свете.

Теплынь

Солнце легло детям под ноги теплым светлозеленым ковриком. Беспечно ползают в траве крохотные дитенки. Деловито сопя, прогуливаются четырехлетние бутузы. Большие—«Мне уже восемь!»—«А я больше, мне уже семь!»—покоряют бесформенную кучу песка, самолюбиво лепят сооружения.

«Нет ни окон, ни дверей, полна горница людей»—лужайка огорожена сквозной изгородью, зелена, как молодой парниковый огурец, и наполнена чрезвычайно занятыми крохотными людьми.

Тонкой струйкой сыплется песок, и детский смех сыплется, как...

Жизнь движется ввысь спокойно, как...

Как?

Факты солнечнее любых образов.

Ак-Курум. Ясли местного кооператива. При яслях детская площадка. Содержание этих обычных слов неизмеримо.

Ак-Курум! Отдаленное урочище на пути из Кумуртука в Улаган... Верховые лошади—единственное средство сообщения... Таежная глушь, горная даль... Ясли в Ак-Куруме—свидетельство глубины нашей революции.

Ясли обслуживают тридцать детей, детская площадка—сорок-пятьдесят.

Деревянный дом сияет чистотою,—выражение трафаретное, зато вполне точное.

Заведует яслями Роголева. Прожила она полвека и про-

жила однообразно—батрачила да батрачила. Коричневые морщины резко вычерчивают строгое приветливое лицо.

С раннего утра ойротки несут и ведут ребятишек на площадку. При открытии яслей матери боялись оставлять детей под надзором приветливых незнакомок. Теперь от боязни не осталось и следа. Детей везут из отдаленных аилов, и ежедневно солнечный дом становится теснее и теснее.

Воспитательница Агния Тарсымаева утром дежурит у аптечки—осматривает детей. Приходящие женщины пользуются случаем пожаловаться на простуду или боль в животе и получить ложку касторки или порошок аспирина.

Кухарка готовит пищу под наблюдением Роголевой.

— Завтракать!—зовет ребятишек заведующая.

Агния и Магдалина подхватывают карапузов на руки и переносят в столовую.

Магдалина, воспитанница чумышманского интерната, проводит каникулы в яслях, работает няней.

Восьмилетняя Маня, председательница детского коллектива, заботливо строит ребят в колонну и чинно ведет, преисполненная чувством собственного достоинства.

Детишки оживленно рассаживаются за низенькими столами, старательно подвязывают салфетки, всоружаются большими алюминиевыми ложками, решительно погружают ложки в манную кашу с нетерпеливым стремлением поскорее ее уничтожить и получить любимый сладкий яблочный компот.

Накормив ребятишек, Роголева присаживается на недолго на ступеньку крыльца,—множество забот не позволяет ей засиживаться,—и высказывает Тарсымаевой единственную и обычную свою жалобу:

— Сделали меня выдвигенкой. Назначили яслями ведать. Я согласна. Детей люблю, работать умею. Послали на курсы... Обрадовалась ученью. Только разошлась, говорят—обратно пора! Два месяца разве срок? Надо еще учиться, да некого здесь за себя оставить.

Других жалоб Роголева не имеет. Она не жалуется на отсутствие педагогических пособий, детских книжек, масла и яиц, бумаги и карандашей.

— Всего сразу не достать,—говорит она своим помощникам.—Самое важное есть—в Ак-Куруме есть ясли. Внимания мало уделяют яслям? Женорганизатор не заглядывает? Комсомольцы не интересуются? Ничего. Мы с вами должны и внимание к яслям привлечь и все нужное достать.

Агния недовольно вторит Роголевой:

— Нельзя терпеть молчание. Совсем не знаем, как другие работают.

Но тут же находит выход:

— Выберу время, напишу в газету. О нашей работе расскажу, о чужой спрошу.

Роголева не дожидается, когда о ней вспомнит кооператив. В поисках масла и яиц она сама отправляется по анлам, покупает продукты, и щеки детей всегда пухлы и румяны.

Единственная книжка на ойротском языке—растрепанный и замызганный песенник. Песенником владеет Магдалина. К девушке, стараясь не спешить, подходят большеглазые смуглые девочки, садятся возле нее в кружок и визгливыми голосками тянут несложный однообразный мотив.

Дети тесно прижимаются друг к другу, черные глаза любопытно блестят—Магдалина рассказывает старинные сказки о богатыре Сартакпае.

Сытые, довольные ребятишки играют, незаметно учатся, отдыхают, хорошо питаются...

Излюбленные предметы детских разговоров—колхоз, комсомол, пионеры.

— Как мы будем жить через десять лет?

— Когда мы организуем отряд?

— Почему раньше детей позволяли бить?

Агния окончила краткосрочные курсы в Улале и по детским книжкам учит детей русской грамоте.

Русских книжек в яслях много. Но среди них часто попадаются непонятные.

— Новую книжку!—требуют ребятишки.

Агния вытягивает из пачки полученных с последней почтой книжек самую яркую—в голубой обложке.

— «Пудель» Маршака.

— Маршак!—радуются ребята.

На свете старушка
Спокойно жила,
Коф-йники грела
И кофе пила...

И был у старушки
Породистый пес —
Косматые уши
И стриженный хвост.

Ребята сосредоточенно хмурят брови.

Старушка сказала:
«Открою буфет
И косточку
Пуделю
Дам на обед».

Подходит к буфету,
На полки глядит,
А пудель
На блюде
В буфете сидит...

Недоуменные вопросы перебивают Агнию:

- Что такое кофейник?
- Разве старуха полоумная?
- Собакам никто хвостов не стрижет.
- Что такое пудель?
- И блюдо?
- Кто такое буфет?

Слушатели стихов не понимают, действия буржуазной городской старушки ойротским детям кажутся бессмысленными, множество слов совершенно незнакомо.

— Агния!—воскликает дружный хор.—Хотим другого Маршака!

И Агния послушно раскрывает читанную, порванную и тщательно подклеенную другую книжку Маршака.

— Отряд!—предупреждают ее ребята.

Что там за прохожий
Идет по мостовой,
Что за краснокожий
С голой головой?

Легкая рубашка,
Короткие штаны,
На боку баклажка
С левой стороны...

Не глядя на знакомые строки, Агния наизусть читает стихи.

Занял
Всю дорожку,
Топают,
Как слон.
Слышите,
Как много
У него имен?

Ванька он
И Варька,
Танька он
И Ларька,
Колька
И Сережка,
Олька
И Алешка...

- Наш Алешка!
- Я—Колька!
- Про тебя, Ларя!

А люди говорят —
Зовут его Отряд.

Ребятишки перебивают Агнию, востороженно кричат понятные и знакомые слова, торопясь произнести их обязательно раньше Агнии.

Агния, улыбаясь, спрашивает:

Что это за головы
Плавают в реке,
Чьи там руки голые
Машут вдалеке?
Что за суматоха там
С фырканием и хохотом?

И все ребята наперебой кричат правильный ответ:

Люди говорят —
Купается Отряд.

Заметки о Кумуртуке

Кумуртук—большое ойротское село.

Почти каждый житель, кроме юрты, имеет избу, где живет зимой.

Классовая борьба в местных условиях осложняется родственными связями. Бедняки, состоя с баями в родстве и работая в байских хозяйствах на положении жестоко эксплуатируемых батраков, согласно традициям родового быта часто во вред себе защищают интересы хозяев.

Баи, играя роль великодушных благодетелей, усыновляют детей бедных родственников. На самом деле здесь имеет место стремление обеспечить свои крупные хозяйства даро-

вой рабочей силой. Разделение отеческих чувств между родными детьми и усыновленными весьма недвусмысленно: родных детей посылают учиться, а усыновленных заставляют работать.

Две крупнейшие реки северо-восточной Ойротии—Чулышман и Башкаус, впадающие в Телецкое озеро, сливаются около Кумуртука.

Чулышманская долина—житница Улаганского аймака. Большинство горных рек и ручьев летом высыхает. Кумуртук изрезан арыками.

Дети играют преимущественно возле арыков. Строят запруды. Охотятся за крохотными рыбешками. Копаются в белом песке.

Иногда ойроты называют своих детей именем первого человека, вошедшего в юрту после родов—счастье, мол, принес,—или каким-нибудь словом, знаменующим событие, происшедшее при родах. Мальчика зовут Ярманка потому, что родственник, приехав ко времени родов, рассказывал о ярмарке.

Многие ойротки носят библейские имена—Соломея, Магдалина.

Соломея, встреченная в Кумуртуке,—полное нарушение штампованного литературного образа: толстая, сорокалетняя, имеет пятерых детей.

Соседи о ней отзываются:

— Интересная женщина—три дня подряд говорить может. Посреди Башкауса остров, заросший высоким тростником. На остров переправляются в лодке, выдолбленной из цельного дерева. На берегу по очереди дежурят подростки, выполняя обязанности перевозчиков. Дежурят на редкость аккуратно, добросовестно просиживая в низком шалаше целый день.

На острове находятся церковь и медицинский пункт.

Церковь построена на острове монахами. Очевидно, духовные пастыри чувствовали себя безопаснее под защитой бурной реки.

Церковь забита досками.

Медпункт устроен в доме священника.

Медпунктом заведует фельдшер.

Фельдшер собирается в отъезд. Накануне пасхи он принял участие в антирелигиозном вечере. В следующую ночь кулаки разрушили на острове сарай и забросали крышу пункта камнями. Фельдшер струсил.

Население не слишком уважает фельдшера. Возможно, потому, что фельдшер почти не занимается своими прямыми обязанностями. Он перегружен общественной работой.

В полдень приехала юрта-передвижка. Юрта в пути второй месяц. Юртой заведует Павел Васильевич Кучияков, студент КУТВ. Кучияков жертвует отпуск родине. Приезд юрты сильно оживляет село. Кучияков останавливается в Кумуртуке на четыре дня. Проводятся беседы: «Национальная политика коммунистической партии», «Переустройство ойротской деревни», «Жизнь в юрте и культурные навыки», «Польза оспопрививания». Помощник Кучиякова—фельдшер—достает походную аптечку и приглашает слушателей прививать оспу. Приглашение имеет успех. Слушатели от мала до велика засучивают рукава. Женщины охотно просят советов. Кратковременное пребывание неутомимого Кучиякова колеблет последние остатки авторитета местного фельдшера. Кучияков разбирает десятки дел: лишение избирательных прав, протравливание семян формалином, алименты, ковка лошадей, продажа овчин... Юрта оставляет в селе плакаты и заманчивые советы, которые никак нельзя не выполнить.

Коллективизация—основная тема разговоров.

Сельсовет занят ликвидацией перегибов. Никак не могут поделить собранное было вместе имущество,—у одного нехватает уздечки, у другого курицы.

Местная сельхозартель добивается получения жнейки для предстоящей уборки ячменя,—засеяна большая площадь, а рабочей силы нехватает.

Вокруг села в изобилии растет дикая конопля. В здешних местах никто никогда коноплей не интересовался, между тем она—ценная техническая культура. Повидимому, можно использовать даже заросли дикой конопли.

Чтобы проехать в Улаган—аймачный центр, переправляются через Башкаус. Река кипит и всячески—камнями, течением, ямами—препятствует переправе. Лошадей пускают вплавь, они пытаются повернуть обратно. Криками, сучьями, камнями лошадей отгоняют от берега. Свирепое течение подхватывает испуганных животных, и они инстинктивно устремляются к противоположному берегу. Люди перебираются на лодке. Лодка достигает противоположного берега, отнесенная течением на полкилометра вниз.

Кладбище в Кумуртуке заброшено в пустое поле. Серо-зеленая пустыня на фоне отдаленных гор. Редкие обветшалые кресты. Одинокие бродячие собаки... Край света.

Фельдшер прививает оспу.

Кучмяков оставляет в селе заманчивые советы.

Нападение смертью

Григорий Тадышев едет к Ивану Чемондаеву. Иван—бай, богач и скупец. Не слишком любит Григорий Чемондаевых. Он помнит, как завидовал богатству Ивана, жил впроголодь и нередко одалживался у спесивого бая. Но теперь Чемондаевы Тадышевым родня, Иван женат на сестре Григория. Соблюдая старинный обычай родства, Григорий всю ночь хлещет нагайкой коня и к утру приезжает к зятю.

Около юрты сидит на корточках Петр Менкушев, батрак Чемондаева, и чинит седло.

— Возьми коня, тороплюсь!—приветливо кричит ему Григорий и спешит в юрту.

Иван еще спит, и сестра сердито шикает в ответ на громкое приветствие брата. Но вопреки обыкновению Григорий не замолкает и не садится возле двери послушно дожидаться пробуждения зятя. Сегодня он чувствует себя хозяином положения, судьба Ивана во многом зависит от него. Не обращая внимания на сестру, он подходит к полатам и будит Ивана, рукояткой нагайки толкая его в бок.

— Не торопись, Григорий,—насмешливо останавливает Иван шурина.—Солнце зайдет еще нескоро.

— Верно,—усмехается Григорий,—но еще до захода солнца в деревню прискачет отряд Прокопьева.

Услышав тревожную весть, Иван хмуро садится и сразу деловито понижает голос.

— Рассказывай.

Григорий отходит к очагу за угольком—раскурить трубку.

— Рассказывай,—торопливо повторяет Иван.

Испытывая терпение хозяина, Григорий глубоко затягивается табаком, медлит и вместе с кольцами синеватого дыма выдыхает горькие слова.

— Прокопьев вчера к нам приехал... Говорит, надо алтайцам дома строить, коммуной называться... Идет табыш—слух, из Улалы приказ есть: баев раскулачить...

— Когда пришел табыш?—перебивает Иван шурина.

— Вчера к вечеру... Чуть стемнело, я на коня и сюда. Плохая дорога ночью, темно, ветки, камни... Торопился, коня замучил...

— Спасибо,—останавливает шурина Иван.—Спасибо. Че-мондаев все помнит... Теперь думать надо.

Григорий играет в воздухе нагайкой и вновь усмехается.

— Не за спасибо старался. Старики велели. Не бывало еще в роду Тадышевых случая, когда они родича в беде оставили или об опасности не предупредили... Мое слово сказано. Домой поеду. Не надо власти мой отъезд замечать. Тадышевым незачем ссориться с советской властью.

Григорий выбивает трубку о порог. Не прибавив ни слова, он выходит за дверь, вскакивает на коня и трусит по проезжей тропинке.

— Позови стариков,—приказывает жене Иван.

Старики послушно садятся вокруг очага, попыхивают трубками, вопросительно поглядывают на задумчивого хозяина.

— Кончать едут,—говорит Иван и поспешно добавляет:— Нас кончать едут.

Старики равнодушно попыхивают трубками.

Иван взволнованно говорит:

— Прокопьев едет.... У нас все отбирать будет: скот, овец, лошадей, ружья, седла... Как быть?

— Бояться не надо, не кричи. Нынешние люди одной рукой делают, другой ломают,—шелестит хилым голоском подслеповатый зеленоволосый старикашка.—Табыш есть: Прокопьев и богатого и бедного обижает. Богатого бедным делает, бедному ничего не объясняет, насильно в коммуны гонит. Вспомни пословицу: насильно не корми даже бараниной, и она горькой покажется... Собирай недовольных, меняй власть...

Старики согласно кивают.

— Недовольных собрать и власть поменять время нужно. А за это время юрту мою сожгут, овец заколют, жену прогонят,—возражает Иван.

— Так обвяжи юрту веревкой и унеси ее в горы. Может быть, ты один сумеешь ее удержать, и она не развалится,—ворчит старикашка.—Не говори пустяков. Жен много, а жизнь одна. Думай о всех, и все позаботятся о тебе.

— Надо торопиться,—повторяет Иван.—Сегодня будет Прокопьев.

— Надо торопиться,—соглашается старикашка.—Ты самый молодой и самый богатый. Поезжай в горы... Тужлей второй месяц бьется с советской властью. Все недовольные идут

к Тужлею. Тужлей спускается по ночам в деревни и режет советских людей, как овец. Поезжай в горы, найди Тужлея... За черными камнями, у старых кедров...

— Знаю, знаю,—быстро вставляет Иван.

— Проси помощи. Торопись. Мы постережем твой дом.

— Правильно,—дружно говорят остальные старики и согласно наклоняют головы.

Конь тяжело скачет в гору. Острые камни громоздятся на пути. Лиственницы загораживают дорогу, и трудно пробираться между стволами деревьев. Неподкованные ноги коня скользят на каменистых уступах. Горная тропка замысловато изгибается, часто пропадает совсем, и всадник с трудом находит дорогу.

Конь спускается в долину. Узким коридором сдвинулись скалы. Черные щели ^{расколоты} красные ^{пенекорные} камни. В ущельях громыхают, звенят, гремят и гомонят водопады. Горная река торопится навстречу Чемондаеву и, жестоко забавляясь, постукивает камнями о камни.

Тропа сворачивает в сторону от реки. Чемондаеву нужно перебраться на противоположный берег. Он выбирает место поглубже, слезает с коня, сталкивает его в воду и, не давая ему опомниться, горстями швыряет в него мелкие колючие камешки. Напуганный конь, ~~сопротивляясь~~ течению, плывет через реку.

Сам Чемондаев поднимается выше, к бурливому порогу, и, прыгая с камня на камень, нелепыми грудami пресграждающие реку, перебирается на дикий, малодоступный берег.

Поймав коня, он вскакивает в седло, повертывается к реке спиной и снова углубляется в горы. Шелестят деревья, шуршат кустарники, дребезжат водопады. Усталый конь отмахивается от назойливых оводов длинным пушистым хвостом и сердито фыркает.

Подъем обрывается внезапно. Ровный кедровый лес тянется бесконечно далеко.

Чемондаев торопит коня.

Ранняя осень поет в лесу свою тихую сытую песню. Тяжелые кедры ~~недвижно~~ топырят мохнатые ветви, и полные шишки чуть покачиваются над землей. Август на исходе, и через несколько дней лес наполнится деловым шумом, наедут люди бить кедровые шишки.

Чемондаев видит вдалеке шалаш.

Много шалашей разбросано по лесу. В них селятся на все время сбора кедрового ореха. Весь сентябрь и октябрь

люди сбивают шишки, шелушат, просеивают и отправляют домой мешки дорогого ореха.

Возле шалаша возвышается куча просеянной шелухи—это весной приезжали сюда собирать недобитые остатки.

Чемондаев слезает с коня, привязывает его к стволу и уверенно направляется к шалашу.

— Роман!—зовет он.

Из шалаша вылезает низкий, широкоплечий человек. Лицо его обветрело и загорело, щеки смуглы, как у Чемондаева, но большой, похожий на картофелину нос и квадратная голова не позволяют ошибиться в его национальности. Роман—русский. Он в серой шинели, рыжих сапогах, на голову его плотно насажена потрепанная кубанка.

— Соскучился, в гости приехал?—невесело спрашивает Роман.

Они пожимают друг другу руки и присаживаются на кучу шелухи.

— Угости табачком.

Иван молча протягивает кисет.

В лесу прозрачная осенняя тишина, и, хотя вокруг наверняка никого нет, заговорить страшно: кажется, каждое сказанное в такой тишине слово разнесется далеко-далеко.

Молчание нарушает Роман.

— Соскучился я по степи. Лес надоел мне хуже старой бабы. Не нравится мне ваш Алтай, право. Который год маюсь... Город такой есть, Воронеж, слышал, может? Хотя где тебе слышать... Верстах в двадцати от Воронежа село наше. Большое село, дворов тысячу, почитай, будет. Всякий человек на селе подпрапорщика Романа Гавриловича Цыбина мог указать... Так нет вот, не пошел я в семнадцатом году домой, с офицерами подался, хотел крест заслужить... Который год в горах у вас чисто зверь прячусь... А мне в степь хочется...

Слушает Иван и удивляется: любят русские говорить попусту... О деле надо говорить.

— Прокопьева ждем с отрядом.

— Вот оно что!

Роман глубокомысленно свистит.

— Три дня в шалаше бока отлеживал, добрых вестей ожидал... Дождался!

Роман сует руку за пазуху и ожесточенно скребет подмышку.

— Три дня в шалаше лежу... А ведь как раньше ~~жил~~!

У папаши моего какая лавка была... Мне во сне степь снится.

Иван убеждается, что о деле русский не заговорит никогда и серьезный разговор надо начинать ему самому.

— Сегодня отряд ждем... Может, спуститесь ночью поработать? Тужлей обещал...

— Наработались, хватит!—внезапно злится Роман.— Два раза спускались, не чаяли, как ноги унести... Тужлей без народа сидит...

— Мы поможем,—пытается Иван ободрить Романа,—старики помогут.

— Тоже сила! Десяток стариков, да и те не люди, а мешки с костями!

Роман пренебрежительно отмахивается.

— Тужлей думал спуститься... За мясом, за мукой, за порохом. А теперь, видать, поворачивать надо... Спасибо за весточку... Вместе, что ли, до Тужлея пойдем?

— Как вместе? А народ?—пугается Иван.

— Народ, брат, без нас обойдется.

— А юрта? А бараны?

— Плакали бараны,—усмехается Роман.—Мне тоже веле-но весточку тебе передать... Василия Тахтамышева знаешь? Бежал он из отряда и все как на духу рассказал. Тебя тоже не забыл. И как ты в Госторге порох нам доставал и как коммунистов указывал... Не миновать тебе к Тужлею итти. Вниз тебе только за смертью спуститься, а с Тужлеем, может, в Монголию удастся махнуть.

Иван отрицательно качает головой:

— Не удастся в Монголию.

— Скорее всего не удастся,—соглашается Роман,—только у Тужлея тебе от смерти подальше.

— Не пойду,—упрямо отказывается Иван.—Вниз спешить надо.

Роман равнодушно отвечает:

— Как хочешь.

— Больше ничего не велел передать Тужлей?—осведомляется Иван.

— Вестимо велел. Пугать велел. Советские начальники народ коммуной страшат, а вы еще пуще страшайте. Страх на людей нагоните. Чтоб жутко было... Помнишь, когда Красная армия приближалась, как алтайцев пугали? Встретят бывало алтайца на дороге и давай рассказывать. Красные-де и глаза выкалывают, и груди женщинам вырезают, и

звезды на лбу выжигают. Слушает-слушает алтаец, перепугается, свернет в лес, пустит лошадь в траву, а сам петлю на сук ~~и голову в петлю~~... Тужлей и наказывает: пока народ толком про колхозы не проведал, пугайте народ из последнего. До того пугайте, чтоб ему смерть легче колхоза казалась...

— Пугать народ, говоришь?—переспрашивает Иван и сам отвечает:—Правильно, алтайцы народ пугливый. Алтайцев сто лет подряд пугают, не отвыкли они еще от страха.

Иван встает.

— Еду.

Вскакивает на коня и трогается.

— Погоди-ка!—кричит ему вслед Роман.

Иван оборачивается.

Роман поигрывает тяжелым блестящим браунингом.

— Оставь лошадь!—кричит он.—У Тужлея мяса нехватка... Оставь, пешком дойдешь. Все равно коммуна отберет!

На ладони Романа невинно поблескивает браунинг.

— Возьми,—говорит Иван, спрыгивая на землю.—Все равно коммуна отберет.

Иван торопится домой. Ссадины покрывают его ноги, но не замечает он ссадин. Кустарники шелестят. Камни осыпаются вниз. Он спешит принести в деревню страх. Горные тропинки кружатся запутанными петлями. Он вспоминает коня и ускоряет шаг. Водопады звенят неистово. Все водопады свисают перед глазами Ивана пышными белыми конскими хвостами. Он закрывает глаза, старается забыть коня и торопится, торопится вниз.

Струны капшура звенят, точно падают на камни последние капли иссякающего водопада. Батрак Петр Менкушев хорошо играет на капшуре. Привычные пальцы легко скользят по длинному грифу. Туго натянутые две струны плачут, как замерзшие ягнята, из жил которых они сделаны. Жалобно бренчит песня, но нет в сердце Ивана жалости ни к себе, ни к соседям, ни ко всем ~~теленгитам~~. *алтайцам.*

— Пей!—кричит Иван и подносит Менкушеву мисочку с теплой, пахнувшей дымом арачкой.

Весь Алтай гонит из чигеня—кислого молока—арачку, и много-много арачки на Алтае, и всю ее рад бы выпить Иван.

Розовая кромка зари тлеет на горизонте, и вместе с прохладным и тяжелым вечером приходят в юрту старики.

— Не приехал Прокопьев,—облегченно замечает Павел Чемондаев, дядя Ивана, худой и крепкий старик, и пламя очага отражается в его глазах, и мигают в них хитрые искорки.

— Приедет,—сердито отвечает Иван и снова пьет арачку.

— Какой праздник празднуешь?—укоризненно спрашивает зеленоволосый старикашка.—Прокопьева встречаешь?

— Встречаю,—сердито отвечает Иван и опять пьет арачку.

Сухие ветки потрескивают в очаге. Черная копоть оседает на большой медный чайник, поставленный на очаг.

Старикашка хитро прищуривается и чуть цедит сквозь зубы любопытные слова.

— А может, Тужлея встречать?

Иван сердито поворачивается к Менкушеву и кричит:

— Играй сильнее, Петр! Играй, пой, весели гостей!

Зло смотрит Иван на любопытных и нетерпеливых стариков и ошарашивает их недоброй вестью.

— Не придет Тужлей... Совсем не придет. Куда ему победить советскую власть!.. В Монголию уходит Тужлей.

Старики попыхивают трубками и терпеливо ждут: Иван—умный человек, Иван без Тужлея справится,—если арачку пьет, значит, новую выдумку готовит.

— Громче пой!—кричит Иван Менкушеву и наклоняется к старикам:—Пока народ не поднимется, никакой Тужлей не поможет.

Павел неодобрительно покачивает головой.

— Трудно.

— Народ пугать нужно... Вас учить нечего. Военный разговор вспомните: жены общие, скот общий, заставят в общих домах жить, в города увезут, скотину отнимут, русским отдадут, алтайцам плети готовят... Забыли такие слова? Вспомнить надо. Пускай народ баранов колет, коней в горы угоняет, сам разбегается... Лишь советскую речь не слушает...

Старики равнодушно попыхивают трубками и будто не слышат Ивана.

— Самим воевать надо... ^{Самим надо пугать людей.} Баранов жалейте. Страха жалеть нечего.

Зеленоволосый старикашка сосредоточенно смотрит в огонь.

— Правильно, Иван. Спорить не будем. Одно плохо: других пугаем, а сами не боимся... Не поверит народ. Самим надо бояться.

— Петр, сходи, посмотри—не ушли с пастбища лошади?—приказывает Иван.

Менкушев уходит.

Иван выпивает наполненную до краев мисочку арачки и безразлично говорит.

— Легче ~~в Алтын-кол~~ утонуть, чем своего добра лишиться. Пустое придумала советская власть. Нельзя людей равнять: один умный, другой глупый, один простой, другой хитрый, один бедный, другой богатый... Сильному воевать, а слабому умирать... Отец хитрил, монахов поил, работников кормил, урядникам деньги платил, тысячу баранов собрал, а теперь мое добро хотят чужим людям отдать... Умру, не отдам!

Под крышкой чайника волнуется клокочущий пар.

Иван говорит подчеркнуто спокойно.

— Повешусь сегодня.

Старики опускают трубки.

— Себя жалеть не приходится. Все равно хозяйства лишусь... Лучше умереть. Моя смерть—вам помощь.

Старики не спорят. Правда, они удивлены решимостью Ивана. Но Иван—умный человек, и, значит, другого выхода нет.

Иван деловито распоряжается.

— Торопиться надо... Расходитесь по домам... Ждите. Часа через три жена моя закричит... Будите деревню, идите смотреть покойника... В старой юрте буду висеть. Павел меня хоронить будет. Менкушева с известием к Тужлею пошлите. Павел дверь откроет, всем меня покажет... Пугайтесь... Как нельзя больше пугайтесь. Рассказывайте: ездил Иван к шурина, встретил Прокопьева, лошадь отняли, самого избили, звезду на груди вырезать обещали... Колхоз обещали. Похорон не надо. К утру закопайте меня... Приедет Прокопьев, скажите: не дождался Иван, повесился... Приедет Прокопьев—баев спрашивать будет... Павел в сельсовете, Николай в сельсовете,—помните: всех баев не спрячете... Называйте, вместе с баями бедняков называйте... Вместе с вами пускай бедняков раскулачивать будут... Народ сильней волноваться станет...

Иван встает.

— За мою помощь хозяйство мое берегите... Вдову не обижайте... Идите теперь. Павел со мной останется.

В полночь женский истерический крик мечется от юрты к юрте.

Народ бежит к айлу Ивана Чемондаева.

В дверях старой нежилой юрты стоит серьезный и строгий Павел Чемондаев.

— Не тревожьте покойника,—говорит он встревоженным соседям.—От страха Иван умер... Ездил к шуринам—там Прокопьев народ в коммуны стоняет, завтра к нам обещает приехать... Испугался Иван... Накажет бог Прокопьева...

Серебряная луна висит над дырявой крышей. Люди заглядывают в широко распахнутую дверь. К сучковатой жерди привязана черная веревка, и над самой землей в голубом сиянии качается черная и жуткая тень удавленника.

— Помогите похоронить Ивана, Петр к Тужлею уехал,—строго просит Павел.—Приедет утром Прокопьев и похоронить не позволит, отдаст Ивана собакам.

Павел медленно входит в юрту, высвобождает из петли голову мертвого племянника и завертывает его в жесткий реднинный мешок.

— Подите сюда,—зовет Павел на помощь, поднимая с земли тяжелый труп.

— Может, он теплый еще?—заботливо интересуется зеленоволосый старикашка.

— Холодный... Впрочем, посмотри сам,—недовольно отзывается Павел.

Старикашка хлопотливо сует руку в мешок, щупает тело и подтверждает:

— Холодный.

Под горой поспешно закапывают удавленника. По деревне уже ползут слухи о легкой смерти и страшной жизни в колхозе...

Кулак Иван Чемондаев конечно и не думал умирать. Он убил своего батрака Менкушева, труп которого и похоронили как удавленника.

На белой неоседланной кобыле скачет Иван Чемондаев в черную беззвездную ночь. Жесткие копыта выбивают на холодной земле тревожную дробь. Тоскливо звякают в кисете золотые десятки, припасенные на крайний случай. Узкие медвежьи тропы ведут в Монголию.

— Быст-рей... Быст-рей...—твердит Иван одно слово.

Звериная кровь бешено стучит в висках, отчаянно грохочет, как ошалелый маятник.

— Быст-рей... Быст-рей...

Далеко позади брезжит потерянный день. Тусклые глаза стариков ничего не видят. Под рассветное пение петухов Павел Чемондаев забрасывает тяжелой землей коченеющее тело Петра Менкушева.

Охота на ястребов

Тужлея помнили с двадцатого года. Богатый скотовод, десять лет назад он возглавил банду баев и богатых кержаков, увел ее в горы и начал упорно бороться против советской власти. Банда неожиданно спускалась в деревни, вырезывала коммунистов и их семьи, нападала на небольшие партизанские отряды, шпионила по заданию бежавших в Монголию офицеров.

Дорога между Чибитом и Онгудаем тянется в сдавленной горами долине, возле известковых стен Белого бома, навсегда связанного с именем Тужлея. Узкие проходы с обеих сторон затрудняют въезд в долину. В двадцать первом году эскадрон красных кавалеристов ехал на Чибит и дальше на Кош-Агач. Тужлей притаился наверху, и, когда эскадрон следовал мимо бома, бандиты перестреляли всех красноармейцев.

По укреплении в Ойротии советской власти была объявлена амнистия, ~~согласно которой~~ ~~ушедшие в горы~~ местные жители ~~без нанесения репрессий~~ могли вернуться в родные аилы. Тужлей воспользовался амнистией и несколько лет неслышно прожил дома, занимался сельским хозяйством, попивал арачку и покуривал трубку.

Но Тужлей не оставлял планов борьбы ~~с советской властью~~. Он собрал нескольких раскулаченных баев, бежал в горы, распространил слух, что защищает всех недовольных советской властью, и начал попрежнему заниматься бандитизмом—грабил мирное население и поджигал школы, сельсоветы и больницы.

Под начальство Тужлея собрались остатки белогвардейского сброда. Приехали трое братьев Атамановых—уймонские кулаки, по-кержацки неистовые и упрямые, бывший бандит Назаров, помощник Тужлея по двадцатому году, одичалый подпрапорщик Цыбин—последнее охвостье развращенной, ленивой и жестокой белогвардейской сволочи.

Отряд партизан, назначенный охранять проезжую дорогу, состоял всего из восьми человек. Отрядом руководил старый партизан Суходолов. Почти полтора месяца провел отряд в горах, преодолевая суровую алтайскую зиму, резкие ветры, скользкие скаты, непролазные сугробы. Отряд пытался настигнуть банду, но полсотни убийц избегали встречи с восемью всего ~~несколько дней назад~~ вооруженными партизанами. Отряд приезжал в деревню, все казалось спокойным, и отряд следовал дальше. Но едва он удалялся, как появлялся Тужлей, резал, жег, грабил. Население тайно посылало вслед за отрядом смельчака. Отряд поворачивал ^{назад} обратно и без отдыха и сна трое-четверо суток преследовал ^{всю} трусливую банду. Но Тужлей знал горы наизусть, настигнуть его было нелегко, льды и снега спасали бандитам жизнь.

Наступила весна. Подул мягкий душистый ветер, и высокие кусты маральника, еще не успев зазеленеть, покрылись ~~весенними~~ лиловыми цветами. Снег закипал под солнцем, и горы плакали в тысячу ручьев, обильно, несерьезно и звонко, как обиженные дети. Горные куропатки меняли оперенье, их белые крылья рыжели, коричневели и серели под цвет обнаженных скал. На склонах ~~молодо~~ зеленели лиственницы, — казалось, они стремились сбегать в долины, подалее от строгой кедровой тайги. Раззадоривая весну, прищелкивали и присвистывали отчаянные белки.

Трава торопилась выползти из земли, и похудевший за зиму скот нетерпеливо ожидал зеленого половодья. Пастухи собирались в горы, укладывали домашний скarb, объединялись в молочные артели, заключали с кооперативами контракты на поставку овечьей шерсти, — вспоминали Тужлея и медлили подписать договор. Пахари ожидали весенних дождей, объединялись в артели, покупали в складчину плуги, — вспоминали Тужлея и медлили с уплатой первого взноса.

Партизаны прочищали шомполами стволы тяжелых винтовок, ~~из-за отсутствия масла~~ смазывали вороненные магазины керосином, сушили порох, — готовились к охоте на свирепого зверя.

Суходолов ожидал приезда уполномоченного ГПУ Алферова. Он сильно уважал красноармейца и политрука Алферова и нуждался в советах более опытного товарища.

Прежде чем снова двинуться против Тужлея, Суходолов хотел тщательно взвесить свои планы, написал об этом письмо, и Алферов обещал приехать и помочь отряду своими указаниями.

В обед прискакал комсомолец Екашев. Он спрыгнул с лошади, еще больше нахлобучил пушистую меховую шапку и закричал:

— К вам ехал Алферов!.. К вам ехал Алферов!..

— Без тебя знаю, — сердито оборвал его Суходолов. — Ехал, ехал!.. — передразнил он Екашева. — Сегодня приедет.

— Нет! — Екашев замотал головой. — Нет, не приедет Алферов... Лежит Алферов... За нашей деревней лежит...

Обветренное лицо Суходолова точно посмуглело еще больше.

— Как лежит? — спросил он и, угадывая ответ, крикнул: — На коней, ребята, на коней!

Сизые вечерние облака кровоточили. Алферов лежал под кустами душистого можжевельника. Лиловые ромашки напрасно щекотали его удивленное лицо. Поодаль охраняли тишину молчаливые мужчины.

— Вчера приехал, — рассказывал Екашев, — собрал людей, устроил собрание. Утром отправился дальше... — Екашев сжал кулаки и закричал пронзительно, как оскорбленный и несдержанный человек: — Из-за угла стреляли!.. Чорт! Собака! Тужлей!.. Такого человека кончили!.. Такого доброго человека кончили!..

— Несите в деревню, — распорядился Суходолов. — Шлите в Улалу телеграмму.

В деревне он сел рядом с Екашевым на корточки перед юртой, где в последний раз ночевал Алферов, и принялся расспрашивать комсомольца, точно хотел через его посредство услышать или хотя бы угадать последний совет убитого товарища и политрука.

— Приехал уполномоченный и устроил собрание, — медленно рассказывал Екашев. — Весь народ собрался. Расспрашивал, что отряд делает. Народ хвалил тебя. Старается Суходолов, все говорили, только ввосьмером Тужлея трудно поймать... «Вовсе нетрудно», засмеялся Алферов и сказал нам речь...

— И сказал вам? — поторопил комсомольца Суходолов.

— И сказал речь. «Довольно бояться, — сказал Алферов, —

и ждать помощи только от отряда. Сколько раз резал Тужлей ваших баранов? Сколько ваших родичей перестрелял Тужлей? А вы знаете о приближении бандитов и боитесь сказать. Каждый прячет свою голову под подушку, дрожит в одиночку и не хочет слышать, как грабят его соседа. Довольно бояться! Всю свою жизнь Тужлей обманывал народ. Он говорил, что хорошо жилось при царе. Но при царе хорошо жилось только ему одному. Советская власть не обманула вас ни разу. Почему не помогали отряду? Почему не шли к Суходолову?..»

Суходолов напряженно молчал.

— Суходолов не звал нас, ответил народ,—продолжал Екашев.

— Я не звал вас,—шопотом согласился Суходолов.

— «Неверно делал!—воскликнул Екашев, повторяя слова Алфёрова.—Но Суходолов борется с вашим врагом... Довольно бояться! Не обязательно хвататься за ружье, но надо зорче видеть и лучше слышать и уметь во-время подать друзьям важную весть».

И возле юрты, где в последний раз ночевал Алфёров, Суходолов устроил собрание и повторил речь убитого политика.

Неоднократно повторял Суходолов эту речь, и слух его и зрение обострились. Народ смелел, открывал отряду тайные тропы, передавал тревожные слухи.

Отряд медленно, но верно настигал Тужлея. Суходолов тщательно изучал местность, и горы делались доступнее.

Ясным весенним вечером в отряд прискакал старший брат Екашева.

— Тужлей за баранами вниз собирается,—сообщил он.— Хвалился телеграф сломать, отряд перерезать и еще дальше в горы уйти. Брат людей собирает. Ожидайте завтра помощи.

Особенно охотно Суходолов ездил вдоль дороги, ведущей на Чибит и дальше на Улаган. Лесная глушь не привлекала Суходолова лирической таинственностью, гораздо больше его радовал вид стройной телеграфной линии и новых, тщательно обструганных столбов для проводимого в Улаган телефона. Помимо стратегического значения, поездки эти имели целью охранять телеграфную линию от любителей даровой проволоки.

Суходолов медленно ехал позади отряда. Смешанный лес редел. Все чаще загораживала солнце густая хвоя.

— Эх, наелись бы мы здесь в августе облепихи,—мечтательно сказал один из всадников.

— А на болотах брусники осенью—завалиться,—поддакнул ему другой.

Партизаны двигались не спеша, и тишина плавала вокруг, как ястреб над их головами.

— А ну, ребятки, не разучились ли мы стрелять?—усмехнулся Суходолов и поднял винтовку.

С телеграфных проводов зорко посматривали серые ястреба. Они цепко ухватились когтями за проволоку и медленно покачивались, точно во что бы то ни стало хотели порвать провода.

Суходолов прицелился, взвел курок и не выстрелил.

— Прибережем патрон для зверя покрупнее,—сказал он и насторожился—вдалеке слышались гортанные голоса.

Суходолов подозрительно прищурился.

— Голоса на одном месте... Ни взад, ни вперед.

Пришпорив коня, он поскакал мимо высоких деревьев, обросших длинными лишайниками, похожими на седые зеленые космы дряхлых стариков.

На повороте дороги четверо крестьян рвали с телеграфных столбов проволоку.

— Вы что, по суду соскучились?—закричал Суходолов, подсакивая к ним и сдерживая разгоряченного коня.

Крестьяне насупились и молчали.

— Кто такие?—сердито спросил Суходолов.

Низкий широкоплечий человек с квадратной головой и похожим на картофелину носом нехотя ответил:

— Значит, это... Для хозяйства хотели... Обыкновенно, надобность в проволоке...

— Откуда сами?

— Ближние. С заимки. Верст пятнадцать отсюда.

— Эх, вы!—упрекнул Суходолов и чуть приподнялся на стременах.—Себя грабите! Нарушите связь—бандитам руки развяжете... Как не совестно!

— Известно, совестно,—согласился человек с квадратным лицом.

— Айда за мной!—строго приказал Суходолов.—Спустимся вниз. Коли никто из вас в таких делах не замечен, отпущу...

— Да никогда в жизни...

— Ладно, ладно!—отозвался Суходолов.—Спустимся вниз—разберемся.

Но человек с квадратным лицом сунул в рот пальцы и переливчато засвистел, и лес ответил ему свистом, криками, треском ломаемых сучьев.

Выстрелы хлестнули по воздуху.

— Ребятки, вниз!—распорядился Суходолов.—В лесу драться несподручно. Из-за деревьев нас всех перетюкают.

Отряд повернул. Позади щелкали выстрелы. Партизаны отстреливались и торопили коней.

— На повороте стоп!—распоряжался на скаку Суходолов.—Помните, смотрели пещеру? Сразу ныряйте и молчок. Тужлеевцы мимо проскачут, мы выскочим, сгоним их в долину... А там держись!..

Отряд свернул и замер за поворотом в тесной и темной пещере.

— Тихо!—еще раз напомнил Суходолов.

— Зачем тихо?—неожиданно ответил ему снаружи гортанный насмешливый голос.—Все равно не спасешься... В горах дураков не бывает. Выходи!

Отряд сохранял тишину.

— Выходи!—раздраженно повторил гортанный голос.

— Кричит кто-то...—задумчиво произнес Суходолов, точно спрашивая самого себя.—Кто это меня в гости кличет?

Гортанный голос не замедлил отозваться:

— Тужлей говорит тебе... Выходи!.. Меня не перехитришь!.. Тужлей здесь каждый камешек знает...

— Сюда милости просим!—усмехнулся Суходолов и шепнул товарищам:—Полезут в пещеру—всех перестреляем.

— Детей нашел!—засмеялся Тужлей.—Выходи... Все равно всех коммунистов перережу.

— Пятый десяток на исходе, а ума не нажил!—ответил Суходолов.—Одного коммуниста убьешь—на его место десяток ~~новых~~ встанут.

— Довольно кричать, кончать пора...

— Чего ты только воюешь, Тужлей?—подзадоривал Суходолов Тужлея.

— Молчи! Не люблю коммунистов!—ответил тот и упрямо настаивал:—Выходи, не заставляй ждать.

— Чучело баранье!

Тужлей разозлился.

— Не хочешь резаться, душить буду.

Бандиты шумели и переругивались.

— Несите валежник, разжигайте костер у входа,—велел Тужлей.

Струйка едкого дыма вползла в пещеру.

Бандиты кричали, суетились, спорили.

Дым напелзал в пещеру, и слезы выступили на глазах осажденных людей.

— Запоздала помощь... Не миновать смерти, ребятки,— решил Суходолов.— Когда пчел выкуривают, они лихо жалат... Ружья наизготовку! Айда наружу! Быстро!

Отряд рванулся, партизаны выскочили из темноты в солнечный свет и, жмуря глаза, спустили курки.

Но ответных выстрелов не слышали.

Суходолов огляделся.

Большинство бандитов бежало вверх по дороге, снизу рысью поднимались десятки всадников, и впереди всех неся с берданкой Екашев.

— Скорее! Скорее!—закричал он, подскакивая к Суходолову, и указал на крутой и скользкий после недавнего дождя склон, по которому карабкался невысокий цепкий человек.

— Скорее!.. Не упускай Тужлея!

Они одновременно прицелились и спустили курки.

Тужлей высоко взмахнул рукой, точно хотел ухватиться за раскаленное солнце, и неудержимо заскользил вниз.

О конце Тужлея ходит множество разноречивых рассказов.

...Постепенно преувеличенное представление о силе бандитов рассеивалось среди населения, стрех перед их местью исчезал, приказы Тужлея о присылке баранов не исполнялись,—банда начала испытывать голод.

Тужлей послал двух подручных за продовольствием,—они не вернулись.

Под облаками лениво кружились орлы и насмешливо и хрипло клекотали,—их жесткое и вонючее мясо не годилось в пищу. В горных озерах плескались утиные выводки,—раненные утята прятались в воду, забирались в камыши, отыскать их было почти невозможно, да птенцы и не могли утолить волчьего голода.

Голод гнал бандитов вниз. Тужлей рискнул спуститься. Ястребом налетел он на ближайшую деревню и был обезоружен населением.

...Устал народ от бесчинств Тужлеевых, послал Тужлею весть—приходи, помогать тебе будем, соскучились по гостю. А Тужлей сам по людям соскучился. Понюхал воздух, прислушался—будто спокойно все. Приехал ночью к родне.

Закололи для гостя барана, арачкой напоили. Напоили и сонного выдали,—не хотели больше бесчинства Тужлеевы терпеть.

...И вовсе дело обстояло не так. Захватили партизаны лихомана, окрутили его веревками, повезли к себе на село. Порешили сами миром судить. Поставили Тужлея перед церковью и начали по очереди грехи его вычитывать: у того он отца зарубил, у этого сестру опозорил, кому дом сжег, кого горящими головнями пытал. Все припомнили партизаны и в один голос постановили: злее волка Тужлей и хитрее лисицы—два раза пойманный, как змей скрывался,—казнить его, не миловать, не давать ему жизни ни часу. Принесли партизаны саблю, отрубили злую голову, зашили в мешок и послали в город: смотрите, мол, и знайте—у красных партизан жалости к разбойникам нет.

Множество рассказов ходит о конце Тужлея, но вероятнее всего неизбежный и необходимый приговор был приведен в исполнение очень просто.

Улаган

Дика и неприветлива природа Улагана. В низинах, над болотами, стелется холодный беловатый туман. На пригорках скучает бурая, выжженная солнцем трава. Вдали мерцают снежные горы. Летнее солнце светит жестоко и недолго. Дуют холодные ветры. Частые дожди, похожие на нудную осеннюю моросьбу, бесцельно опрыскивают унылую землю. Неисхоженными горами, непройденными лесами, топкими болотами окружен Улаган. Лето здесь коротко—рано выпадает снег и даже ячмень не успевает вызреть, и его привозят в Улаган из Чулышманской долины.

Пятнадцать домиков стоят на вершине пологого холма. Посреди обветренных домов незаметна серая церковь. Постройки обнесены изгородью. Возле изгороди несколько юрт. Похожие на шестиугольные избы, с прорубленными крохотными окошками, назначенные быть складами, они имеют не соответствующую назначению форму.

До революции здесь жили зайсаны Юлуковы—местные феодалы. Они владели тысячными стадами скота, и населе-

Ойротка.

У входа в аил.

ние было им тоже как доходный скот. Все постройки и церковь принадлежали Юлуковым.

Ниже, позади мелкой и узкой вроде ручья речки, одинокое и бесприютное кладбище. К могилам прикурнули низенькие домики, похожие на собачьи конуры, украшенные гнилыми и щербатыми крестами,—наивная помесь языческих и христианских верований. Принося одновременно дань косным старожилам и проворным миссионерам, Юлуковы пытались лавировать между национальными предрассудками и дружбой с русскими захватчиками. Только кладбище и напоминает о хозяйничаньи Юлуковых.

Нынче в центре Улагана, на пологом холме, в крепких приземистых домиках помещаются аймачный комитет партии, исполком, школа, почта. Крест с церкви снят, купол ее окрашен свежей зеленой краской. В ней оборудован клуб. Хотя ближайшие айлы отстоят километров на пять, десять, пятнадцать, местные жители часто приезжают провести в клубе вечер.

Полнокровный закат льется в окна запертого исполкома, и укрепленное на крыше древко приспущенного на ночь флага пронзает сгущающуюся темноту.

Вечером голоса делаются заметнее и громче, и кажется, что на огромном дворе находится много народа. На самом деле на дворе всего человек десять, и в клубе собралось десятка два ближних жителей посмотреть новую кинокартину. Передвижка приехала только утром, но слух о ней разнесся уже по окрестности, и возле изгороди топчутся привязанные кони.

В клуб проходит высокий, красивый и сильный Тадышев, председатель улаганского исполкома, исполнять обязанности переводчика и лектора.

У входа он останавливается и недовольно пожимает плечами.

— Нельзя так. Нельзя продавать билеты по полтора рубля.

— Дорога дорогая,—оправдывается механик.

— Нельзя отпугивать людей дорогой ценой. По полтора рубля двадцать билетов куплено, а по полтиннику бы сто продал,—не соглашается Тадышев.

Возле крыльца аккуратного флигелька лежат на траве секретарь айкома партии Тарсымаев и счетовод исполкома Бидиреков. Они попыхивают папиросками, изредка переговариваются и сосредоточенно играют в шашки. Окно в ком-

нате Тарсымаева открыто, у окна сидит его скучающая жена и тренькает на гитаре. Неподалеку носится огромный молодой черный пес, прозванный Чемберленом. Неожиданно Чемберлен проносится между головами игроков и путает шашки.

— Ах, ты... Чемберлен!—рассерженно произносит Тарсымаев.

— Ничего,—успокаивает его проигрывавший счетовод,—все равно выходила ничья.

Они садятся на ступеньку и пристально всматриваются в темноту.

— Темно...—задумчиво произносит счетовод.

— А вот построят Телецкую электростанцию,—отвечает Тарсымаев,—станет в Улагане светло по ночам. А раньше об электричестве даже не слыхали...

Он задумывается и, помедлив, спрашивает счетовода:

— Над тобой когда-нибудь камлали?... Меня жена все просит рассказать о камланьи.

Не дожидаясь ответа, он зовет жену.

— Иди сюда—рассказывать буду!

Не глядя на слушателей, медленно говорит Тарсымаев, очень медленно, точно вспоминает о себе про себя.

— В Успенском аймаке я родился. Семья жила плоховато, бедно... Заболел я. Взволновались домашние,—алтайцы для детей ничего не пожалеют,—решили вылечить, чего бы это ни стоило... Разные камы бывали, и цена им бывала разная. Были камы просто без бубна, были с одним, двумя, а самые старшие и самые дорогие имели по три бубна. Вызвали сначала ко мне кама подешевле—без бубна. Приехал он, посмотрел на меня, ничего не ответил родителям, отъехал километров за двадцать и сказал: «Сын помрет обязательно». Мало ему заплатили, всего три рубля дали, вот и накликал смерть на мою голову. Дошел слух до нашего дома. Побежали священника звать, исповедывать меня, чтоб на всякий случай русского бога задобрить... Однако бабушка вызвала второго кама, постарше, с бубном. «Не помрет сын,—сказал второй кам,—нужно только достать черную-черную телку». Как раз у нас такая была—слышал о ней кам, разумеется. Назначил он для камланья день... Приехал через неделю, начал готовиться: послал за кабацким вином, за водкой то есть, арачки велел достать, хлеба, приказал привести телку и начал камлать. Разжег костер—всю ночь мне дымом глаза заедало—и до самого утра пел, пил, свеживал

телку. Утром сказал, что черная телка принесена в жертву чорту и нужно еще привезти белого-белого барашка для верхнего бога... Выздоровел я, и поехала бабушка со мной к каму—благодарить. Села сама на седло, меня пристроила сзади, повезла каму десять рублей и вина, но все-таки от церкви в сторону свернула, чтобы русского бога не обидеть... Белую овечку кам не успел получить. Бабушка ее, правда, искала, но случилась революция, и плата за камланье понизилась... Бабушка рада была бы устроить и таилгу, да на таилгу денег у нас нехватило. Таилга—сложная история,—это когда лошадь убивают и чучело ее на палку насаживают. А бывать на таилге приходилось. Крутится кам, поет, слов не понять, только уж в конце разобрал я отрывки веселых песен—кам объяснял, что это он веселится, возвращаясь от чорта с хорошими результатами...

В клубе гудит мотор. Над крышей исполкома сияет голубая звезда, кажется, она прикреплена к невидимому в темноте древку. Тарсымаев стискивает себе ладонь, и пальцы его громко хрустят.

— Забывчивы стали,—задумчиво говорит он.—Давно ли надо мной камлали, а год назад я кончил университет—КУТВ... Как будто все так и должно быть. А ведь между этими двумя вещами граница—революция. Ведь недавно, совсем недавно я мог смотреть только из-под руки кама или священника, а нынче мы...—Тарсымаев делает недвусмысленный жест—сближает пальцы и ногти его щелкают,—раздавили их, как насекомых. Мы уже даже не мечтаем об электричестве,—мы его делаем.

Тарсымаев встает.

— А пока зажжем керосиновую лампу и почитаем.

Он входит в тесную комнату, зажигает лампу, потягивается, точно выбирая между отдыхом и работой, переводит взгляд с кровати на стол, с мягких подушек в белых наволочках на многие еще не прочитанные книги, с желтого стеганого одеяла на раскрытые страницы объемистого тома, поворачивается к постели спиной, садится за стол, ловит последнюю прочитанную строку и пытливо устремляется за мужественными и сентиментальными героями Иоганна-Вольфганга Гете.

Поднятие флага над зданием исполкома означает начало занятий.

Вместе с розовой кромкой зари появляются первые всад-

ники из далеких и ближних айлов. Они привязывают коней к изгороди—земля возле нее утоптана, как у старых постоянных дворов,—усаживаются в кружок на траве, закуривают трубки и беседуют, пока не откроются двери аймачных учреждений.

Раньше всех начинает работать кооператив. Кооперация и вообще лавочная торговля на Алтае возникли только после революции. Прежде разъезжали купцы и скупщики, китайские, монгольские, русские, и просто обменивали дешевые фабричные изделия на кожи, пушнину, шерсть. Монголы торговали преимущественно тадельмой—недорогим цветным полотном, китайцы—чаем и пуговицами, русские привозили всякие побрякушки, бусы, зеркальца, крестики и водку.

Теперь кооперация налаживает правильный товарооборот, обеспечивая население необходимыми товарами и организуя сбыт местного сырья.

Население потребовало раскулачить бывшего торговца Манеева.

В былые времена Манеев спекулировал скотом. Он закупал в Бийске копеечные безделушки, уезжал в глубь Алтая и выменивал за десятикопеечное зеркало двух быков, за пятикопеечные стеклянные бусы корову.

После прихода советской власти Манеев продолжал спекулировать скотом и сеном. За ведро медовухи покупал у бедняков весь сенокос.

При проведении коллективизации он, для отвода глаз, произвел с сыном раздел имущества, прикинулся трудящимся, и обман едва не удался.

Штат улаганского кооператива состоит всего из одного человека. Этот единственный служащий должен уметь торговать, составлять отчетность, сортировать шерсть, меха и кошмы и одновременно вести культурную работу. Кооперация, помимо хозяйственного значения, имеет еще колоссальное значение как организатор культурной жизни. Поэтому продавец, как и учитель, прежде всего культурмеец. Продать ножницы и научить ими пользоваться—в Улагане прежде всего факт культурной революции.

Правда, не везде еще в Ойротии кооперация работает хорошо, не везде еще продавцы умеют сочетать умение торговать с культурной работой, а в частности здешний кооператор уныло смотрит на портновские наперстки, засланные

в Улаган и в течение трех лет бессмысленно лежащие на полках кооператива.

Председатель исполкома Тадышев весело смеется в кругу посетителей, слушая товарища, посланного сельсоветом за указаниями, как поступить с Чичиновым.

Кулак Чичинов при раскулачивании вскочил на коня и ускакал в горы. По прошествии некоторого времени ему удалось переслать председателю сельсовета, бывшему своему батраку, письмо с просьбой о восстановлении в избирательных правах. Дожидаясь ответа, он съел коня и наконец, несмотря на отсутствие ответа и вследствие отсутствия пищи, спустился с гор и скромненько воротился в урочище.

Тарсымаев работает в прокуренной комнате, наполненной серьезными людьми, нетерпеливыми речами и табачным дымом.

Тарсымаев внимательно изучает аймак, самый большой по территории—около шестнадцати тысяч квадратных километров—и самый малонаселенный—около четырех тысяч населения.

Тарсымаеву хорошо известно, что территория Улагана равна половине Бельгии и что в Бельгии на квадратный километр приходится двести пятьдесят пять жителей, но он не сомневается, что Улагану недолго придется пустовать—разовьется животноводство, создастся местная промышленность и изменится неправильное соотношение цифр.

Левацкие перегибы при проведении коллективизации затормозили развитие животноводства. Но при ликвидации перегибов некоторые работники перегнули палку в обратную сторону. Распуская колхозы, образованные в принудительном порядке, они стали распускать и колхозы, создавшиеся на основе полной добровольности, и вследствие этого местное население кое-где поняло ликвидацию перегибов как дискредитацию идеи коллективного ведения сельского хозяйства. Одновременно кулаки и зажиточные, чье имущество было передано коммунам и колхозам, при получении его обратно преувеличивали количество взятого у них инвентаря и скота, и, так как никакого учета не велось, непомерные требования удовлетворялись за счет колхозов.

Тарсымаев нередко сталкивался с подобными фактами. Каждый случай приходится разбирать очень бережно и внимательно, всячески способствуя организации, развитию и укреплению здоровых колхозов и давая отпор малейшим искажениям директив партии.

Будучи дисциплинированным бойцом, Тарсымаев точно и постоянно доносит обкому—штабу социалистического наступления в области—о ходе работы и вместе с товарищами основательно прорабатывает полученные директивы, изыскивая наилучшие пути их осуществления применительно к местным условиям. Он зорко всматривается в жизнь аймака и, как часовой на ответственном посту, держит кулака на политическом прицеле. Поэтому Тарсымаев с досадной усмешкой вспоминает несколько нелепых распоряжений улалинских учреждений.

Действительно, некоторые работники областного аппарата имеют слабое представление о географическом и экономическом положении районов. Однажды срочно затребовали подробные сведения о количестве свиней, племенных производителей, молодняка и т. д. и т. п. Свиней же в Улагане не бывало и в помине! В другой раз неожиданно прислали строгое напоминание о слабых темпах куриных заготовок. Аймачные работники только недоуменно пожали плечами: по самым точным подсчетам в аймаке проживало всего-навсего пять куриц! Случилось даже событие более серьезного порядка: парторганизацию обвинили было в великодержавном уклоне, резонно основываясь на том, что из поля зрения аймачного руководства выпала проблема коренизации аппарата и в течение целого года этот вопрос в аймаке даже не обсуждался. Веское обвинение, но его предъявили аймаку, население и аппарат которого состоят исключительно из ойротов!

Тарсымаев учился в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Получив образование, он еще острее ощутил потребность своей страны в подготовленных кадрах.

Хотя в аймаке вместо двух церковных имеется уже восемь советских школ, партком усиленно заботится о еще большем расширении учебной сети.

Тарсымаев часто вспоминает своего товарища по университету—ныне секретаря Онгудайского парткома Лизу Сузопову—и мечтательно высказывает иногда лирическую мысль:

— Надо стремиться, чтобы все девушки нашей страны походили на Сузопову.

Тарсымаев действительно способствует превращению этой мечты в действительность, и, пожалуй, из всех окружающих он не замечает только свою жену. Занятый большим делом экономической и культурной перестройки аймака, он не

обращает внимания на моральное убожество своей жены и не способствует его искоренению.

Тарсымаеву недостает библиотеки КУТВ, он изучает Гегеля и Гете, а жена его постоянно читает одну единственную вызубренную на-зубок книжечку—«Противозачаточные средства».

Вывезенная из Москвы мещаночка целые дни напролет бренчит на гитаре и поет, поет один единственный стррррастный романс:

Стак-ккк'а, чики-ки гра-не-ны-е
Уп-ппп'али д'са-ста-л'аа...

Партийный комитет занят разрешением серьезнейшей проблемы—проблемы упряжи. Отсутствие упряжи ставит препоны развитию сельского хозяйства. Население еще не умеет пользоваться лесными богатствами. Рядом—остовы сгоревших лесов, а в Улагане нехватает дров, нет досок замостить речку.

В течение долгих лет развитие ойротского хозяйства искусственно подавлялось. Колесо, дуга, хомут—предметы, поражающие своей сложностью ойротов, не знающих ремесел,—не существуют в Улагане. Переезды совершаются верхом, лишь особенно тяжелые грузы и зимой и летом перевозятся на неумело сделанных розвальнях.

И, конечно, дорога! Развитие аймака может ускорить и обеспечить дорога, связующая его с областью. Уже срублены и обструганы столбы улаганского телефона, вычерчена на карте линия будущего шоссе, дорожные техники изучают грунт, и автобус из Уалалы с каждым днем приближается к далекому Улагану.

Хабаровка

Внешний облик кержадской деревни не изменился. Крепкие двухэтажные избы прочно стоят на земле. Тяжелые ворота плотно заперты. После дождя на улице чавкает бурая грязь. Над входом в молельню прибит серый обветренный крест. На крыше молельни сидит сорока-белобока, черная спина ее лоснится, она взмахивает белыми крыльями и лопочет, без усталости лопочет на своем птичьем языке.

Но в молельне—маслозавод! Крест позабыли снять, возможно, даже нарочно оставили: «без бога, мол, ни до порога»... Но маслозавод работает превосходно. Сепараторы протяжно гудят, мерцают их алюминиевые части, поблескивают белые струйки молока и, громко жужжа, падают в ведерки. В маслобойке болтыхаются сливки. План маслозавготовок перевыполняется.

Все население поголовно кооперировано. Местный кооператив развернул большую работу, и не состоять в нем—просто невыгодно.

Старые кержаки аккуратно вносят пай, но членскую книжку—упаси бог!—не берут.

— Взять в руки дьявольскую книжку?... Да никогда!

— Принять дьявольскую печать?... Да ни в жизнь!

— Кооператив—заведение полезное. Пай—дело десятое. Деньги самим господом установлены. Мы другими людьми записаны—их грех.

Ойроты посмеиваются над кержаками.

— Глупые люди—бумаги боятся.

Задача маслозаводов не только научить население маслodelию, но и отучить его от гонки арачки.

Несколько урочищ отказалось сдавать маслозаводу молоко из-за нежелания доить коров в чистую посуду. В ойротском хозяйстве используется преимущественно кислое молоко—из него гонят арачку, делают сырчики. Издавна установилась привычка посуду никогда не мыть. Маслозавод не может и не хочет принимать грязное и быстро киснущее молоко. Молоко в аилах пропадает зря, но привычка освящена приметами и суеверием.

— Нельзя мыть посуду—коровы телиться перестанут.

Кержаки посмеиваются над ойротами:

— Глупые люди—чистоты боятся.

Молодежь организует артель. Выгоды артели очевидны. Но для вступления необходимо самолично получить устав и обязаться мыть посуду.

Лыжин рискнул взять книжку, а Челтунов начал мыть подойники. Кержаки интересуются—накажет ли бог Лыжина, а ойроты любопытно выжидают—будут ли у Челтунова телиться коровы.

Рассказы товарища Никитина

Лучшие кони

Собрались мы—у кого трубка, у кого кисет, у кого только покурить охота, а табаку ни щепоти.

Которые побогаче дразнили нас:

— Голь беспорточная.

Собрались мы на лужку, присели на кочки и постановили дотолковаться до конца.

— Межа нам, как петля,—делаю я докладец.—У одного хозяина колесо, у другого ободья, у третьего рысак, да ехать не на чем... Один в поле не воин. О политике говорить не будем, вас агитировать нечего,—своя выгода вперед толкает. У одного хозяина ярка, у другого баран. Зарезать да съесть—ничего не останется... Вместе согнать—стадо заведется!..

— Слабый человек доброго слова год выпрашивает,—поддержал меня старик Манеев.—Работали мы, а богатели соседи. Зачем голодать порознь, когда вместе обедать можем?

Начали колхоз. Почитай, одни бедняки да батраки собрались. Много партизан бывших. Нищета одолевала. Война прибыли не дает. Хозяйств тридцать в артели, а скота да инвентаря кот наплакал.

По гвоздю имущество собирали. У меня самого только и добра, что четверо галчат дома рты разевают. Потолковал с женой и решил: где наша не пропадала, отдам колхозу кровать. А кровать хорошая была, железная, основательная. Сволоку я кровать в кузницу и начал из нее повозку мастерить. Передок сделал, оси, у старика Манеева досок взял... Такую повозку на железном ходу сварганил—на свадьбах впору кататься!.. Выменял на фуражку дегтю, подмазал колеса, лети, удивляй народ... А лошадей нет!

Беда, нет лошадей, мало их в артели!

Прослышал я тем временем, что в земельном управлении чесоточных лошадей морят.

Приехал в Улалу, иду в управление, лошадей прошу.

— Куда как запаршивели!—отвечают.—Ни на что не годятся. Послали мы их за город на убой.

Начал я просить отдать мне одеров.

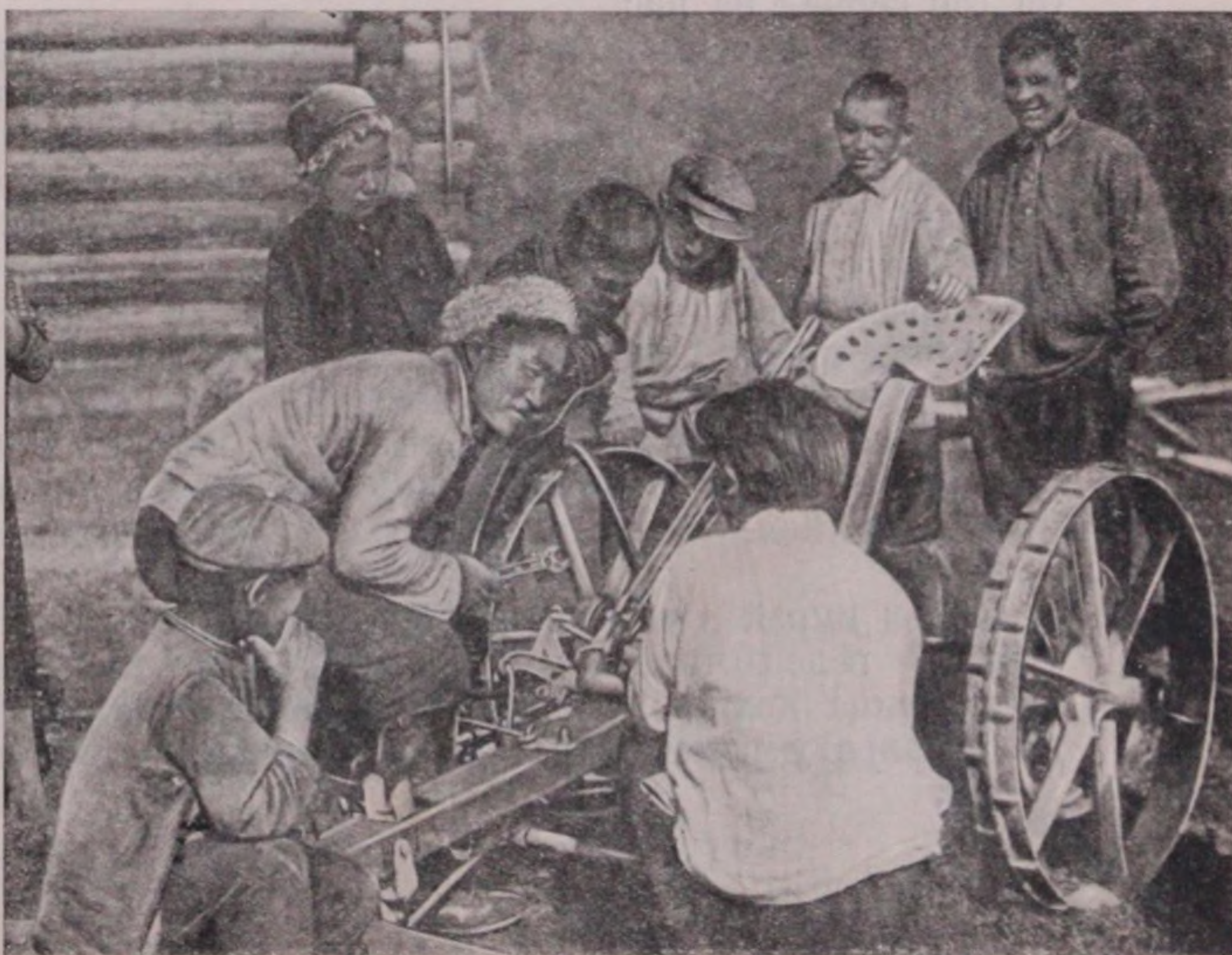
— Вам они все равно не нужны, а я, может, выхожу. Выпросил.

В управлении пометили лошадей убитыми и отдали их артели.

Нынче в артели девяносто дворов.

Даже ребяташки интересуются устройством машины.

Поспешил я за город своих коняг от смерти спасти. Увидел и не обрадовался. Вообразить таких одеров трудно: на ногах не стоят, шерсть повылезла, ребра чуть кожу не продрали, кожа покрыта струпьями, гноиться начинает. Поднял я кляч кое-как пинками и потащил в деревню.

Соседи на меня кричат:

— Зачем заразу привел? Всех лошадей перепортишь!

Я спорить не стал. Достал купоросу, вымыл лошадей начисто. Старик Манеев принялся варить снадобье из дегтя, глины и соли. Откармливаем мы с ним лошадей, моем, лекарством мажем, выхаживаем...

Верьте—не верьте, а к весне выходили коней. Такие ладные кони стали, что вся артель диву далась. Самые лучшие кони в артели нынче.

Запрягли мы их весною в бывшую кровать, положили на повозку семена, выехали в поле и начали сеять хлеб.

Кушайте лепешку, на сметане замешана. Нынче артель с достатками. В ней теперь дворов девяносто. Одних коров сотни три. Хозяйство начали правильно.

Приход Назара Григорьича

Наш колхоз правильно собирался. Подходящих людей звали, но силком никого не тащили, действовали примером и убеждением.

И был у нас в деревне парнишка один, Матвеев Коля. Он все серчал на нас.

— С вами социализма не построишь,—говаривал.—Артель—пережиток. Сразу коммуны затевать надо. По-военному—раз-два...

Съездил он в аймачный исполком, наговорил турусы на колесах, похлопали его там по плечу, вернулся и начал мужиков в коммуны собирать.

Разговор у него короткий был:

— Кто не против советской власти—обязан в коммуны вступать.

Люди конечно против своей власти не хотели идти.

Взялся Матвеев хозяйничать.

— Одумайся,—останавливали мы его.—Куда на рожон прешь?

Собрал курей в один сарай, упряжь в другой. Женщинам упряжь велел чинить, мужчин за курами ходить заставил. Птицадохнет, упряжь не в порядке... Вздумал Коля даже белье у всех отобрать и снова поровну разделить.

Но тут, значит, партия одернула торопыг, и сразу всем ясно стало, что Колина работа ничего не стоит.

Рассыпалась коммуна еще быстрее, чем склеилась.

И жил у нас в деревне Назар Григорьич Стенин—старый человек и примерный хозяин. Затянул Матвеев в коммуну Назара Григорьича. И началось со стариком чудное твориться. Раньше бывало до зари хозяйством занимается, то в поле, то по дому. А как вступил в коммуну, точно переменялся человек: сидит круглый день у речки с удочкой и хариусов ловит.

Подойдешь к нему, спросишь:

— Почему не работаешь?... Говорят, плохо вы в коммуне за скотом смотрите.

А он отвернется, будто не слышит, и отвечает невпопад:

— Хариус—рыба умная. Любит около камешков в быстрой воде стоять—мошкарку сторожит.

— Да не о том я, Назар Григорьич!—крикнешь.—Про коммуну я. Когда сеять думаете?

А старик вынет из холщевой сумки червя, плюнет на него, нацепит на крючок и скажет:

— Рыба грязным червячком брезгует. Нарою червей и неделю во мху держу: розовеют они, глажеют.

Махнешь рукой и отвернешься—старика не переупрямить.

Не успели ликвидировать перегибы, смотрим—ходит Назар Григорьич по деревне, крестится и знай себе приговаривает:

— Христос воскрес!

— Почему такое?

— Коммуну кончили.

— Зачем же в коммуну вступал?—спрашиваем.

Рассердился старик.

— Слушать больше о колхозах не хочу!

Повернулся и ушел.

А наш колхоз крепнет. Работаем с умом, вперед не зарываемся, однако пашню удвоили, стадо увеличили, живем сытно.

Глядим, приходит к нам Назар Григорьич.

— Давненько не видали,—встречаем его.—Аль соскучился?

Снял он шапку, поклонился степенно, как на сватаньи, и сказал просто и без обиняков:

— Здравствуйте. Примите в колхоз.

— Как так?—говорим.—Давно ли христос воскрес?

Мнет Назар Григорьич шапку в руках, переступает с ноги на ногу.

— Мало ли что... Воскрес, да не надолго. Вижу ведь: работаете, как надо... Честью прошу...

— Не согласны!—смеются колхозники.—Нечего... То туда, то сюда...

Глядим, дерет Назар Григорьич шапку, злиться начинает.

— Так я ж середняк!

А наши посмеиваются.

— Что ж что середняк?

Как закричит на нас старик, точно ямщик на лошадей в плохую погоду:

— Обязаны принять!.. Нет правов середняку отказывать!

Ну, ребята наши охладили его маленечко, напомнили ему, как он колхозы ругал.

Смяк Назар Григорьич, повел за себя агитацию.

— Ведь я же вам клад буду... Вам такого рыбака не найти. В одиночку по сорок хариусов налавливал... А в городе пятьдесят рублей пуд! Всех ребят рыбному делу обучу... А за скотом разве я ходить не умею?... Что мне одному со старухой делать?

Приняли его, конечно. Посмеялись и приняли. Нынче Назар Григорьич у нас бригадир по лошадиной части и сверх того в ударном порядке рыбкой для колхоза промышляет.

Песок и горючее

Случались трудные обстоятельства.

Весной артель приобрела трактор.

Сами понимаете, машина десятки людей с поля отпускает. Стали людей по-новому к работе принаравливать. На поле посвободнело—за скотиной уход усилили.

За уборку не беспокоились. На трактор надеялись. Во время, мол, хлеб и скошим и обмолотим.

Поднялся тракторист на зорьке, заправил трактор, прицепили сноповязалку—и в поле. Прочие колхозники не торопятся. Встали не спеша, позавтракали, запрягли лошадей, поехали снопы возить.

Ан, трактор стоит.

— В чем дело?

— Мотор заело.

— Давай налаживать.

Присмотрелись, плохо дело—песок! Что за наваждение?

Ревизионная
комиссия колхоза
за работой.

Алтайская женщина
научилась покорять
швейную машину.

Потащили трактор домой на лошадях. Разобрали мотор. Гадаем, в чем причина. Вспомнили о горючем, а в горючем—песок. Постарался кто-то, подсыпал песку—нате, выкусите.

Схватились мы за головы. На аймачном съезде колхозов соседей на соревнованье вызвали, а тут как назло загвоздка—трактор из строя выбыл.

Слезам да охам делу не поможешь.

Всю артель собрали от мала до велика.

— Так и так,—говорит тракторист,—неизвестный гад песочком глаза нам засыпать хочет... Зря старается, выведем на чистую воду. А пока, товарищи, за серпы да за косы!

Часу не прошло, как весь народ на поле высыпал. Снесли матери ребят в одну избу, оставили их под присмотром двух женщин и ну мужей догонять. А мужчины так в поле и ночевали. Ничего, справились. Хлеб сдали в срок. И даже, как говорится, нет худа без добра. С того дня ясли у нас завелись.

Привычка

А то вот еще занятный случай. Мелочь, конечно. Однако, многим трудно бывает привычку свою преодолеть. Расскажу я вам анекдот, и, уж извините меня, никакого намека тут нет, а только главная персона в нем—курица.

Раскулачили в нашей деревне одного богатея и, как водится, передали его имущество колхозу. Среди прочей живности в наше владение перешла большая черная хохлатая курица. Если не ошибаюсь, называется эта порода плимутрок.

Женщины наши эту курицу как родную встретили. Стоила того птица—ноская, крупная, красивая.

И вот, что ни день, пропадает курица. Сперва ее в разных местах искали, но вскоре заметили: уходит она на старое место, под кулацкий насест, яйца высиживать. Пробовали запираť ее—не несется, выпустят на волю—на старое место уйдет.

Что значит привычка!

Бились, бились с ней,—ни в какую!

А породистую птицу у нас на Алтае трудно найти. Из такой курицы похлебку сварить—преступление. Пришлось ее соседнему колхозу подарить.

И представьте себе: отвезли ее за десять километров и от привычки ее ни следа: и несется, и цыплят выводит.

Соседи нас благодарят так, что наших женщин досада за сердце хватает.

В траве

Конь мой, преодолев трудный скользкий спуск, уверенно вступил на слабо протоптанную тропинку, извивавшуюся в траве узорчатым полозом—ядовитой и опасной алтайской змеею. Лениво верещали кузнечики. Распевая свои зеленые песни в продолжении долгих веков, хор насекомых достиг полного совершенства. Причудливыми арками изгибались бледнозеленые березы. Зимние снега, тяжело и грубо наваливаясь на молодые деревья, переиначивают правильный рост. Но трава скрывала лесное великолепие. Трава загоразживала деревья, застилала блестящее в просветах, точно покрытое синей эмалью небо, трава задевала мою голову. Лошадь и всадник терялись в травяных зарослях, никогда не видевших, жестокой, острой косы. Трава окрепла и в неумном свободном росте стала настолько жестка, что лошади отказывались ее брать.

Надо было спешить на ^{Валентин}съезд аймачного колхозсоюза. Я ударил коня плетью. Конь рванулся и побежал быстрее.

Неожиданно грянул выстрел. Конь зашевелил ушами. Грохот повторился. Вблизи меня над травой взвился дымок, похожий на легкий синий туман.

Я рванул узду, поворотил коня. Конь примял высокую траву, и я увидел направленное на меня черное и тонкое дуло ружья и услышал крик:

— Проезжай, человек, проезжай!

Среди луговых белых левкоев стояли двое мужчин в порванных куртках и побуревших от непогод фуражках. Ружья их были тяжелы и стары. Голубой дымок таял в жарком воздухе. Прямая цветы, в траве лежал убитый.

Я возмущенно взвел курок нагана.

Тогда один из убийц швырнул ружье в траву и закричал:

— По праву его убили!.. Слышишь? По праву! Легко мы осенью в колхоз собирались? Тяжело! Тяжело собирали семена на озимый посев. А он,—говоривший задел ногою убитого,—первый кулак на селе... был. И нынче весь наш хлеб,—клокотавшие в горле слезы взорвали хриплый мужской голос,—весь наш хлеб... ~~наш! наш хлеб...~~ стравил.

Сладко пахли левкои, смятые телом убитого.

Убийца заговорил тише:

— Поверь мне, товарищ, не мог я потраву простить... Ведь сорок гектаров, товарищ.

Я чуть тронул поводья. Конь понял, отмахнулся хвостом от оводов, заторопился, вышел на тропинку и, не дожидаясь удара плетью, побежал все быстрее и быстрее.

Вечером, на съезде аймачного колхозсоюза, в клубившемся махорочном дыму и быстро наступающих сумерках, я слушал рассказ, как кулаки пытались развалить колхоз, потравили озимый посев и как колхозники отказались от хлебного пайка, собрали все наличное зерно и на месте озимой посеяли яровую пшеницу.

Я узнал хриплый голос встреченного мною в траве человека, но не подошел к нему, и он тоже не захотел меня узнать.

Возвращаясь со съезда по знакомой тропинке, я смотрел на росшие в траве пионы. Розовые лепестки давно завяли и, точно запекшаяся кровь, покрывали крепкие плоды, хранившие в себе тысячи будущих розовых солнц.

Онгудай

Съезд аймачного колхозсоюза. В центре внимания—организационно-хозяйственное укрепление колхозов и уборочная кампания. Русские выступают спокойно, речи произносят сидя. Ойроты встают, волнуются, сильно жестикулируют,—десятки лет их заставляли бесправно молчать,—говорит освобожденная энергия. Достижений много, но участники съезда чаще вспоминают о недостатках. Развернутая самокритика обеспечивает хороший рост.

«...Кулаки пытались стравливать посевы. Все же посевной план выполнен с превышением. Но к уборке подготовлены скверно. Оперативное руководство артелями недостаточно...»

«...В одном из колхозов кулаки, пролезшие в артель, подпоили с утра колхозников, и пьяные люди вторично запахали и засеяли уже вспаханный и засеянный клин. Двойная работа, двойные семена... И отговорка налицо: «Пьяны были...»

«...В артели «Авангард» в Туяхте тридцать восемь хозяйств, сто двадцать едоков. Артель неопытна. Аймакколхозсоюз артелью не руководит. Сдано четыреста двадцать центнеров чистосортного зерна. Колхозсоюз обещал дать взамен сорок два центнера продуктового хлеба. Обещание не выполнено.

Участницы съезда колхозов в Онгудае.

Завтра ехать на сенокос, а колхозники заняты поисками хлеба».

«...Не все колхозы выполнили постановление прекратить гонку арачки. Пора взяться за ум. Арачка срывает работу».

«...В Онгудайской коммуне налажено распределение продуктов. Шестнадцать килограммов хлеба стоят рубль двадцать копеек, десяток яиц—двадцать копеек и т. д. Но еще существует уравниловка. Жалованье одинаково почти у всех членов коммуны. Значительный изъян—коммуну превращают в кладовую, в постоянный двор. По географическому положению она находится в центре аймака. Всех приезжих и проезжих помещают в коммуну. Непредвиденные расходы ломают бюджет».

«...В аймаке три коммуны: имени Черепанова в самом Онгуде, «Путь Ленина» в тридцати пяти километрах в Куладе и Елинская в шестидесяти километрах. В Онгудайской коммуне только одиннадцать ойротских хозяйств. Две другие коммуны сплошь ойротские. Правильно ли такое национальное обособление?»

«...Сегодня правильно. Слишком еще различны уклады русского и ойротского хозяйств. Русский живет в закрытом помещении, ойрот—в юрте. Ойрот в основном питается молочными продуктами, русский—хлебом».

«...Неправильно. В непосредственном общении легче преодолеть пережитки прошлого, легче заимствовать положительный опыт».

«...Куладинская и Онгудайская коммуны организовались еще в 1926 году. У них большие достижения, но о них не знают другие колхозы. Из Кулдинской коммуны на областную работу выдвинуто тридцать человек. Почему ни одного коммунара не выделено для руководства соседними артелями?»

Елизавета Сузопова—секретарь аймачного комитета ВКП (б).

Посетители к ней стоят в очередь. Колхозники со съезда просят помочь составить план соревнования, ревизионная комиссия рассказывает о недостатках кооператива, пионеры докладывают о жизни лагеря, заведующий маслозаводом требует назначения помощника, ойротка в нарядном чегедеке жалуется на мужнино пьянство...

Сузопова выслушивает всех, трудные вопросы обещает выяснить, ясные дела решает сразу, дает вдумчивые советы.

Она скупко рассказывает о себе и, значит, об аймаке,— об аймаке и, значит, о себе.

Качеева учит
взрослых воспитанниц
правильному
уходу за детьми.

— Двадцать четыре года. В партии с 1926 года. По социальному происхождению беднячка. Училась в Москве, в КУТВ. Год работала в пропгруппе ЦК, два года заведывала облженотделом...

— Парторганизация растет: девяносто членов и девяносто четыре кандидата...

— Создается агроиндустриальный комбинат. Зерно, скот, лес, графит...

— Онгудай, несомненно, будущая столица Ойротии. Ведь географически и экономически центр области—Онгудай...

— Жителей в Онгудее не меньше, чем в уездном городке. Есть больница, девятилетка, клуб. В самом Онгудее больше русских, но во всем аймаке семьдесят процентов ойротов...

— Нехватает агрономов, врачей, учителей. Сегодня забота—все четыре врача заявили об отъезде из Онгудая. Их надо во что бы то ни стало убедить остаться...

Дом ойротки имеет целью привить ойротским женщинам культурные навыки и воспитать из них передовых общественниц.

Из дальних аилов приглашают женщин в Онгудай, как бы в гости:—Приезжай, посмотри, как лучше жить можно.

Общежитие при доме рассчитано на двадцать пять человек. Большинство женщин—колхозницы, делегатки, комсомолки. Они приезжают неграмотные, не умея мыться, не знакомые со стиркой.

В течение полутора месяцев женщины знакомятся с основами животноводства и огородничества, получают представление о гигиене и санитарии, ликвидируют безграмотность, обучаются домоводству, кройке и шитью.

Штат дома состоит из заведующей—Глафиры Дмитриевны Качеевой, обученной в Улале,—она преподает кройку, шитье и домоводство—и сторожихи.

Врач и агроном, перегруженные работой по аймаку, все же находят время и проводят занятия по своей специальности.

Агрономический и санитарный кабинеты оборудованы учебными пособиями, наглядными таблицами, коллекциями.

Среди женщин очередного призыва две матери с грудными детьми. Качеева обучает взрослых воспитанниц правильному уходу за ребенком.

Жизнь в доме основана на самообслуживании. Женщины сами готовят обед, пекут хлеб, доят коров—учатся готовить, печь, доить.

Женщины узнают, что спать надо не посреди свалки грязного скарба, а на чистой постели, что обедать надо не из немытой общей миски на земле, а на прибранном столе и из отдельных тарелок.

Революция учит алтайскую женщину стричь ребенку ногти и покорять швейную машинку.

Из Дома ойротки женщины возвращаются в урочища ломать старый быт.

Жадность

Непрерывною вереницею тянутся обозы. Чай, ситец, железо везет СССР в Монголию. Медленно движутся понурые низкорослые лошаденки. Ямщики мечтательно затягиваются махоркой. Дорога продолжается много дней.

На границе ящики, короба и тюки перегрузят на злых и послушных верблюдов. Ямщики будут лениво ругаться. Монголы будут гортанно и резко кричать. Потом верблюды встанут и, покачиваясь, зашагают обратно. Обратно поедут и ямщики и повезут в СССР монгольский хлопок—свалывшуюся грязную шерсть.

Ямщикам не скучно и не весело. Многие из них ездят десятки лет. Но ни один ямщик не приметил цвета катуньской воды. Внимание полностью отдано домашним заботам. Лежащая по ту сторону границы Монголия неинтересна и чужда.

Встречные обозы равнодушно следуют мимо. Изредка ямщики перекинутся скухими словами. Случайный разговор всегда одинаков.

— Откуда, ямщики?

— Шебалинские.

— Дождь у вас был?

— Все время ненастье.

— Хлеба хорошие?

— Добрые хлеба.

Больше говорить не о чем. Лошади безостановочно движутся. На ночь останавливаются там, где настигает темнота. Лошадям подвязывают колокольчики и пускают в траву. Разжигают костры. Кипятят чай. Беспричинно проклиная жизнь и завидуют колхозникам.

— Нам водку возить не доверяют,—говорит одинокий голос.—Это, конечно, справедливо... Мы дорогой перепьемся... Только почему колхозникам доверие?

На заре просыпаются. Едут дальше. Пронзительно дребезжит развязавшийся под дугой колокольчик. Рыжая лошаденка мотает усталой головой. Встать и подвязать колокольчик лень. Бурая пыль оседает на потные лица.

Ровное течение неизменных товаров нарушает странный осенний обоз. Шесть подвод нагружены деревьями. Алтай зарос лесами. Тяжелые кедры, тонкие березы, кусты душистой смородины покрывают холмы и горы. Неумело растопырив тонкие ветви, лежат на повозках деревья. Широкие листья незаметно увядают. С корней осыпается засохшая земля. Впереди обоза идет загорелый бородатый человек. Он уверенно опирается на самодельную палку и указывает ямщикам путь.

Проезжие люди сразу узнают учителя Дозорова. Много лет он провел в глубине холодных и чужих гор. Семьи не имел. Алтайские девушки его не привлекали. Общественной работы сторонился. Позади школы расстилался широкий луг. С помощью учеников Дозоров обработал нетронутую целину. Выписал из Барнаула и насадил сеянцев. Заботливо вырастил яблоневый сад. Ученики были трудолюбивы и многочисленны. Они послушно окапывали стволы, срезали сухие ветви, собирали сладкие яблоки.

Население дивилось большому саду. Сотня деревьев росла за высоким плетнем. Сотня алтайцев не понимала, как можно вырастить одну яблоню.

Дозоров прятал собранные яблоки в погреб и сарай. Зимой яблоки прели и мерзли. Есть их было некому. Дозоров радовался своему богатству и ненавидел раннюю алтайскую зиму, не позволявшую вызревать дорогим озимым сортам.

Дозоров скучал о теплой русской зиме.

Однажды редкая почта привезла долгожданное извещение. Учителя Дозорова переводили в Барнаул.

Ученики были собраны в последний раз. В последний раз врезались лопаты в сырую землю. Учитель Дозоров решил увезти яблоневый сад.

Бурая пыль оседает на бурые лица. Необычайный обоз послушно движется за уверенным человеком. Непрерывно дрожит сотня молодых яблонь. Медленно движутся понурые низкорослые лошаденки. Незаметно увядают широкие листья. С корней осыпается засохшая земля.

Ойрот-тура

На улицах.

Все равно, как если бы стали судить о человеке по его внешности...

— Курносый, мол, обязательно дурак.

Об Ойрот-тура нельзя судить по внешнему виду, в ней еще много следов дореволюционного провинциального быта—«родимые пятна».

Вдруг разверзаются небесные хляби, и льется, льется сплошной непрерывный дождик—дождь—дождище—ливень...

Грязь—ни пройти, ни проехать.

Неумные люди начали Ойрот-тура. Город стоит на воде. Стоит копнуть землю на аршин—вода. На кладбище гробы опускают прямо в воду.

Тротуары дощатые, высокие.

Мост в городе через речку узкий—только для пешеходов, легкий—дети на нем в хорошую погоду качаются.

Над улицей кружатся и жужжат пчелы. Флигелек в три окна с палисадником, в палисаднике ульи. Пока еще возможно иметь в городе даже пасеку.

Большинство жителей имеет живность—коров, лошадей, птицу. Перед вечером пастух пригоняет стадо в город. Коровы, расходясь по домам, степенно бредут по тротуарам.

На улице много верховых.

Пьяная старуха уверенно шлепает по лужам, изредка останавливается, поддергивает ветхую сползающую юбку и опять тащится, пока не упадет и не утонет в глубокой луже.

Двое пьяных, сидя верхом на одной лошади, беспорядочно поют песни.

Степенный бородач в кургузом пальто, перешитом из поддевки, бывший мелкий бийский купец, приехал в Ойрот-тура сосватать чей-то кому-то домик. Между делом он прогуливается и степенно рассуждает о пользе вегетарианства.

Из Бийска прибыла на автобусе группа экскурсантов. Повидимому, матерые интеллигенты. Пенсне на черных шнурках. Соломенные шляпы. Чесучевые рубашки. Черные, закрытые—в июльскую-то жару!—платья.

Руководитель экскурсии—лет под сорок, с белокурой бородкой, в линялой студенческой тужурке. Для перевозки вещей он нанимает подводу.

Экскурсанты неумело наваливают вещи, поверх водружаются сами.

Править садится руководитель.

— Н-но!

Подвода трогается.

На беду повозка соскакивает с передка. Но увлеченный возница ничего не замечает.

Н-но!

Руководитель вытягивает руки с вожжами. Лошадь идет. Повозка стоит. Руководитель крепко держит вожжи и—тррах!—решительно шлепается в грязь.

В облупленной церкви—клуб. В боковом помещении бильярд. Вокруг зеленого стола толпятся мрачные сутулые люди. Они волнуются больше игроков—«мажут» на любимцев и хрипло выкрикивают:

— Петя, поддай!

— Вывози, родимый!

Перед клубом, за железной изгородью, играет любительский оркестр. Он состоит из парикмахера, счетовода, монтера. Фальшивят они беспредельно. Репертуар ограничен польками и маршами.

Мимо клуба идет черная свинья с рогаткой на шее, чтоб не лазила по огородам. Она хорошо известна всему городу. Гремит марш—свинья меняет походку и ритмично, выкидывая вперед коленки, четко марширует, как прусский юнкер перед знакомыми прохожими.

Но все это, как пыль на лице пешехода. Ойрот-тура обстраивается и меняется. Строятся совпартшкола, народный дом, сберкасса, для совпартшколы и больницы особая электростанция. Не сегодня—завтра Ойрот-тура умоется и сегодняшняя анекдотическая улица исчезнет из памяти местных жителей.

Музей

Музей наполнен самыми разнообразными предметами. Есть продукты питания: арчи—сушеный творог и курмач—поджаренный ячмень. Есть предметы домашнего обихода: борбый—сосуд из коровьего вымени для чигеня и молока, паспак—доска для растирания соли и зерен, ильген—решето для просеиванья толкана, баштык—мешок для толкана, тэпши—чашка для мяса и масла, чайныртыш—совок для чая, соккы—ступка, тажуур—кожаный сосуд и пэдрэк—кадушка для перевозки арачки. Много орудий промыслов и охоты.

Сонны—ступка для приготовления толкана.

Торба для сбора и эл'дек—решето для просеивания кедровых орехов. Лыжи, подбитые конской шерстью, чтобы не скользили по снегу, на которых алтайцы поднимаются на почти отвесные горы, така—охотничьи подковы, шипы, йанчык—мешочек для пуль и дробы, иоты—пороховница, айа—самострел-лук, абыргы—трубы для охоты на морала,—трубя в них, охотники подражают крику маралов, подманивают животных и, приманив, убивают,—и наконец шаныр—талисман, покровительствующий охотникам. Вещи религиозного культа и суеверий: белдүш, принадлежавший алтайке Кискэ Калтыр,—маленький кисет, в который зашит пупок родившегося ребенка—по числу кин—пупков—легко узнать, скольких детей имела владелица белдүш,—небольшие деревянные и тряпичные куклы—идолы, громадный кожаный, украшенный разноцветными тряпками тўнўр—бубен кама Чоодура Штанакова—и рядом с ним еще бубен, и дальше еще и еще... Занятные и красивые женские украшения: кожагай—подвески к косам, чим—украшения из меди, маак-одўк—праздничная обувь, пестрые женские одежды. Великолепны среди них кўнек—красное платье, украшенное белым бисером, вышитое цветами, со вшитым в середину куском блестящего шелка, киноварь которого подчеркнута зелеными пуговицами, и чегедек—выходной костюм женщины, нарядный и дорогой, синий, отделанный золотой парчею. Вчерашний день представлен изгнанными из Ойротии андазыном—деревянной сохой, сделанной из изогнутого сука, прикрепленного к толстой деревянной палке, и винтовками белобандитов Аяшева и Кайгородова. Поделки из дерева и чучела животных свидетельствуют о богатствах Ойротии. Образцы еще не разработанных руд и минералов скромно мерцают, отражая завтрашнее сияние Телецкой электростанции.

Заведует музеем товарищ Новиков. Специалист-этнограф, он получил образование в Ленинграде. Работа его по созданию ойротского национального музея выходит далеко за обычные рамки. Изучая быт и национальные особенности ойротов, он делает это не столько для создания архива экзотических предметов национальной культуры, сколько для того, чтобы двинуть эту национальную культуру вперед. Постоянно организуя экскурсии и экспедиции в самые отдаленные и неизученные уголки Ойротии, Новиков собирает ценнейший материал.

Этнографические, географические и геологические сведе-

ния, собранные под руководством Новикова, являются большим подспорьем при создании плана хозяйственного развития Ойротии.

Он не смазывает политического значения перегибов, но правильно утверждает, что многих ошибок можно было бы избежать, зная и помня о национальных особенностях алтайцев.

— В одну коммуну собрали русских и алтайцев—в административном порядке пытались соединить две культуры, игнорируя особенности труда, питания, быта. Упустили из вида родовые пережитки. Не учли такой мелочи, что алтайцы не едят, например, кислого хлеба...

Беседуя с нами, Новиков прощупывал, насколько мы знакомы с историей, географией, этнографией Алтая, и внезапно обрушился:

— А вы знаете, что на Алтае существует экзогамия? Имеете ли вы понятие о существовании на Алтае левирата?

Нет, к сожалению, этого мы не знали.

Мы даже не уверены в правильности транскрипции приведенных здесь ойротских слов. Письменность в области появилась только после революции. С трудом найденный нами алтайско-русский словарь Тыдынова весьма несовершенен и неполон.

Хотя Новиков тоже перебарщивал, требуя от всех, буквально от всех посетителей Ойротии совершенных этнографических знаний.

Положа руку на сердце мы могли сказать, что видели в Ойротии, что большинство трудящихся ведет справедливую и успешную борьбу против богатого и жестокого меньшинства, как и во всех других местностях Советского союза.

Новиков назвал нам литературу об Алтае, которую должно обязательно прочесть.

Он помянул и «Путешествия по различным провинциям Российского государства» старика Палласа, и «Томские епархиальные ведомости», и сборник этнографических статей и исследований Вербицкого, и статью Потапова об охотничьих обрядах и поверьях алтайских турок в журнале «Культура и письменность Востока», и книгу Янпольского и Абаимова о животноводстве в Ойротском крае...

И в заключение сказал, что для первого знакомства с Алтаем достаточно прочесть семьсот названий, перечисленных в библиографическом списке Алтайского географического общества.

Вместо телеграфиста Ятя

Частенько приходится заходить на почту.

Зашли, перевели деньги, получили посылку, поворчали на телеграфиста и удалились.

Все пользуются почтой, но многие ли ею интересуются? А зачем ею интересоваться?

Почтовых служащих представляют по штампованным литературным образцам. Кто они? Телеграфисты Яти? Чернильные души? Разве не относится и к почтовым чиновникам добротная поговорка: «чернилами вспоен, гербовой бумагой повит, концом пера вскормлен»?

Осенью двадцать девятого года Овалов еще видел в Новосибирске старорежимных почтовых чиновников и тогда же их описал.

«В управлении связи достаю бумажку, дающую мне возможность передвигаться на почтовых лошадях. Пока ее сочиняют, наблюдаю почтовых чиновников. Они были страшно заняты. Одни перечитывали старые дела за позапрошлый год,—я сам лично убедился в этом, от скуки полистав валявшиеся на столах папки с отчетами почтово-телеграфных контор за 1926 год. Другие сочиняли для Наркомпочтеля отчет за прошлый год. Сочинялся он беспримерно! Старый пожелтевший чинуха смотрел на своего соседа помоложе и спрашивал:

— А не знаете ли вы, Никифор Валентинович, сколько верст покрыла почта в Рубцовском округе?

— А я там был, Николай Елпидифорович?—язвительно отвечал сосед помоложе.

Тогда чинуха устремлял взгляд в окно и сосредоточенно созерцал хмурое небо.

Минут через десять он снова склонялся к бумагам и, шлепая губами, заявлял:

— Допустим... Восемь тысяч двести шестьдесят три...

И заносил цифру в отчет...»

После посещения Ойрот-тура Овалов убедился, что телеграфист Ять безусловно вымирает.

Убеждение это достаточно подкрепить знакомством с товарищем Алфимовым.

Отличный, отличный товарищ заведует почтово-телеграфной конторой в Ойрот-тура!

Часов в шесть утра он приходит на службу, но не задерживается в кабинете. Алфимов сам руководит упаковкой посылок, приемом заказной корреспонденции, денежными операци-

ями, распространением печати. Нет, он вовсе не разбрасывается и не стремится лично принимать деньги и принимать грузы,—хотя в случае нужды он сам принимает деньги и переносит грузы,—но показывает, как бережно паковать посылки, как ясно вести отчетность, как вежливо разговаривать с посетителями.

Двадцать три года назад Алфимов нанялся в почтальоны и, не произойди революция, вероятно, почтальоном бы и умер. Революция подняла его на исключительную высоту. Он осознал себя как человека и осознал необходимость постоянного движения вперед. Гражданская война, в которой он участвовал в партизанском отряде, организовала его мысли и поведение. Алфимов стал коммунистом, и его послали налаживать связь в Ойротию.

Разумеется, в Алфимове гнездится еще много старых нехороших навыков. Он и грубоват, и несколько упрям, и переоценивает личные способности, и даже чуточку анархичен. Но, хотя ему идет пятый десяток, Алфимов выпрямляется и растет вместе с коммуной имени Либкнехта, которую он организовал по окончании гражданской войны и которая развивается и крепнет с каждым годом.

Работа Алфимова не лишена неприятностей и неудач. Он на вербовал из среды батраков письмоносцев, много дней внушал им мысли о высоком назначении советского связиста, обучал их почтовой премудрости, и молодые письмоносцы начали вполне удовлетворительно работать. Наступила очередная весна, закудрявились лужайки, и бывшие пастухи почувствовали исконные запахи трав и арачи. Больше тридцати письмоносцев бросили свои сумки и, захватив казенные плащи и сапоги, без всякого злого умысла—полученную одежду они искренно сочли навсегда своею—ушли в горы—пасти стада, охотиться и бродить, бродить...

Алфимов не слишком блестящий педагог.

Но там, где надо проявить настойчивость и упорство, он находится на высоте.

В Успенском аймаке исполком выписал тысячу экземпляров «Крестьянской газеты» с уставом колхоза. Алфимов убедился, что никто из крестьян не видал газеты в глаза. Оказалось, исполком выписал газету наложенным платежом, но выкупать не хочет, и вся пачка неподвижно лежит у почтового уполномоченного. Алфимов заставил исполком выкупить заказ и проследил за распространением газеты.

— Не хотите выкупить газету? Ладно! Имейте в виду, что

почта имеет перед вами обязательства, но и вы должны выполнять обязательства перед почтой. Не выполняете обязательств? Ладно! Почта тоже не будет доставлять вам корреспонденцию... Но отвечать за срыв работы будете вы. Не забывайте, что газета—лучший агитатор.

Мосты и дороги самое больное место Алфимова.

— Посудите сами. Стоимость проезда в Успенку на автобусе шесть рублей. Автобус не ходит—сломан мост. На лошадях в Успенку дешевле чем за шестьдесят рублей не доехать. А починить мост стоит двадцать рублей... Придется самому съездить и накрутить хвост.

В Паспауле мост тоже был в неисправности. Не помогали никакие бумажки. Алфимов приехал в деревню и без долгих разговоров пригрозил председателю сельсовета арестом.

— Ты за мост ответишь!

В кратчайший срок мост был приведен в безукоризненное состояние.

Алфимов много и часто говорит о дорогах.

— На съезде советов я выступил за увеличение ассигнований на дорожное строительство. Хорошая дорога обеспечивает выполнение пятилетки. Пятилетка позаботится о дорогах, дороги позаботятся о пятилетке... Эх, если бы вы знали, как приятно ощущать прямизну и крепость дороги, которая еще только вчера была испещрена ухабами, рытвинами, колдобинами!

А ведь встречаются люди, думающие, что на почте еще работает телеграфист Ять!

Артели

Ойротия еще не имеет собственной промышленности, но в Ойрот-тура и вокруг нее уже существуют десятки промысловых артелей и кустарных заводов.

В Ойрот-тура всего несколько зданий выстроено из кирпича. Дорого обходилась доставка его из России. Теперь кирпичный завод полностью удовлетворяет местное строительство кирпичом, расширяясь день ото дня.

Шерсть, собранную в Ойрот-тура, перевозили в Бийск, Барнаул, там изготавливали пимы. Теперь пимокатная артель производит пимы на месте. Работа налажена еще слабо, нет разделения труда, катка кошм производится ногами, но начало местному производству пим положено.

Плохо организован труд в пошивочной мастерской «Ойротка»: в шапочном цехе расценки определяются степенью

затраты физического труда, нехватает квалифицированных работников, первенствуют еще кустари, но мастерская наладится.

Скверно то, что в мастерской «Ойротка» не работает ни одной ойротки, а «Китайская прачечная артель» названа китайской, повидимому, в честь единственного состоящего в ней китайца.

В Ойротии насчитывается десять пихтовых заводов. Под Ойрот-тура, в пихтовом лесу, небольшая артель гонит дорогое пихтовое масло. Срубается хвоя, кладется в огромный чан с двойным решетчатым дном, внизу разжигается топка, нагревается вода, снизу проходит пар, вместе с паром из пихтовой хвои выделяется масло. Проходя по целой системе труб, пар охлаждается, вода стекает в приготовленные ведра и масло всплывает на поверхность, отделяясь от воды. Около заводов лежат груды пихтовых отбросов. Рабочие жалуются—девать некуда. Нельзя допустить, чтобы они негодились в качества топлива или удобрений.

Корейские эмигранты образовали рисовую артель. Тридцать восемь человек, из них пятнадцать рабочих, живут в крохотной избушке. Теснота неопиcуемая—спят на нарах, чемоданы привешены к потолку, но помещение чисто и тщательно прибрано. Чтобы не рисковать и наверняка обеспечить себя питанием, артель посадила сто пять га картофеля, но в основном пробует ввести на Алтае посев риса и сои.

Появляются новые артели—кожевенная с тремя пошивочными мастерскими, известковая, скорняжная...

Находятся люди, пропагандирующие развитие на Алтае даже шелководства. Тов. Бобриков поставил этот вопрос при посредстве газеты «Ойротский край».

«Литература по вопросам шелководства указывает, что тутовые деревья способны переносить холода, поэтому я решил произвести опыт по выращиванию туты в Улале. Семена были получены мной из Омского питомника Туркшелка. Я посеял намоченные семена 12 мая 1929 года. Посев попал под снег, выпавший 22 мая того же года, но, несмотря на это, всходы были дружные. Сеянцы за зиму 1930 года были частью закрыты землей, частью засыпаны снегом и большей частью закрыты только тем снежным покровом, который ложился на них без моего вмешательства. Весной 1930 года тут зазеленел, причем оказалось, что экземпляры, накрытые землей, сохранились почти полностью, а у туты, ничем не

закрытого, ствол отмерз, но от корней пошла новая зеленая поросль.

Мой опыт удался, и это указывает, что на Алтае вполне возможно развитие культуры тутовых деревьев. Развитие тутовых деревьев может иметь огромное влияние на экономику Ойротской области, если только шелководство будет у нас правильно поставлено.

Черви тутового шелкопряда должны выращиваться в закрытых помещениях, защищенных от атмосферных влияний. Надо помнить, что при обмораживании тут будет расти не деревом, а кустом, что однако является плюсом в шелководстве, и потому надо полагать, что шелководство на Алтае вполне возможно и климатические условия благоприятны для его развития.

Теперь необходимо изучить дальнейшее развитие тутового дерева и проверить сроки выхода шелковичного червя, но это непосильно для меня одного, так как нужными для этого временем и средствами я не располагаю. Поэтому я обращаюсь к государственным и общественным организациям с просьбой продолжить начатый мной опыт».

Пейзаж

Узкая дорога спиралью тянется вверх. Горный подъем крут. Все выше и выше становится гора Кату-Ярык—Твердая щель. Невероятное название. Внизу, точно в щели, лежит четкая и ясная долина Чулышмана. Но твердая щель... Или горы невозможно раздвинуть?..

Подъем на гору—тяжесть: трудная каменистая тропа, спертое, прерывистое дыхание, бесконечно далекий перевал. Подъем на гору—легкость: прозрачная чистота воздуха, беспредельные горизонты, безграничная высь.

Плывут огромные лиственничные леса. Замысловато изогнутые ветви, покрытые мягкой светлозеленой хвоей, узорным кружевом вырисовываются на фоне светлого неба. Зеленая—единственная и неповторимая—всюду. Только зелень. Деревья так ровны и лужайки так чисты, точно сотни садовников постоянно убирают всякий мусор и заботливо холят непосещаемый парк.

Внизу лежит ясная долина Чулышмана.

На самом деле этот человек
развернул знамя величайшей революции.

Далеко в небе неразборчиво и ослепительно бело виднеются Чуйские белки—вершины гор, покрытые снегом.

Она грустна—высокая горная дорога. Путь в Улаган—тундра, горы, тайга, болото. На перевале даже в июле сыплется промозглый снежок. Трагичны непроходимые чащи деревьев—деревьев без обязательной зелени. Тысячи гектаров кедра гибнут от пожаров, лишайников, гниют на корню.

Голые стволы торчат, как серые и скучные кресты на заброшенном кладбище. Лес болен отсутствием человека.

Выше, выше... Лес поредел, сгинул. Обманывают зеленые лужайки,—трясины, топи, болота. Проторенная тропинка непрестанно норовит утонуть. Лошади проваливаются по брюхо. Как нищенствующие дети, карликовые березы протягивают чахлые веточки, и, как усталые детские глаза, смотрят в небо огромные голубые фиалки. Однообразной, скучной и ровной поляной тянется неосвоенная и обманчивая мшарь.

Падают снег и дует ветер,—обыкновенный ноябрь. Голубые озера рассыпались по земле, точно осколки расколотого неба. До снежных вершин, кажется, рукой подать,—на самом деле до них пятидневный труднейший путь. Холод взбирается путникам на закорки. Лошади спотыкаются о подтопные камни. На большей части своего протяжения болото не глубже полуметра, дальше следует твердый каменный грунт. В Улаган необходимо и вполне возможно проложить шоссе... Будет ли шоссе проложено?

Крохотный островок твердой земли посреди тундры—место привалов и ночлегов. Негустая рощица слабо защищает от ветра. Монотонно журчит холодный ручеек. Проезжий ойрот стреноживает лошадей, разводит костер, готовит толкан и разворачивает «Кызыл ойрот»—коммунистическую газету на своем родном языке, а до революции ойроты вообще не имели письменности. Непосредственное впечатление весьма несложно: сидит у костра человек, ужинает и читает газету. На самом деле этот человек развернул над тундрой знамя величайшей революции.

Шоссе скоро будет проложено и даст возможность сообщаться с отдаленным Улаганом значительно быстрее, даст возможность овладеть лесными богатствами края, ускорит культурное и экономическое развитие заброшенных урочищ.

За Улаганом дорога красивеет и разнообразится. Озера и горы называются по их внешнему виду: Круглое озеро и Длинное озеро, гора с древними монгольскими письменами

называется Гора с письменами, и большая гора—Большой горой, и гора со снежной вершиной—Снежная вершина...

Далеко внизу возникает прекрасным видением Чуйский тракт.

Горные лошади, покоряющие горные тропы, вязнущие в болотах, отбивающиеся от лесного зверя, дики и боятся торной дороги и чумазных свиней. Лошади шарахаются в сторону при виде добродушно хрюкающего поросенка, они готовы скакать прочь в горы, в тайгу, в глушь, карабкаться на гибельные кручи и ожесточенно встретить нападение жестоких, но понятных хищников.

В солнечной долине жизнерадостно стоит деревня Чибит. Чистенькие домики, просторная школа, тесные избы, круглые юрты.

Чибит расположен на Чуйском тракте, древнем торговом пути, пересекающем весь Алтай.

На придорожных лужайках цветет желтая сурепка. Возвышенности и холмы покрыты зарослями акаций. Дорога тянется вдаль белой сумасшедшей Чуи. Ниже, между отвесных скал, Чуя впадает в мутную и зеленую Катунь. Знаменитая Катунь ярится и трижды преграждает путь в Онгудай. Металлические канаты с трудом удерживают паромы. Зеленое течение настолько стремительно, что при переправе кажется: паром неподвижно стоит, а берега неудержимо несутся вперед.

Наперерез Чуйскому тракту прокладывают шоссе на Уймон. Возле устья Чуи пробивают бом. Местные жители, слыша взрывы, неодобрительно покачивают головами.

— Скалы можно не взрывать,—говорят ямщики,—дорогу можно построить дешевле.

Ямщиком на Алтае называется всякий возница, и название это обозначает не профессию, а только непосредственное занятие человека в данный момент.

Возле дороги, на лужайках, раскинуты палатки рабочих,—тракт ремонтируется и укрепляется.

Перед Улегемским перевалом вплотную приткнут к горе никем не охраняемый погреб с динамитом для подрывных работ при прокладке дороги.

Кое-где русло дороги меняют песчаные оползни, кое-где дорогу сокращают, уничтожают крутые подъемы и спуски.

Движение на Чуйском тракте не прекращается никогда. В Монголию везут фабричные товары, ситцы, керосин, чай. Из Монголии возвращаются с шерстью—«монгольским хлопком», овчинами, гонят сарлыков, быков. Оживленная торговля

ведется в течение многих веков, и ее кривая неуклонно растет вверх.

Кроме бесконечных обозов с товарами, проезжают отдельные ямщики, одинокие кустари, торгующие немудреными изделиями на свой страх и риск, любопытные туристы.

Лениво переступая, тянет низкорослая лошаденка телегу с двумя бочками дегтя. На передке сидит плечистый и степенный возница. Это Кондрат Егорыч Усольцев, житель уральской деревеньки из-под Златоуста. Он проехал тысячи километров с целью продать деготь повыгоднее. Лошадь его обеспечена подножным кормом, для себя он захватил пудов пять муки и уж бедно-бедно рубликов тридцать успел скопить. Только страсть бродяжить могла погнать этого человека за тридевять земель, хотя крестьянская природа и заставила его выдумать благовидный предлог.

Многих ямщиков сопровождают неразлучные собаки. На Алтае они действительные и необходимые помощники. На нижнем пароме на Катунь молодой ямщик долго и настойчиво упрашивал паромщика перевезти за гривенник отставшего пса. Но на привалах ни один ямщик не поделится с ними своим «запасом» — провизией, взятой на дорогу. Пропитание собаки зависит только от ее собственных способностей и ловкости.

В последнее время по тракту побежали мощные шеститонные грузовики, и сразу же между ямщиками и шоферами возникла вражда. Шоферы пугали лошадей воплями сирен, и лошади не слушались окриков хозяев, испуганно шарахались с дороги, разбивали повозки. Ямщики ловили шоферов и жестоко их избивали.

Постепенно ямщики убедились, что автомобили не мешают развитию гужевого транспорта, и отношения противников вошли в норму.

Теперь при виде застрявшего в грязи грузовика ямщики не только не злорадствуют, но даже сочувственно рассуждают:

— Застрали, сердечные... Дорогу надо наладить. Намедни свалился один под откос. Оставили лошадей, побежали помогать. Машину жалко, а человека еще жальчее... Авось, для машин дорогу поправят и нашим коням легче будет.

Ливни в Ойротии безумствуют неимоверно. За несколько часов они способны размыть дороги, остановить движение, уничтожить пути.

Но солнечные дни сияют ослепительным весельем, и солнечных дней на Алтае гораздо больше.

Даже заколоченная расписная церковка за Онгудаем торчит посреди поля занятно, точно странное безлистное растение. Даже кресты и сколоченные из досок памятники на могилах красных партизан весело сияют под солнцем и не наводят на воспоминания о несправедливой смерти, невыносимых пытках и пролитой крови. За могилами тянутся луга, и на лугах сенокос в разгаре, и звенят песни девушек, и, глядя на могилы и полевые цветы возле них, думается не о смерти, а только о том, что люди эти не забыты, сестры и жены их хорошо трудятся и поют жизнерадостную песнь.

Возле ручьев и перед лесами расстелились лужайки, сплошь заросшие высокими и душистыми, сладко пахнущими левкоями.

И снова путь в гору, и опять мрачнеет природа, и белый туман окутал мрачную Зайсанскую долину, в прошлом местопребывание зайсанов—ойротских князей. Среди густой травы бродят пять белых лошадей, только пять и сплошь белых. Темнозеленая густая высокая трава, вдалеке черный лес и почти неподвижные белые лошади—чем не иллюстрация к неизвестной легенде?

Перед гражданской войной в долине стояла одна заимка. В дни восстания заимку разрушили. В 1928 году три семьи построили здесь три дома, в 1930 году в долине уже шестнадцать домов, и называются они—деревня Зайсанская, пока еще не существующая на карте.

Путь в гору, и опять темные кедровые леса, опять умершие кедровые стволы палят серые бесхвойные сучья. Вырастают на горизонте белки, падает июльский снежок, и дорога на горе Сарлык, широкой, как спина живого сарлыка, исчезает под неожиданным белым покровом.

От Онгудая рассыпаются в стороны проселки. Трудно назвать эти проселки дорогами,—вернее, это просто места, где можно проехать. Часто ямщики ездят наугад, встречные путники помогают друг другу советами, спрошенные старожилы охотно фантазируют и вспоминают об исчезнувших дорогах.

— Дорога есть?... На Анос проедем?

— Чего ж не проехать... Назад лет двадцать архиерея возили—прокладывали дорогу.

Типун тебе на язык, старик в синей рубашке из села Маята! Дорога была. За Маятой—Маетой?—неясные тропки, густые березовые леса и непреоборимая трава. Трава завист-

ливо и сильно нападает на деревья, высокая—выше человеческого роста, жесткая—скотина не берет эту траву.

Изобилие цветов раскрашивает алтайские леса множеством ярчайших красок: лиловые ирисы и фиалки, голубые незабудки, белые левкои, пунцовые и розовые пионы, белые, желтые и лиловые ромашки, желтые лилии, синие колокольчики, красный татарник и чаще всего оранжевые лужайки огоньков.

В эти неописуемо красивые леса, на далекие лужайки собираются алтайцы праздновать свои праздники: пьют арачку, скачут на лошадях, поют песни. Солнце, воздух и зелень украшают часы веселья, и праздники действительно похожат на праздники.

От Чамала горы сходят на-нет. Расстилаются поля. Между Ойрот-тура и Бийском уже бегают автобус. Правда, лошади его еще пугаются, свирепо ржут и безрассудно треплют повозки, правда, ребятишки еще улюлюкают вслед автобусу и пуляют в него мелкою галькой, но автобус знай себе бежит, фырчит, покоряет новые дороги и с каждым днем приближается к далекому Улагану.

Конец

До свидания!

Итак, поездка окончена.

По мере своих сил и способностей мы изложили впечатления, полученные во время поездки по Ойротии летом 1930 года.

Последний наш собеседник—т. Гладков, заместитель секретаря обкома партии. Несколько сухой вначале, он, узнав, что мы уже совершили поездку, оживился и охотно помог нам проверить и осмыслить полученные впечатления.

Авторы провели в Ойротии недостаточно времени, чтобы всесторонне изучить область и нарисовать красочную картину ее жизни. Жизнь движется вперед. Книжки частенько отстают от жизни. Несомненно, многое в Ойротии изменилось и выросло. Однако даже эти разрозненные факты, отдельные эпизоды, случайные зарисовки показывают, как отсталая и угнетенная при буржуазных порядках Ойротия, освободившись от колониального гнета, находясь под защитой дикта-

туры пролетариата и состоя членом Советского союза, успешно участвует в социалистическом строительстве.

Непосредственное впечатление, казалось бы, мало выразительно:

ойрот читает газету,
дети играют кубиками,
техники измеряют озеро,

но впечатление следует осмыслить:

до революции ойроты вообще не имели письменности!

детский сад в отдаленнейшем урочище!

начало строительства мощной электростанции!—

и сфотографированное явление осознается как факт глубочайшего революционного значения.

Тов. Сталин точно определил очередные задачи национальных республик еще в мае 1925 года в речи на собрании студентов КУТВ.

«1) Создать промышленные очаги в советских республиках Востока как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса. Вы знаете, что это дело уже начато, и оно будет идти вперед по мере хозяйственного роста Советского союза. Наличие разного рода сырья, имеющегося в этих республиках, является порукой тому, что дело это со временем будет доведено до конца.

2) Поднять сельское хозяйство и, прежде всего, орошение. Вы знаете, что это дело также двинуто вперед, по крайней мере в Закавказье и Туркестане.

3) Поднять и двинуть вперед дело кооперирования широких масс крестьян и кустарей как вернейший путь включения советских республик Востока в общую систему советского хозяйственного строительства.

4) Приблизить советы к массам, сделать их национальными по составу и насадить таким образом национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам.

5) Развить национальную культуру, насадить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных людей».

Осуществляются ли эти указания в жизни?

Девушки в Турочаке, пионеры в Тундошке, заведующий юртой-передвижкой Кучияков, руководительницы аккурум-

ских яслей, Алферов и Алфимов, Тарсымаев и Сузопова...

Огород в Турочаке, телецкое лесничество, чулышманский интернат, улаганский кооператив, колхозы и дом ойротки в Онгудае, молочная артель в Хабаровке, ойрот-турские кустарные артели...

Правильно говорил секретарь обкома т. Гордиенко, что, «несмотря на то, что в Ойротии были допущены грубейшие искажения линии партии в колхозном строительстве, которые создали ряд дополнительных трудностей, областная парт-организация не только в основном исправила перегибы, но и добилась в обстановке ожесточенных классовых боев значительных успехов в деле социалистического преобразования Ойротии, имея одну пятую всех бедняцко-середняцких хозяйств в колхозах, успешно проведя весенний сев и т. д. и т. п.».

С каким хорошим, здоровым волнением перечисляет Гладков участки конкретного строительства!

«Бийтельстрой—мощная электростанция на Телецком озере... Агроиндустриальный комбинат в Онгудае... Лесопильные заводы... В Турочаке строится карандашная фабрика. Хотели было строить в Томске, да мы доказали, что кубический метр древесины будет стоить в Томске пятнадцать рублей, а в Турочаке семь... В Уймоне создается скотоводческий совхоз. Площадь его двести тысяч га. Он должен стать опорным пунктом реконструкции животноводства... Предполагаем изучить золотые прииски на Лебеди... Налаживаем дорожное строительство. Прокладываем Катуньский тракт... Развертывание работы тормозит недостаток рабочей силы, однако вопреки кулацкой агитации создаются и растут кадры ойротского пролетариата...»

Гладков горячо утверждает, что области уделяется недостаточное внимание, хотя Ойротия прекраснее других местностей.

Ойротия действительно прекрасна и достойна большого внимания и серьезного изучения. Но разве могут быть в нашей советской, в нашей замечательной стране заводы и колхозы, города и деревни неинтересные и непримечательные?

Эти слова не в упрек Гладкову. Очень хорошо, что мы станем патриотами той работы, на которую посылает нас партия. Перебросят завтра Гладкова в Рязань—он будет так же горячо перечислять преимущества Рязани и мечтать о расцвете Рязани, Ойротии, всей страны!

Карта Ойротской автономной области

